

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2 · 2014

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

2-2014

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издается с марта 1999 г. Периодичность 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsui999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsui.kubsu.ru>

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам. гл. редактора); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, профессор (Кубанский государственный университет); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доцент; **Ждановский А.М.**, канд. ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доцент; **Кольба А.И.**, канд. полит. наук, доцент (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, ответственный секретарь; **Лаврова Т.Г.**, канд. экон. наук, доцент; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доцент; **Мясникова Т.А.**, канд. экон. наук, доцент; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф.; **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябикова З.И.**, д-р психол. наук, проф. (Кубанский государственный университет); **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (технический директор); **Савва Е.В.**, канд. философ. наук, доцент; **Филиппов Ю.В.**, канд. экон. наук, проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России); **Бодалев А.А.**, д-р психол. наук, проф., академик (Российская академия образования); **Дмитриев А.В.**, д-р философ. наук, проф., член-корр. РАН (Институт философии Российской академии наук); **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф. (Адыгейский государственный университет); **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, чл.-корр. РАН (Институт психологии РАН); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии Российской академии наук); **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф. (Кубанский государственный университет); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Университет прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (Российская академия образования); **Никовская А.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии Российской академии наук); **Оркень Антал**, д-р наук, профессор (Университет Ролана Этвоша, Будапешт, Венгрия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (Южный федеральный университет); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский государственный университет); **Семенов И.С.**, д-р полит. наук, проф. (Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук); **Сморгунов А.В.**, д-р философ. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); **Фадеева Л.А.**, д-р истор. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа Российской академии наук); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский педагогический университет, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 16.06.2014. Уч.-изд. л. 11,33. Усл. печ. л. 11,67. Тираж 1000 экз. Заказ №

2-2014

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ 6

Гостева А. Б., Богомолова Е. В. Стили организационного поведения среди волонтеров: кейс Самары 19

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» 40

Базуева Е. В. Особенности становления системы институтов гендерной власти эгалитарного типа в Польше: уроки для России 55

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Бондарева О.В., Ктениду М.Д., Хозяинова Т.К. Аспекты приватности в отношениях родителей с подростками 73

Сергиенко Е.А. Субъектные факторы самоопределения современной молодежи 87

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Богомолова Е.И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия 104

КАФЕДРА

Ковалева Н. В., Жуан-Ламберт Э. Опыт реализации международных проектов как фактор формирования субъектных компетенций и конкурентоспособности преподавателей вуза в условиях многоуровневого образования 121

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 137

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ 143

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

2-2014

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editors:

Prof. **T.A. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), Deputy Editor-in-chief; Prof. **V.P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University; Prof. **A.N. Demin**, Dr. Sci. (Psychology), Deputy Editor-in-chief; Assist. Prof. **V.V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Prof. **A.M. Zhdanovsky**, Cand. Sci. (History); Assist. Prof. **A.N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **A.I. Kolba**, Cand. Sci. (Political Science), Deputy Editor-in-chief; **G.S. Kourbatova**, Executive Editor; Assist. Prof. **T.G. Lavrova**, Cand. Sci. (Economics); Assist. Prof. **A.A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **T.A. Miasnikova**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **L.N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **A.A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Z.I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University; **N.A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Technical Officer; Assist. Prof. **Ye.V. Savva**, Cand. Sci. (Philosophy); Prof. **Yu.V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **G.Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **V.M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), Deputy Editor-in-chief.

Editor-in-chief:

Prof. **Yelena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy)

Editorial board:

Prof. **T.A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), Moscow State Institute of International Relations – University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Prof. **A.A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology), Member of Rus. Acad. of Education; Prof. **A.V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Member of Rus. Acad. Sci. (Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy); Prof. **Z.A. Jadé**, Dr. Sci. (Political Science), Adygee State University; Prof. **Yu.P. Zinchenko**, Dr. Sci., (Lomonosov Moscow State University); Prof. **V.V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology; Prof. **A.L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology; Prof. **A.G. Ivanov**, Dr. Sci. (History), Kuban State University; Prof. **Jürgen Keßler**, Hochschule für Technik und Wirtschaft Berlin – University of Applied Sciences Berlin, Germany; Prof. **N.V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education; Prof. **L.I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology; Prof. **Antal Orkeny**, DsC (Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary); Prof. **V.I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Mechnikov Odessa National University, Ukraine; Prof. **S.P. Potzeluyev**, Dr. Sci. (Political Science), South Federal University; Prof. **A.P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University; Prof. **I.S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of International Economics and International Relations; Prof. **L.V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University; Prof. **L.A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State National Research University; Prof. **O.F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service under the President of the Russian Federation; Prof. **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute of Systemic Analysis; Prof. **O. L. Januškevičienė**, Dr. Sci. (Pedagogy), Dr. of Mathematics, Lietuvos edukologijos universitetas – Lithuanian University of Educational Sciences.

2-2014

CONTENTS

SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF POLITICS

- A. Selezneva.* Political values in contemporary Russian mass consciousness:
psychological analysis. 6
- A. Gosteva, E. Bogomolova.* Volunteering activities coordination styles:
the case of Samara region 19

PUBLIC POLICY

- A. Gnedash, N. Ryabchenko.* Constructive and destructive socio-political practices
in today Russia online-space: “fail”, “case”, “mechanics” 40
- E. Bazueva.* The peculiarities of establishment of the egalitarian gender power
institutions in Poland: Lessons for Russia 55

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT

- O. Bondareva, M. Ktenidou, T. Khozyainova.* The aspect of privacy in the relations
of parents with teenagers. 73
- E. Sergienko.* Subjective factors of the contemporary youth’s self-identification 87

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- E. Bogomolova.* Personal identity at virtualization of being 104

CHAIR

- N. Kovaleva, H. Join-Lambert.* The experience of implementation
of international projects as a factor of forming subject competences
and competitiveness of the teachers of schools of higher learning
in the circumstances of multilevel education. 121

INFORMATION FOR THE AUTHORS 142

REVIEWING THE ARTICLES 144

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

.....

А. В. Селезнева¹

В настоящее время проблема ценностного содержания политической реальности является актуальной и обсуждаемой в научном сообществе. Теоретические и эмпирические исследования ценностей, в том числе и политических, в XX в. осуществлялись на стыке философии, социологии, психологии и политологии. В научной литературе можно встретить более сотни определений понятия «ценность», которые анализируют разные аспекты данной проблемы.

Рассматривая политические ценности в рамках политико-психологического подхода, мы определяем их как политические убеждения и цели индивидуума или общества, отражающие в их сознании устойчивую положительную значимость тех или иных смыслов, принципов и явлений и служащие ориентирами в мире политики.

Изучению данной проблемы посвящен научно-исследовательский проект «Политические ценности и их восприятие в современной России», который осуществляется на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В статье представлены некоторые результаты первого этапа этого исследования.

Наши данные лишь отражают сегодняшнее ценностное состояние массового сознания, формируют вектор дальнейшего более глубокого психологического изучения содержания политических ценностей разных социальных групп и определяют основания для выявления условий и трендов их дальнейшей трансформации.

Мы можем заключить, что в современном российском обществе существует единая система политических ценностей. Для россиян сегодня наиболее значимы «ценности безопасности» как часть материалистических ценностей (в терминологии Р. Инглхарта). Потребность в безопасности (личной, экономической, политической) характерна для всех групп российского общества вне зависимости от возраста или позиции в идеологическом спектре.

Ценностное состояние российского общества можно все же характеризовать термином «аномия», рассматривая его как ценностную рассогласованность между разными уровнями существования политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями, элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами).

Ключевые слова: политическая психология, политические ценности, массовое сознание, аномия.

¹ Селезнева Антонина Владимировна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: ntonina@mail.ru

Изучение ценностей осуществляется в российской и зарубежной науке довольно давно с разных теоретико-методологических позиций: философских, культурологических, социологических, политологических, психологических. При этом в фокусе исследовательского интереса ученых находятся ценности универсальные, базовые, морально-нравственные и т.п. Однако вопросам политических ценностей посвящена небольшая часть этого богатого научного наследия.

На протяжении длительного времени размышлениями о политических ценностях занимались в основном философы в контексте построения политико-идеологических концепций. Самостоятельным предметом изучения политические ценности становятся приблизительно во второй половине XX в., когда появляются специальные политико-социологические и политико-психологические теоретические разработки и эмпирические исследования (М. Рокич, Р. Инглхарт, Ш. Шварц и др.) [Rokeach, 1973; Inglehart, 1997; Schwartz, 1992]. Эти ставшие уже классическими работы сформировали фундаментальную научную базу, на основе которой и по сей день осуществляются масштабные исследовательские проекты по изучению политических ценностей².

В российской политической науке традиция изучения политических ценностей насчитывает чуть более двух десятилетий. За это время было проведено несколько крупных исследований ценностей массового политического сознания, которые носили преимущественно социологический характер, фиксировали структуру ценностных ориентаций граждан и обозначали состояние общества разными терминами (ценностный вакуум, ценностный раскол, ценностный кризис и т.п.) [Капустин, Клямкин, 1994; Лапин, 1996; Базовые ценности россиян..., 2003; Петухов, 2011]. При этом основной упор в них был сделан на выявление спектра ориентаций граждан в ценностном континууме «советские — либерально-демократические» и выделение в структуре общества разных ценностных кластеров.

За скобками в этих случаях оставалась психологическая природа выявленных размежеваний, а ведь именно с точки зрения психологии возможно объяснить столь длительный ценностный поиск и идеологические метания, которые происходят в нашей стране и по сей день.

Изучению данной проблемы и посвящен научно-исследовательский проект «Политические ценности и их восприятие в современной России», который начал осуществляться на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 2013 г. Проект предполагает комплексное психологическое изучение политических ценностей в разных аспектах: политико-культурном, партийно-идеологическом, социально-демографическом.

² Например: Европейское исследование ценностей (European Values Study), Всемирное исследование ценностей (World Values Survey), Европейское социальное исследование (European Social Survey)

Наша исследовательская модель предполагает выделение двух уровней изучения политических ценностей: верхнего (политические ценности в структуре партийных идеологий) и нижнего (политические ценности массового сознания).

Политические ценности мы определяем как обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций, и рассматриваем их в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и поведения. В рамках нашего подхода политические ценности обладают рядом особенностей:

- количество политических ценностей довольно ограничено;
- политические ценности иерархически упорядочены и системно организованы,
- политические ценности выражаются в абстрактных категориях и тесно связаны с политическими представлениями, раскрывающими смысл ценностных конструктов.

Очень важно отметить, что с психологической точки зрения политические ценности как наиболее устойчивые и смыслообразующие компоненты необходимо отличать от таких ситуативно обусловленных и эмоционально окрашенных психических состояний, как настроения, которые характеризуются низкой степенью осознанности, легко формируются каналами коммуникации и могут быть направлены на любые политические объекты [Евгеньева, Селезнева, 2013]. Политические настроения, в нашем случае массовые, способны быстро изменяться под влиянием ситуативного контекста, но это отнюдь не означает изменения ценностей. Данное замечание очень существенно, поскольку в политологической научной литературе часто встречается смешение указанных понятий.

Политические ценности продуцируются сверху политическими институтами (государством, президентом, политическими партиями), представляются в политических документах, текстах, программных и агитационных материалах и транслируются с помощью средств массовой политической коммуникации. Интериоризация существующих в обществе политических ценностей в структуру личности гражданина происходит в процессе политической социализации под влиянием ее институтов и агентов (семьи, школы, СМИ, политических партий и молодежных организаций и т.д.).

Политические ценности входят в более общую структуру базовых (на уровне массового сознания) или универсальных (в рамках партийных идеологий) ценностей. В нашем исследовании мы акцентируем внимание именно на политических ценностях, оставляя за скобками нашего анализа базовые и универсальные ценностные категории (семья, любовь, здоровье и т.п.).

Методологическую базу исследования составляет комплекс политико-психологических методик, который носит количественно-качественный характер (анкетирование, глубинные интервью, методика Р. Инглхарта, ассоциативные и проективные тесты, контент-анализ документов). Реализация проекта предполагает несколько этапов, на каждом из которых решаются определенные задачи.

В марте-августе 2013 г. состоялся первый этап проекта, в рамках которого был проведен качественный контент-анализ актуальных программ российских политических партий, представленных в Государственной Думе ФС РФ, и всероссийский анкетный опрос с выборкой 2037 респондентов, сбалансированной по полу, возрасту, образованию и региону проживания. Анализ программных документов был направлен на выявление спектра декларируемых политическими партиями политических ценностей и их содержательных различий. Анкетный опрос был нацелен на определение ценностной структуры массового сознания и ее взаимосвязи с политическими и идеологическими ориентациями, разными формами политического участия и поведения. При этом были предусмотрены основные линии анализа:

- политические ценности граждан по шкале «материализм/постматериализм»;
- иерархия политических ценностей россиян;
- демократические ценности в сознании россиян;
- партийно-идеологические ценности в сознании россиян;
- политические ценности разных социальных групп (поколенческие общности, партийные и беспартийные, сторонники власти и оппозиции и т.д.).

Изучение политических ценностей в рамках проекта осуществляется коллективом исследователей, в котором каждый имеет свой собственный фокус научного анализа. В данной статье остановимся лишь на первых двух из указанных исследовательских направлений, которые входят в сферу научных интересов автора.

Результаты исследования и их обсуждение

Политические ценности граждан по шкале «материализм/постматериализм». Изучение политических ценностей россиян в рамках дихотомии «материалистические/постматериалистические» стало уже традиционным для политической психологии. Обозначенная Р. Инглхартом детерминация политических ценностей неудовлетворенными потребностями разного уровня позволяет взглянуть на них с чисто психологических позиций.

Полученные нами данные показывают, что в сознании россиян доминируют материалистические ценности, актуализированные неудовлетворенными потребностями низшего уровня (физиологическими и безопасности). Из шести индикаторов, имеющих наибольшее значение по результатам исследования,

пять являются индикаторами материалистичности (табл. 1). При этом ключевые индикаторы связаны главным образом с волнующими граждан экономическими вопросами: «достижение высокого уровня экономического развития» (43,2%), «стабильная экономика» (35,9%), «борьба с ростом цен» (28,4%).

Таблица 1

Политические ценности россиян по шкале «материализм/постматериализм»

Индикаторы	%	Индикаторы	%	Индикаторы	%
Достижение высокого уровня экономического развития	43,2	Сохранение порядка в стране	36,4	Стабильная экономика	35,9
Обеспечение надежной обороноспособности страны	26,8	Предоставление народу возможности больше влиять на важные решения	23,8	Движение от обезличенного к более гуманному обществу	12,6
Создание условий, когда люди имеют больше возможностей решать	19,6	Борьба с ростом цен	28,4	Движение к обществу, в котором человек ценится больше денег	27,2
Попытка сделать города и села более красивыми	8,4	Защита свободы слова	10,6	Борьба с преступностью	23,5
Затрудняюсь ответить	2,0	Затрудняюсь ответить	0,9	Затрудняюсь ответить	0,9

Концепция Р. Инглхарта о материалистических и постматериалистических ценностях служит одной из фундаментальных теоретико-методологических основ нашего исследования. Если следовать концепции Р. Инглхарта, в целом каждое последующее поколение должно жить в большем материальном достатке, чем предыдущее (опираясь на теорию потребностей А. Маслоу), т.е. должно ощущать большую социальную и экономическую безопасность и ориентироваться на реализацию высших социальных и духовных потребностей. Данная модель может работать лишь в том случае, если история развивается по восходящей линии. Реалии жизни показывают, что зигзаги исторического развития по-разному отражаются на соотношении материалистических и постматериалистических ориентаций поколений.

Социокультурный кризис 1990-х гг., сопровождавшийся в России кардинальными экономическими и политическими преобразованиями, разрушил сформированную у граждан политическую картину мира [Евгеньева, 2013]. В результате преобладающими в сознании оказались именно материалистические ценности, актуализированные неудовлетворенными физиологическими потребностями и потребностями в безопасности. Причем это было характерно для всех поколенческих общностей [Андреевкова, 1994].

Период стабилизации, связанный с социально-экономическими и политическими преобразованиями В. Путина, казалось бы, должен был привести к некоторому ценностному сдвигу в сторону постматериалистичности. Однако, как показывают наши исследования, на рубеже 2000-2010-х гг. материалистические ценности в сознании людей по-прежнему преобладали. На тот момент вряд ли можно было однозначно говорить о более постматериалистических молодых когортах в противовес более материалистическим старшим, поскольку даже самое молодое поколение россиян (путинское) устойчиво демонстрировало высокий уровень актуализации материалистических ценностей [Селезнева, 2011b].

Результаты исследования 2013 г. также подтвердили, что материалистические ценности все еще преобладают. Подобное состояние ценностного пласта массового сознания, на наш взгляд, является ответом людей на социально-экономические и политические условия их жизни, в которых они не чувствуют себя защищенными и не уверены в завтрашнем дне. Данные ВЦИОМ показывают, что на протяжении двух лет (с середины 2010 до середины 2012 г.) количество респондентов, которые на вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?» отвечают «скорее нет» и «нет», постепенно растет (от 48 до 52%) [Мониторинг общественного мнения, 2012, с. 116]. Справедливости ради стоит отметить, что этот рост не носит постепенного линейного характера. За представленный период наблюдаются определенные колебания в сторону большего увеличения количества людей, ощущающих беспокойство за свое будущее. Так, пик неуверенности приходится на середину 2011 г., когда данный показатель равнялся 61%.

Иерархия политических ценностей россиян. Для выявления спектра политических ценностей в российском массовом сознании мы предлагали респондентам в числе прочих вопросов определить значимость для них ценностных понятий по шкале от -1 до 3. Список понятий был составлен на основе использованного нами ранее набора слов-ценностей [Селезнева, 2011a], дополненного по результатам контент-анализа программ политических партий. В результате статистической обработки полученных данных было выявлено, что наиболее значимыми политическими ценностями являются *мир* (71,5%), *безопасность* (69,9%), *законность* (67,1%), *права человека* (65,9%), *порядок* (65,7%), *справедливость* (61,7%), *свобода* (58%). Наименее значимы для россиян ценности *национализма* (25,9%), *коллективизма* (11,5%) и *толерантности* (7,3%).

Полученная нами иерархия политических ценностей отражает ценностную палитру массового сознания лишь в самом общем виде. Фиксация ценностных предпочтений в виде абстрактных политических категорий — это лишь отправная точка для дальнейшего глубинного психологического анализа содержательного их наполнения. Однако уже сейчас можно обозначить некото-

Таблица 2

Политические ценности россиян (результаты оценочного шкалирования), %

Политические ценности	Отрицательное значение	Не имеет значения	Имеет небольшое значение	Довольно значимо	Очень значимо
Равенство	4,8	15,1	20,8	31,8	27,5
Демократия	3,7	17,1	22,3	32,5	24,4
Частная собственность	3,5	13,4	20,5	31,7	30,9
Национализм	25,9	27,5	20,3	16,3	10,0
Традиционность	3,8	25,7	26,0	26,0	18,5
Стабильность	1,0	8,7	10,5	28,2	51,6
Солидарность	2,8	21,2	26,3	29,0	20,7
Толерантность	7,3	20,5	22,9	25,2	24,1
Мир	0,7	6,4	5,9	15,5	71,5
Порядок	0,7	5,4	5,5	22,7	65,7
Свобода	0,6	6,9	8,9	25,5	58,0
Законность	0,5	6,1	6,0	20,3	67,1
Патриотизм	1,4	10,9	16,7	28,6	42,4
Безопасность	0,4	5,9	5,6	18,3	69,9
Справедливость	0,6	7,7	8,2	21,7	61,7
Коллективизм	11,5	27,9	24,4	22,2	14,1
Индивидуальная инициатива	1,9	16,1	23,7	33,6	24,8
Права человека	0,5	5,8	6,3	21,6	65,9

рые вырисовывающиеся тренды, подтверждающиеся как результатами наших предыдущих исследований, так и данными наших коллег.

По результатам наших предыдущих исследований политические ценности *мир, законность, порядок, безопасность, свобода и справедливость* составляют верхний уровень ценностной иерархии россиян на протяжении последних пяти лет [Селезнева, 2012]. Схожие данные были получены и нашими коллегами из ВЦИОМ, зафиксировавшими актуальность ценностей порядка и справедливости [Политические и мировоззренческие ценности..., 2008; Социальные факторы..., 2010]. В рамках европейских исследований Россия демонстрирует высокий уровень ценностного индекса безопасности [Магун, Руднев, 2008].

А.Г. Бызов приводит данные, полученные в результате исследований Института социологии РАН, согласно которым в 2012 г. около 68% россиян считали, что «страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены» [Бызов, 2012, с. 145].

По данным исследования Института социологии РАН, представления россиян о желаемом будущем устройстве страны основаны на идеях социальной справедливости, равных прав для всех, демократии и свободе самовыражения личности. При этом среди ключевых компонентов демократического общества наиболее значимым является «равенство всех граждан перед законом» (77% опрошенных) [Петухов, Бараш, 2012, с. 7]. Эти данные определенным образом подтверждают полученный нами запрос россиян на права и свободы, причем не как факт их наличия, а скорее как практику их реализации, соблюдение их в соответствии с установленными законом нормами. Данное обстоятельство проистекает из особенностей современных реалий, когда права вроде бы у всех равны, но у простых граждан, не обладающих властными и материальными ресурсами, они часто нарушаются со стороны органов государственной власти и правопорядка.

Некоторые выводы

В целом полученные на первом этапе проекта результаты отражают лишь фиксированное на сегодняшний день ценностное состояние массового сознания и формируют векторы дальнейшего глубинного психологического исследования содержания политических ценностей у разных социальных групп, выявления причин такого состояния и тенденций их возможных дальнейших трансформаций. В силу особенностей социально-политических процессов россияне не испытывают уверенности в завтрашнем дне, их базовые потребности остаются все еще неудовлетворенными, несмотря на относительную стабильность в стране. Все это актуализирует ценности безопасности, мира, порядка, стабильности и законности. Политические партии, ориентируясь на запросы избирателей, декларируют в своих программах эти политические ценности, наполняя их разным смыслом и содержанием в зависимости от своей политической ориентации.

Российские граждане довольно активно участвуют в политике, ходят на массовые политические мероприятия, голосуют на выборах за те политические силы, которые, на их взгляд, способны улучшить жизнь. В то же время практической реализации политических ценностей как со стороны политических партий, так и со стороны руководства страны в полной мере не происходит. Возникает своего рода замкнутый круг, когда одни и те же наиболее общие, базовые политические ценности (мир, безопасность, законность, порядок) остаются высокоактуализированными в течение длительного времени.

Исследователи по-разному определяют современное состояние российского массового сознания. Некоторые отечественные ученые считают, что после ценностного консенсуса или баланса 2000-х гг. на базе путинской метаидеологии в первые годы нового десятилетия наметилась тенденция его распада на уровне руководства страны: «Действия властей показывают, что

путинский режим ощущает себя не слишком уверенно в условиях распада прежнего баланса и пытается выстроить новый» [Бызов, 2013, с. 8]. Однако никаких существенных перемен в структуре идейно-политических предпочтений россиян не происходит и «ценностные предпосылки для воссоздания идеологического баланса сохраняются» [Бызов, 2013, с. 8].

Результаты наших исследований 2013 г. и прошлых лет позволяют нам согласиться с мнениями коллег. Мы также не наблюдаем серьезных трансформаций ценностей массового сознания, которые могли бы свидетельствовать о глубоком кризисе в головах людей. С точки зрения механизмов ценностных изменений пока все еще можно говорить о существовании консенсуса или баланса в отношении ключевых ценностных конструктов на уровне российских граждан. Что же касается их содержания, то смысловое наполнение людьми важных для них ценностных понятий осуществляется на основе синтеза многочисленных неструктурированных и порой противоречивых представлений о политике, политических процессах и событиях. «Идеологическая каша» в политическом сознании людей, которая выражается в изменчивости их представлений о субъектах и формах реализации их политических ценностей под влиянием многочисленных и разнонаправленных информационных потоков, часто представляется учеными как свидетельство наличия в обществе ценностных расколов или даже аномии, хотя с психологической точки зрения это не совсем так.

Вопрос о наличии или отсутствии в российском обществе аномии, индикаторами которой могут выступать политические ценности, с нашей точки зрения, требует уточнения, основанного на понимании психологической природы политических ценностей. Аномию следует рассматривать не как ценностный вакуум, а скорее как ценностную рассогласованность (по Р. Мертону). При этом не совсем правомерно вести речь о полномасштабной ценностной рассогласованности на уровне массового сознания в современной России. Палитра политических ценностей претерпевает, конечно, с течением времени некоторые изменения, в ценностной иерархии какие-то концепты меняются местами. Но глобально набор наиболее важных для людей политических ценностей остается все тем же, что подтверждается многочисленными исследованиями. Другое дело содержательное наполнение ценностных конструктов, на которые ориентируются граждане. Вот тут как раз и наблюдается существенное смешение понятий и «каша в головах». То есть эта самая рассогласованность существует главным образом на уровне политических представлений граждан о том, кто и как может реализовать их ценности и потребности. Это, на наш взгляд, первый уровень рассогласованности, психологический, существующий в массовом сознании.

Второй уровень рассогласованности связан с отсутствием четких партийных идеологий, которые могли бы предложить россиянам понятный и отвеча-

ющий их запросу набор политических ценностей. То есть рассогласованность существует на уровне всего общества между верхним и нижним уровнем существования политических ценностей (по нашей модели), между предлагаемыми политическими партиями наборами идей и ориентиров и актуализированными в массовом сознании политическими ценностями. Об этом пишут многие отечественные исследователи, анализируя реализацию политическими партиями идеологической функции. Например, по мнению В. В. Петухова, партиям все меньше удается реализовывать функцию идеологической и политической идентификации, поскольку «старый спор между левыми и правыми истощил свою способность пояснять проблемные темы и предоставлять достоверную картину реальности» [Петухов, 2011, с. 40].

Таким образом, ценностное состояние российского общества можно характеризовать термином «аномия», рассматривая его как ценностную рассогласованность между разными уровнями существования политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями, элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами).

Библиографический список

1. Андреевкова, А. В. (1994). Постматериалистические / материалистические ценности в России. *Социологические исследования*, (11), 73–81.
2. Бызов, А. Г. (2012). Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества. *Россия реформирующаяся*, (11), 142–168.
3. Бызов, А. Г. (2013). Избирательный цикл 2011–2012 годов через призму ценностных и идейных противоречий общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (2), 5–12.
4. Горшков, М. К. (ред.). (2010). *Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение*. Москва: Новый хронограф.
5. Евгеньева, Т. В. (2013). Роль исторической памяти в процессе политической социализации граждан России (политико-психологический анализ). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 3 (15), 70–79.
6. Евгеньева, Т. В., Селезнева, А. В. (2013). *Психология массовой политической коммуникации*. Москва: Издательство Московского университета.
7. Капустин, Б. Г., Клямкин, И. М. (1994). Либеральные ценности в сознании россиян. *Политические исследования*, (1-2), 68–92.
8. Лапин, Н. И. (1996). Модернизация базовых ценностей россиян. *Социологические исследования*, (5), 3–20.
9. Магун, В., Руднев, М. (2008). Жизненные ценности российского населения: сходства и различия в сравнении с другими европейскими странами. *Вестник общественного мнения*, (1), 33–58.

10. Петухов, В. В. (2011, Январь/Февраль). Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (101), с. 6–23.
11. Петухов, В. В., Бараш, Р. Э. (2012, Сентябрь/Октябрь). Хотят ли россияне демократию, и, если хотят, то какую? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5 (111), с. 46–58.
12. Политические и мировоззренческие ценности россиян. (2008). Режим доступа: http://www.inop.ru/files/4_1_2007_184_2.doc
13. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. (ред.). (2003). *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*. Москва: Дом интеллектуальной книги.
14. Селезнева, А. В. (2011b). Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 3 (15), 22–33.
15. Селезнева, А. В. (2011a). Методология исследования политических представлений и ценностей. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, (2), 42–53.
16. Селезнева, А. В. (2012). *Политические представления и ценности россиян*. Москва: Издательство Московского университета.
17. Федоров, В. В. (ред.). (2012, Июль/Август). Результаты опросов общественного мнения: июль-август 2012. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4 (110), с. 116.
18. Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization. Cultural, economical and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press.
19. Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.
20. Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values. *Advances in experimental social psychology*, 25, 1–65.

Статья поступила в редакцию 20.01.2014.

.....

POLITICAL VALUES IN CONTEMPORARY RUSSIAN MASS CONSCIOUSNESS: PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

A. V. Selezneva

Dr. Antonina V. Selezneva, Cand. Sci. (Political Science), Moscow State University, Faculty for Political Science, Chair for sociology and political psychology, senior lecturer.
E-mail: ntonina@mail.ru.

Today the problem of value content of political reality is topical and discussed in scientific society. Theoretical and empirical researches of values, including political ones, in the 20th century were carried out at the intersection of philosophical, sociological, psychological and political sciences. More than hundred definitions of *value* notion can be found in scientific literature analyzing different aspects of the problem.

Considering political values in the frames of political-psychological approach, we define them as political beliefs and objectives of an individual or a society, reflecting in their men-

tality stable meaningfulness of these or those senses, principles and phenomena, which are landmarks in the world of politics.

Political values and their perception by Russian citizens project is devoted to the study of the problem and is carried at the chair for sociology and political psychology of Moscow State University. This article presents some results of the first stage of the research.

Our data just reflect contemporary state of value of popular mentality; build the vector of further deeper psychological study of political values' content for different social groups and define the grounds for discovering the conditions and trends of their further transformations.

We can conclude that in the modern Russian society there is a unite system of political values, the most notional being *security values* as a part of materialistic values (in terms by R. Inglehart). The need for security (personal, economic and political) is characteristic for all the groups of Russian society independently of age and position in ideological spectrum.

The value condition of Russian society can be nevertheless characterized by anomy word considering it as value discordance between different levels of the existence of political values: the level of value and sense producers (political parties, elite as a whole) and the level of the users of political value products (ordinary people).

Key words: political psychology, political values, popular mentality, anomy.

References

1. Andreenkova, A. V. (1994). Postmaterialisticheskie / materialisticheskie tsennosti v Rossii [Postmaterialistic/materialistic values in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 73–81.
2. Byzov, L. G. (2012). Predstavleniya i mechti rossiyan ob ustroystve Rossii cherez prizmu tsennistnykh i ideynih protivorechiy obschestva [Representations and dreams of Russians about the device of Russia through value and ideological contradictions of society]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia reformed], (11), 142–168.
3. Byzov, L. G. (2013). Izbiratel'nyy tsikl 2011–2012 godov cherez prizmu tsennostnykh i ideynykh protivorechiy obschestva [2011–2012 Election Cycle through Value and Ideological Contradictions of Society]. *Monitoring obschestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], (2), 5–12.
4. Evgenieva, T. V., & Selezneva, A. V. (2013). *Psihologiya massovoy politicheskoy kommunikatsii* [Psychology of Mass Political Communication]. Moscow: Moscow University Press.
5. Evgenyeva, T. V. (2013). Rol' istoricheskoy pamyati v protsesse politicheskoy sotsializatsii grazhdan Rossii (politico-psihologicheskiy analiz) [The Role of Historical Memory in the Political Socialization Process of Russian Citizens (Political-psychological Analysis)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 3 (15), 70–79.
6. Fedorov, V. V. (Ed.). (2012, July/August). Rezul'taty oprosov obschestvennogo mneniya: iyul'-avgust 2012. [Results of polls: July-August 2012]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic & Social Changes], 4 (110), p.116.
7. Gorshkov, M. K. (Ed.). (2010). *Sotsialnie faktori konsolidatsii rossiyskogo obschestva: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension]. Moscow: Novyy khronograf.

8. Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization. Cultural, economical and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press.
9. Kapustin, B. G., & Klyamkin, I. M. (1994). *Liberal'nie tsennosti v soznanii Rossiyan* [Liberal values in the minds of Russians]. *Politicheskie issledovaniya* [Political researches], (1-2), 68–92.
10. Lapin, N. I. (1996). Modernizatsiya bazovih tsennostey Rossiyan [Modernization of the basic values of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (5), 3–20.
11. Magun, V., & Rudnev, M. (2008). Zhiznennye tsennosti rossiyskogo naseleniya: shodstva i razlichiya v sravnenii s dugimi evropeyskimi stranami [Life Values of the Russian Population: Similarities and Differences in Comparison to other European Countries]. *Vestnik obschestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], (1), 33–58.
12. Petukhov, V. V., & Barash, R. E. (2012, September/October). Hotyat li rossiyanе demokratiyu, I, esli hotyat, to kakuyu? [Do Russians Want Democracy, If So, What Kind of Democracy?]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic & Social Changes], 5 (111), pp. 46–58.
13. Petukhov, V.V. (2011, January/February). Tsennostnaya palitra sovremennogo rossiyskogo obschestva: "ideologicheskaya kasha" ili poisk novih smislov? [Valuable palette of contemporary Russian society: "ideological mess" or search for new meanings?]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic & Social Changes], 1 (101), pp. 6–23.
14. Politicheskiye i mirovozzrencheskiye tsennosti rossiyan [Political and ideological values of Russians]. (2008). Retrieved from http://www.inop.ru/files/4_1_2007_184_2.doc
15. Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.
16. Ryabov A. V., & Kurbangaleeva E. Sh. (Eds.). (2003). *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsialnye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoli. Mifi* [Basic Values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
17. Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values. *Advances in experimental social psychology*, 25, 1–65.
18. Selezneva, A. V. (2011a). Metodologiya issledovaniya politicheskikh predstavleniy i tsennostey [Methodology of Studying Political Representation and Values]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], (2), 42–53.
19. Selezneva, A. V. (2012). *Politicheskiye predstavleniya i tsennosti rossiyan* [Political Views and Values of the Russian People]. Moscow: Moscow University Press.
20. Selezneva, A.V. (2011b). Psihologicheskiy analiz politicheskikh tsennostey sovremennykh rossiyskikh grazhdan: pokolencheskiy aspekt [Psychological Analysis of Political Values in Contemporary Russian Public: Generational Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 3 (15), 22–33.

СТИЛИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ВОЛОНТЕРОВ: КЕЙС САМАРЫ

.....

А. Б. Гостева, Е. В. Богомолова¹

Волонтерство, являясь широко распространенным явлением, не может быть однородным и состоит из направлений, имеющих свою специфику. Цель статьи — проверить предположение о делении волонтерских организаций на два типа — формальный и неформальный, — которые различаются по особенностям организационного поведения и мотивам участников. Это может быть полезным для применения дифференцированного подхода к управлению волонтерскими организациями разных типов. Также сами волонтеры смогут иметь представление о том, в проектах какой организации следует участвовать, чтобы достигнуть желаемых целей. Для статьи из 50 интервью, собранных в рамках межрегионального проекта, было отобрано пять наиболее информативных личных полуструктурированных интервью с представителями волонтерских организаций (активисты и лидеры) Самарской области, собранных в рамках проекта. Исследование проводилось в соответствии с принципами обоснованной теории, с применением открытого, фокусированного и осевого кодирования. Мы выяснили, что изначально предположенное нами деление волонтерских течений на два организационных типа, четко различающихся по мотивам не отражает действительность достаточно точно. Мы выделили четыре вида добровольческих организаций, различающихся по организационным особенностям: стихийные волонтерские движения, общественные организации, корпоративное волонтерство и организуемое государством добровольчество. Подробно проанализированы были последние три типа, и по итогам анализа стало ясно, что нет четкого разделения между течениями по мотивации волонтеров, однако организации различного типа преследуют разные цели (демонстрация социальной ориентированности населению; решение социальных проблем), используют неодинаковые способы привлечения волонтеров и организации их работы (экономическая и внеэкономическая логика).

Ключевые слова: волонтерство; добровольчество; типы волонтерских организаций; стили организационного поведения; мотивы.

Волонтерство (добровольчество), как и всякое глобальное явление, неизбежно включает разнообразные течения. По данным британского благотвори-

¹ Гостева Анна Борисовна — студентка магистратуры факультета социологии, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. Программа: «Прикладные методы социального анализа рынков». Эл. почта: agosteva@list.ru.

Богомолова Екатерина Вячеславовна — студентка 1 курса магистратуры факультета социологии, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. Программа: «Комплексный социальный анализ». Эл. почта: catherinebogomolova@gmail.com

тельного фонда CAF [Мировой рейтинг благотворительности 2012], странами-лидерами по доле граждан, участвующих в волонтерской деятельности, стали Туркменистан, Либерия, Таджикистан, Филиппины, Канада, Парагвай, США. Передовые демократические нации в этом списке соседствуют со странами, где массовое добровольчество, предположительно, может носить не вполне добровольный характер (например, страны Центральной Азии). Это позволяет сделать вывод, что в целом волонтерство имеет слишком неоднородный характер, чтобы можно было говорить об универсальной модели добровольчества.

Статья нацелена на выявление стилевых особенностей организационного поведения внутри российского волонтерского движения по следующим типовым характеристикам: рекрутирование волонтеров, координация их деятельности, а также заявленные цели волонтерских организаций. В качестве информационной базы использовалась коллекция личных полуструктурированных интервью с лидерами и активистами добровольческих объединений, действующих в Самарской области (гг. Самара и Тольятти)². Для разработки отобранных категорий мы использовали 5 интервью.

Теоретические основания исследования

Общие подходы к изучению добровольчества и его определения. Основательница российской школы социальной работы Е. Холостова дает следующее определение изучаемому феномену: «Волонтеры — это люди, делающие что-либо по своей воле, по согласию, а не по принуждению. Они могут действовать либо неформально, работать бесплатно как в государственных, так и частных организациях медицинской, образовательной сферы, либо социального обеспечения, или являться членами добровольческих организаций» [Холостова, 1997, с. 121-124]. И. Городецкая рассматривает добровольчество как одну из предпосылок формирования гражданского общества посредством некоммерческих организаций, которые ограничивают излишнее вмешательство государства в общество, с одной стороны, и компенсируют индифферентность рынка к социальным проблемам — с другой [Городецкая, 2001, с. 78]. Тематический корпус литературы стал настолько широким, что к нему применим и мультипарадигмальный подход [Кудринская, 2006].

Теории, интерпретирующие волонтерство с точки зрения индивидуальных признаков акторов, можно разделить на два направления: (1) социологические подходы, изучающие мотивы и самосознание участников добровольческого движения; (2) концепции, рассматривающие волонтерскую деятельность через призму теории рационального действия [Wilson, 2000, p. 215].

²Использовались данные проекта «Формальное» и «неформальное» молодежное добровольчество в дискурсах организаторов, руководителей, активистов и рядовых участников: поиск потенциала для автономного развития, взаимного дополнения и сотрудничества», выполненного Краснодарским краевым общественным фондом «Независимый аналитический центр «Социум — Регион»» в 2011 году для Института общественного проектирования.

Согласно субъективному подходу к объяснению в социологии, ценности и убеждения, свойственные волонтерам, приобретаются ими в процессе социализации, в котором важную роль играют не только люди из референтных групп человека, но и принятые в обществе нормы [Astin, 1993, p. 5]. Волонтеры действительно более склонны приносить пользу обществу, чем неволонтеры, но связь между жизненными ценностями и стремлением стать добровольцем слабая и непоследовательная [Hoge et al., 1998, p. 479].

Теория индивидуального уровня учитывает такие факторы, как образование, свободное время, работа, доход и рассматривает их в качестве основных предпосылок добровольчества: с ростом уровня образования повышается осведомленность о социальных проблемах, увеличивается сочувствие, формируется уверенность в себе [Rosenthal et al., 1998]. Самые низкие показатели вовлеченности в добровольческую деятельность наблюдаются среди безработных и людей, ведущих домашнее хозяйство [Stubbings, Humble, 1984]. Теория человеческого капитала помогает понять, кто более склонен к волонтерству, но она не в состоянии объяснить, почему люди участвуют в этой деятельности.

Теория обмена выдвигает допущение о рациональном выборе: при принятии решения о занятии волонтерством люди взвешивают все положительные и отрицательные стороны [Snyder et al., 1999]. К причинам для занятия волонтерством относят две: добровольцы сами нуждаются в помощи или уже получили ее [Banks, 1997, p. 30-38]; они ожидают какие-либо награды за свою работу или возмещают отсутствие возможности самореализации на оплачиваемой работе [Wilson, Musick, 1997, p. 263]. Теория обмена предполагает, что человек принимает решения и действует изолированно от других людей, вопреки свидетельствам того, что человек выстраивает свои действия в соответствии с социальным окружением.

Бинарные модели добровольчества

Под бинарными моделями добровольчества мы подразумеваем теоретические модели, сводящие многообразие добровольчества к полярным идеальным типам. Так, различают «нормативную» традицию и теорию «социальной практики». Согласно первой точке зрения, в процессе воспитания с раннего детства закладываются просоциальные установки, которые в дальнейшем повышают шансы на самостоятельное принятие решения об участии в волонтерстве. Сторонники второй теории упор делают на «добровольно-принудительное» вовлечение в практическую деятельность, в процессе которой и предполагается формирование нормативных представлений. В итоге получают добровольцы двух типов: в одном случае проектируется специальное воспитательное воздействие на сознание, в другом — создается формирующая нужные установки среда [Janoski et al., 1998].

Сходным образом различают коллективный (традиционный, досовременный) и рефлексивный (современный) стили добровольчества [Hustinx, Lammertyn, 2003; Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Eckstein, 2001; Beck, 2001]. Для первого типа характерны этика обслуживания и чувство долга перед сообществом. Мотивами добровольцев второго типа выступают стремление к самореализации, преследование личных интересов и потребностей [Hustinx, Lammertyn, 2003; Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Eckstein, 2001; Beck, 2001]. Предпочтительные сферы деятельности также различаются; если «коллективисты» сосредоточены на помощи незащищенным слоям населения, то «рефлексивные» — на современных острых проблемах: профилактика ВИЧ/СПИД, защита животных и т.п. Подобные сферы деятельности считаются «модными», интересными, чтобы «удержать» добровольцев [Gaskin, 1998].

Различия между традиционным и современным стилем волонтерства описываются по шести главным основаниям:

1. *Биографический критерий.* В коллективном стиле, добровольческая активность контролируется группой — не индивидом [Eckstein, 2001, p. 829]. Волонтеры разделяют сильное чувство принадлежности к коллективному «мы» [Hustinx, Lammertyn, 2003, p. 172]. *Рефлексивный стиль* связан с индивидуализированными формами ответственности: решение об участии принимается из личных предпочтений.

2. *Мотивационная структура.* Коллективное участие обусловлено чувством долга перед локальным сообществом или иной группой членства. Личные устремления участников соотносятся с коллективными целями, утверждается высокий уровень групповой идентичности [Clemens, 2001, p. 474-476]. *Рефлексивные волонтеры* мотивированы стремлением преодолеть неопределенность собственного существования и потребностью в самореализации. Однако плюрализм мотивов не исключает чувства сострадания и серьезных обязательств.

3. *Сила ответственности.* В коллективном стиле групповая принадлежность выражается в постоянном на протяжении всей жизни добровольческом участии. Волонтеры *рефлексивного стиля* волонтерят нерегулярно, поскольку готовы возлагать на себя ответственность, только ориентируясь на свои личные потребности.

4. *Организационная среда.* В коллективном стиле организация играет решающую роль в процессе социализации и поддержании групповой связи. С возникновением *рефлексивного стиля* появились новые организационные структуры, изменилась и значимость организации. Смысл участия теперь состоит не в принадлежности к группе, а в участии в определенных видах активности.

5. *Выбор сферы активности.* В коллективном волонтерстве сфера деятельности определяется руководством и с позиции власти. *Рефлексивные волонте-*

ры более не ограничены географическим местоположением и особой групповой культурой; солидарность с другими волонтерами развивается на основе разделяемых интересов.

6. *Отношение к профессии (оплачиваемой работе)*. Деятельность коллективного стиля не носит профессионального характера; это — любительство, вдохновленное добрыми намерениями. Участие *рефлексивных волонтеров* сопряжено с профессиональной деятельностью: к ним и к их работе предъявляются квалификационные требования, на них возлагается ответственность за качество результата [Gundelach, Torpe, 1997, p. 51].

Эти характеристики мы имели в виду при анализе данных, используя их как самые общие направления для анализа, стараясь при этом ими не ограничиваться.

Принципы анализа данных

Мы действовали в рамках Обоснованной теории, предполагающей выстраивание частных теорий непосредственно из данных [Стросс, Корбин, 2001; Charmaz, 2006]. Первый шаг в анализе — кодирование данных, т. е. присвоение ярлыков, которые позволяют одновременно категоризовать, резюмировать и объяснять каждый фрагмент данных, иными словами — сформировать для данных аналитическую рамку. Мы последовательно использовали три вида кодирования: открытое, фокусированное и осевое [Charmaz, 2006, p. 43-60].

Коды, относящиеся к сходным ситуациям, мы объединили, пользуясь процедурами сравнения и вопрошания, и при дальнейшем кодировании старались использовать унифицированный список.

Сначала мы написали подробную аналитическую заметку целиком по одному из интервью, как уже отмечалось, не ограничивая себя какими-то определенными вопросами, а стараясь охватить всё, что было важным для нашей темы и позволяло более отчетливо и богато ее описать в разных аспектах.

Для статьи из материалов пяти интервью мы отобрали три категории — (1) рекрутирование волонтеров, (2) организация работы волонтеров, (3) цели организации, — чтобы описать стилевые особенности волонтерских организаций, экспертно отнесенных к полярным стилям. Сходная реконструкция полярных стилей уже проводилась на материале предпринимателей-благотворителей [Оберемко, 2010].

Анализ данных

«Мягкое» и «жесткое» рекрутирование волонтеров. Во всех организациях добровольцев набирают в основном из учащихся (школьников, студентов), а также работников, занятых в сфере, релевантной волонтерскому проекту, или просто заинтересованных людей в решении социальной проблемы. Однако

стратегии набора волонтеров из одной и той же категории у добровольческих организаций различного типа не совпадают.

Рекрутирование волонтеров в общественных организациях. Рекрутирование в общественные организации производится «мягко»:

В день защиты детей мы приглашаем студентов <двух колледжей>³. Здесь студенты-волонтеры по своей воле рисуют, как бодиарт, мы называем, эту площадочку. <...> Интересное сотрудничество было с <...> факультетом бывшего педуниверситета. Мы выпускаем газету «Парус надежды». <...> Студенты-волонтеры выходят на эти мероприятия, пишут статьи. У нас есть верстальщицы, семья, тоже добровольцы (СИ04, 69-98⁴).

Подчеркивается необязывающий характер сообщения о необходимости помощи волонтеров: студенты, силами которых проводятся акции, мероприятия, участвуют по собственному желанию, «по своей воле». Набор добровольцев осуществляется в «мягкой» форме: «мы приглашаем», «мы обращаемся». Между взрослыми волонтерами и студентами граница проводится, но она не выглядит непроницаемой.

Каналы информации и способы подачи сообщения рассчитываются на пространство, где могут найтись заинтересованные люди:

Активно участвуем в различных конференциях, знакомимся, и за счет каких-то личных знакомств к нам обращаются. Потом на очередные мероприятия, допустим, для выпуска газеты, мы сами звонили на кафедру и выставили свое предложение: у нас такая организация, есть средства на выпуск газеты, но все-таки этим должны заниматься профессионалы. А у студентов это и практика, и хорошо получается, что они глубже узнают нашу социальную сферу... (СИ04, 155-162).

Волонтеров ищут и с помощью неформальных связей в офф-лайн пространстве, расширяя сеть своих знакомств на конференциях. Также сообщение о поиске добровольцев доводится до представителей организаций (вузов), каким-либо образом связанных с характером мероприятий, проводимых данным общественным объединением: «мы сами звонили на кафедру и выставили свое предложение». В других случаях сами студенты инициативно заявляют намерение предоставить волонтерскую помощь. Используется также и онлайн пространство для поиска добровольцев (СИ04, 447-454). Подчеркивается, что привлечение волонтеров основано на добровольности участия.

Мероприятия требуют применения совершенно различных навыков волонтеров, и для каждого мероприятия набираются студенты, обучающиеся в соответствующей сфере. При озвучивании просьбы о помощи добровольцев уточняется польза деятельности для самих волонтеров: практика в профес-

³ Для соблюдения анонимности имена собственные опускаются.

⁴ В скобках обозначается архивный номер интервью и номера строк.

сиональной сфере и для студентов, обучающихся на непосредственно при-
вязанном к данной области направлении (коррекционная педагогика), и для
специалистов других дисциплин: дизайна, журналистики. В общественной
организации не набирают волонтеров вне зависимости от их специализации
на непонятную или чуждую им деятельность, а стараются сделать так, чтобы и
для них процесс участия имел личностную значимость.

Сходным образом ищет добровольцев другая НГО, но с меньшим упором на
профессиональные навыки:

*И мы, когда первый фестиваль начинали, обращались в вузы и средние про-
фессиональные учебные заведения. Ребята, которые откликнулись на нашу
просьбу и хотели нам помогать, становились волонтерами. <...> Это первая
категория, в основном молодежь из учебных заведений. Вторая категория —
это люди, которые откуда-то узнали про нас: из социальных сетей, от своих
знакомых, еще откуда-то, которые тоже не против с нами работать, по-
мочь в качестве волонтеров. Но их гораздо меньше. Это люди, которые
профессионально готовы помогать (СИ06, 055-067).*

Здесь также сообщение о поиске волонтеров подается в виде просьбы и в офф-
лайн, и в он-лайн пространство. Он-лайн сообщение распространяется через со-
циальные сети, что придает ему неофициальный и необязывающий характер; в
офф-лайн пространстве сообщение также апеллирует к желанию помочь.

Поиск добровольцев офф-лайн происходит двумя способами: (1) через фор-
мальный канал (вузы и средние профессиональные учебные заведения), где
не используются личные связи; (2) через неформальные связи, когда потен-
циальные волонтеры узнают об общественной организации через знакомых.
Социальные сети используются для поиска волонтеров с определенными про-
фессиональными навыками; соответственно, их направляют на деятельность
в рамках их компетенции. Студентов же мобилизуют, не ориентируясь на сфе-
ру их обучения, но с некоторым упором на чувство долга:

*Что взрослые, что молодые, мы все одинаково реагируем на призыв к тому,
что я должен что-то сделать: пожертвовать или свое время потратить.
Обычно этот процент всегда не очень высокий. Но всегда находятся люди,
которым это интересно. Поэтому 50-40 добровольцев на такой фестиваль,
пусть с 3-4-х учебных заведений, мы набираем. При этом мы не делаем мощ-
ную информационную кампанию, чтобы весь ВУЗ об этом узнал. Делается на
уровне профкомов ВУЗов. <...> Наверное, мог бы быть [процент] более высо-
ким, если мы бы ставили такую задачу. (СИ06, 163-174)*

По мнению эксперта, и студентами, и взрослыми профессионалами в пер-
вую очередь **должно** двигать желание помочь в разрешении какой-то социаль-
ной проблемы, им **должно** быть «интересно». Еще более артикулированное
давление мы видим в следующем примере:

Я своих студентов последнее время стала напрягать: говорю, выполните такой проект в школе <...>. Они должны собрать вещи, но здесь я заставляю, вы должны четко продумать, куда эти вещи пойдут. <...>. Теперь большая проблема найти того, кому эти вещи пригодятся. Мы постоянно видим, что выкидывается гуманитарная помощь. Это яркий признак того, что люди занимаются добровольчеством не ради того, чтобы проблему решить, а потому что им так удобно, формально поучаствовали, совесть очистили. Вот они у меня проводили, причем я сотню раз с них спросила, презентации, что они будут рассказывать, они давали мне записи, куда они эту одежду пристроят. (СИ01, 172-184)

Эксперт мобилизует волонтеров не по заказу «сверху», однако ей приходится «напрягать» студентов, ориентируя их на участие с пользой, и осуществлять строгий контроль на протяжении выполнения всего задания. По мнению эксперта, студенты социально неактивны, потому эту активность им нужно прививать: требовать не просто формального выполнения действия, а искать людей, которым помощь действительно нужна. В данном случае императивный характер сообщения о необходимости волонтеров объясняется «социальной миссией» по воспитанию общественно полезной активности среди молодежи.

Пограничным представляется случай, когда общественная организация работает с волонтерами из коммерческих организаций:

У продвинутых коммерческих структур есть хотя бы раз в год добровольческие акции для сотрудников, либо целенаправленная система корпоративного добровольчества. С ними мы работаем. <...> Пока это структуры, которые сами к нам приходят, и мы помогаем им проводить качественные корпоративные добровольческие акции (СИ06, 410-424).

Здесь речь идет о взаимодействии с коммерческими организациями, которые привлекают сотрудников к благотворительности. В такой ситуации коммерческая фирма обращается за помощью к общественной организации с просьбой организовать разовое мероприятие; некоторые фирмы, по словам эксперта, заинтересованы в систематической благотворительной деятельности.

Благотворительное мероприятие проводится по инициативе и силами фирмы, а не силами общественной организации. Коммерческая организация сама выработывает задачу, определяет тип мероприятия, выбирает целевую аудиторию для помощи. Общественная организация выступает как обладатель профессиональных компетенций по организации благотворительных мероприятий. Мобилизация добровольцев — внутреннее дело фирмы. Участие репрезентируется как исключительно сознательное, добровольное.

Рекрутирование волонтеров государством. Внешне описание официального рекрутирования волонтеров мало отличается от описаний общественных организаций:

Если о школьниках, то у нас в контакте есть сайт. <...> Здесь как связано, что дети школьного возраста. И без согласия родителей мы не имеем право на трудовую деятельность. Акция, это идет, если она не трудовая. <...> У них на базе учебного заведения есть маленькие волонтерские отряды. То есть, у них есть кто-то главный. <...> Сейчас есть, книги же раздают волонтерские федеральная. <...> Детям проще в интернете, потому что они там общаются. Они в контакте переписываются, переписки всякие идут, они делятся фотографиями. <...> В школе в принципе тоже хорошо развито. Одно дело сам пошел, другое дело, когда организуют. И есть человек, который смотрит, управляет этой организацией, подсказывает. (СИ05, 77-130)

Здесь также используется как и офф-лайн, так и он-лайн пространство для поиска добровольцев. В он-лайн пространстве сообщение о необходимости помощи волонтеров носит неофициальный характер, и озвучивается в форме просьбы. Эксперт считает использование Интернет-пространства для поиска добровольцев более эффективным, чем офф-лайн пространство, поскольку он-лайн общение для школьников является более интересным, следовательно, любое сообщение, переданное через Интернет, с большей вероятностью достигнет адресата и будет воспринято с большим энтузиазмом и интересом. Также Интернет способствует популяризации добровольческой деятельности среди целевой аудитории, поскольку позволяет тем, кто уже побывал в роли добровольца, продемонстрировать процесс участия в мероприятиях, проводимых государственной структурой. В качестве дополнительного способа привлечения добровольцев используются волонтерские книжки.

Поиск добровольцев в офф-лайн пространстве тоже работает, но он связан уже с использованием некоторой иерархической системы отношений: мероприятия организуются государственной структурой, сообщение о них поступает руководителям волонтерских отрядов, которые уже передают его школьникам. Пока что неясно, насколько императивно сообщение, переданное таким способом, но можно сказать, что роль руководителя волонтерских отрядов исключительно управленческая в силу обладания особой компетенцией: он знает, что и как нужно делать, чтобы это было легально и эффективно, если сами участники (!) хотят провести какое-то мероприятие. То есть инициатива не всегда исходит от государства.

Эксперт говорит, что школьники не станут принимать участие в волонтерском мероприятии по принуждению:

Сказать, что мы будем делать. Нет, не будут дети никогда это делать. Они будут это делать с таким выражением лица. Потом на одну акцию придут, на вторую не придут (СИ05, 422-424).

Конечно, без руководителей молодежных организаций в школе, без их помощи, приказом это не сделаешь. Если человек не пойдет, он не пойдет на это.

Если пойдет, то он хочет пойти, то он пойдет всегда. Поэтому, я так думаю, что мы вместе (СИ05, 681-686).

Набор волонтеров в приказном порядке невозможен, школьников можно привлечь к добровольческой деятельности только заинтересовав их. Вероятно, к помощи руководителей волонтерских школьных отрядов прибегают, когда акция инициирована не самими школьниками, так как требуется дополнительная помощь для стимулирования к участию. Значит, эти руководители являются неформальными лидерами для школьников, и государство использует их авторитет, чтобы привлечь учеников к участию в запланированных мероприятиях. Роль лидеров в том и заключается, чтобы сделать «обязательное» мероприятие интересным для участия. Поле действий лидеров — сеть волонтерских организаций, созданных в учебных заведениях:

Волонтеры — это в основном студенты средних специальных учебных заведений, в школах города тоже организовано волонтерское движение, студенты высших учебных заведений тоже активно принимают участие. — Во многих ВУЗах и ССУЗах созданы специальные центры по работе с волонтерами и по подбору волонтеров на мероприятия (СИ03, 23-33).

Для мобилизации добровольцев представители государственных структур обращаются в образовательные учреждения (высшие и средние специальные учебные заведения, школы). Там организованы «специальные центры», в которых «подбирают» добровольцев. Вероятно, канал, по которому передается сообщение о поиске волонтеров, здесь является официальным, соответственно, сообщение наделено обязывающим характером.

По мнению эксперта, привлекать добровольцев нужно не какой-то личной выгодой, которую он сможет извлечь из волонтерской деятельности:

Это добровольное желание, поэтому мотивировать человека сложно какими-то материальными вещами. Надо объяснять людям то, что это полезно и важно. И, если мы не будем помогать друг другу, то никто нам больше не поможет (СИ03, 471-474).

Главным мотивом к участию в добровольческой деятельности, считает эксперт, должно стать осознание полезности этой активности для коллектива. Однако обладание властным ресурсом позволяет осуществлять и принудительную мобилизацию добровольцев:

Вот, например, те самые субботники, <...> это очевидный маразм, есть стандарты, когда не нужно это делать, но у нас как в анекдоте, чтобы было аккуратненько. У студентов спрашиваешь, а что надо делать, не знают. А вот те, кто знают, те кто хотят участвовать, те, кто получает от этого удовлетворение и при этом они говорят, что мы это делаем добровольно, таких, в которых все сочетается, процента 2-3, а остальные: они либо идут, потому что надо, либо идут по принуждению, либо идут, но не получают от

этого никакого удовольствия, либо не знают, что они вообще там делают (СИ01, 142-150)

На базе учебного заведения случается, что волонтеров набирают принудительно, а собственно добровольцами оказываются единицы. Есть также и те, кто соглашается, «потому что надо»; именно они воспринимают сообщение от вышестоящих лиц (государства или руководства университета, преподавателей) о проводимом благотворительном мероприятии как сигнал к обязательному действию (если даже явно не было указано, что это обязательно):

Я уже сказала, что есть добровольчество, как такая социальная деятельность, к которой подключают по необходимым поводам молодежь. Молодежь достаточно тупую, спокойную и так далее. Вот сказали сделать и они пошли и сделали, сказали, что надо, вот как субботник у нас в университете проходит. Мне звонит КТО-ТО и говорит, что ей надо с нас по четыре человека с кафедры. <...> Ну, вот я звоню девочкам и говорю: «Ну, надо!». Из четырех девочек приходит одна, трое то ли проспало, то ли что (СИ01, 227-233).

В данном случае мероприятие проводится внутри университета, но студентов привлекали к участию в субботнике потому что так «надо». Ни о каких негативных санкциях речи не шло, однако ясно, что работы, направленной на сознательное привлечение, тоже не было.

Работа с волонтерами: экономическая и внеэкономическая логики

Экономическая логика: государство. Рассмотрим то, как в разных случаях готовят (или не готовят) и организуют деятельность добровольцев. Начнем с примера, когда школьников привлекают к организации официально запланированного мероприятия:

А, знаете, почему большое количество в первой школе? Здесь дети разновозрастные берутся. Они привлекают еще и 6 класс. Во второй упор делают на старших ребят: восьмые, девятые классы. А в первой — на всех. В принципе, я понимаю, почему А так делает, потому что нужно же растить детей. (СИ05, 343-349).

В одной из школ к волонтерской деятельности привлекаются не только ребята из старших классов, но и школьники помладше. Эксперт считает это оправданным, «потому что нужно же растить детей», способствовать их социализации, приобщению к моральным ценностям общества.

В остальных учебных заведениях ситуация несколько иная. Из слов «почему маленьких не берут? Они говорят — стесняются. Это же нужно социально работать» (СИ05, 343-349) видно, что организаторы добровольческих объединений в большинстве школ не хотят (или не могут в силу отсутствия средств на это) тратить лишнее время на подготовку волонтеров. Тогда как требуется дополнительно развивать «коммуникативные навыки» в детях, «социально

адаптировать» их, если нужно, прежде чем направлять на благотворительные мероприятия в качестве добровольцев. Это должен быть довольно долгий и систематический процесс. Если средств на это не выделено, значит, применяется экономическая логика к организации волонтеров.

Для волонтеров-школьников, действующих в рамках государственных благотворительных программ, предусмотрены вознаграждения:

Нам просто самим хочется их наградить чем-нибудь. Поэтому мы 31 мая их собрали 13 школ, кроме этих, у меня есть своя система. Я обучаю их акциям <...>. И 13 школ мы отправили на несколько часовой слет на теплоходе. <...> Опять же, от нас финансы. Мы сами сделали программы с волонтерами. Никому скучно не было. Все было замечательно, и все были довольны. Все понимают, не жди награды за это. Но мы понимаем, что это дети. (СИ05, 474-487).

Эксперт рассказывает о том, что помимо финансирования мероприятий, государство заботится о том, чтобы как-то поощрить волонтеров, причем поощрение не денежное и носит символический характер. Хотя волонтерская деятельность определяется как бесплатная, в данном случае вознаграждение нужно потому, что добровольцы — это дети, и, по мнению эксперта, оно вызовет положительные эмоции у детей, поэтому они захотят заниматься этим и в будущем.

Добровольцам, участвующим в мероприятиях по заданию государства, могут выдаваться личные книжки волонтера:

Реализуется федеральным проектом «Личная книжка волонтера», и там записываются все мероприятия и все дела, в которых волонтеры принимают участие. Если будет учитываться эта «Личная книжка волонтера» при приеме на работу, работодатель будет смотреть общественную деятельность. <...> Волонтерство, это добровольное. Поэтому в основном это душевные порывы (СИ03, 427-434).

Сейчас есть, книги же раздают волонтерские федеральная. У нас есть человек, который создал эту группу в контакте. <...>. Через нее регистрируются дети, которые хотят получить эти волонтерские книжки. Мы им объясняем для чего это нужно. Они, в общем, заинтересованы в этом стали (СИ05, 109-115).

Эксперты считают, что книжка волонтера, в которой отмечаются его общественно полезные достижения, может служить дополнительным свидетельством о его положительных моральных качествах. Это своеобразное отложенное во времени вознаграждение волонтера в виде возможного вклада в будущую карьеру. Можно было бы назвать книжку волонтера институционализированным человеческим капиталом, однако пока даже в государственных структурах, инициировавших выдачу волонтерских книжек, наличие такого документа не является основанием для того, чтобы давать преимущество работнику.

Выдача волонтерских книжек вписывается в экономическую логику государственной организации, поскольку можно считать ее более простым способом привлечения к добровольческой активности, чем проведение подготовительных работ с волонтерами.

Внеэкономическая логика: общественные организации. В не зависимых от государственных и коммерческих структур организациях взаимодействие с волонтерами выстраиваются иначе:

Прежде чем ребята пойдут в наши семьи, мы проводим семинар по пониманию инвалидности. Мы даем понятие инвалидности не с медицинской точки зрения, а с социальной. И тогда адаптация быстрее происходит обычного студента в нашей семье. Иначе не выдерживают, разворачиваются и уходят. (СИ04, 210-216).

У них всегда много добровольцев. <...> Они не просто берут добровольцев <...>. Они их обучают. Это такой долгосрочный процесс, когда добровольцы могут ходить домой к ребенку инвалиду и помогать ему, осваивать компьютер (СИ06, 288-293).

В общественных организациях, в частности, в тех, где деятельность связана не только с акциями, событийными мероприятиями, но во многом заключается в непрерывной, систематической помощи, уделяется внимание подготовке волонтеров к деятельности, чтобы обеспечить более полное понимание того, что им предстоит выполнять. Руководителям общественной организации важно, чтобы набранные добровольцы смогли справиться со своими обязанностями, и они принимают во внимание сложность деятельности в данной сфере и то, что не все могут с ней справиться (даже при изъявленном желании помогать). Подготовка состоит не столько в выдаче конкретных инструкций по предстоящим действиям, сколько в погружении волонтеров в проблему, которую они хотят решать. По существу, речь идет если не о профессионализации, то о профилировании добровольцев.

Есть пример, когда группа студентов поставила себе задачу организовывать мероприятие экологической направленности и искала добровольцев среди школьников:

Учителя сначала говорят авторитарное, да, давайте участвовать, а потом, когда с детьми начинается контакт, учителя здесь уже не играют такой роли, а уже начинают работать студенты на интересе с детьми. Здесь получается, что той самой тупой рабочей силой являются дети, но дело в том, что для них эта «тупая» работа разукрашивается чем-то; студенты специально придумывают, например, конкурс, кто больше соберет крышечек цветных, но только если они с бутылками будут, или конкурс по количеству мешков. (СИ01, 309-316)

Под студенческую инициативу «снизу» сначала школьников в принудительном порядке мобилизовали учителя, а затем с ними занимались студен-

ты-организаторы. Внеэкономическая логика выражалась в адаптации самого процесса деятельности под волонтеров, а не в подготовке их к заданиям. Организаторы творчески вовлекали школьников в монотонную деятельность, придавая ей игровую форму. Когда волонтеров считают взрослыми, им предоставляется больше свободы:

Есть волонтеры, наши постоянные кураторы волонтерских групп ВУЗов или техникумов. Они набирают группы, распространяют информацию, собирают на организационные собрания, курируют состав. Есть обычные добровольцы, которые готовы любую работу выполнять. <...> Есть добровольцы, которые отвечают за кофе брейк и кормят добровольцев. Есть добровольцы, которые работают в социальной сети до и после распространяют эту информацию. В зависимости от задач мероприятия, от желаний и возможности добровольцев, они могут включаться абсолютно в любую деятельность (СИОБ, 142-158).

Некоторые эксперты подчеркивали, что общественные организации при проведении мероприятий заботятся и об улучшении условий для волонтеров. Также добровольцы могут выбирать себе вид деятельности на мероприятии, не всегда их назначают на выполнение какого-то определенного задания. Вероятно, получив возможность выбирать вид деятельности, волонтер чувствует себя более свободным и ощущает на себе большую ответственность, следовательно, он будет более старательно выполнять предназначенную ему функцию.

Однако не всегда общественным организациям удается выделить время и средства на предварительную подготовку добровольцев:

У большинства организаций некоммерческих не доходят руки, чтобы выстроить систему работы с добровольцами качественно. Это очень часто достаточно стихийно. Приближается мероприятие, давайте соберем и так далее. А это целая система работы с добровольцами, которые могут быть полезны не только во время проведения мероприятий. <...> Ни у кого не хватает на это ресурсов. Тоже трудно, полтора человека работает (СИОБ, 696-705).

В жалобе на нехватку ресурсов (материальных, человеческих и временных) на работу с добровольцами можно видеть проявление экономической логики, которая реализуется как бы поневоле.

Цели организаций

Государственные структуры. Помощь добровольцев требуется и государственным, и общественным, и коммерческим организациям:

На самом деле у нас одна и та же задача стоит у всех. Например, министерство здравоохранения, образования, спорта они тоже работают на решение социальных проблем, на вовлечение, активизацию сообщества и так далее (СИОБ, 380-384).

Итак, и государство, и общественные организации преследуют одинаковые цели: «решение социальных проблем», «активизацию сообщества». Однако подробный анализ позволил уточнить: для государства эта задача является промежуточной, а для негосударственных добровольческих организаций — главной:

Перспективы? хотелось бы выйти на такой уровень, чтобы сотрудничать с другими организациями, не вариться в своей каше. И хотелось бы больше помогать. Сделать из этих мероприятий что-то стоящее, что действительно нужно людям. (СИ01, 463-474).

Если цель государственной структуры, работающей со школьными волонтерскими организациями, — добиться от мероприятий пользы, значит, проблема формального подхода имеется:

На сегодняшний день у нас стихийное добровольчество, когда в весеннюю неделю добра вдруг все решают что-то сделать. Не люблю мероприятие это, скептически к нему отношусь. <...> А почему один раз в год-то? Если хотите что-то сделать, давайте раз в месяц эту программу, или проект. <...> Учитывая, что учебные заведения обязаны поучаствовать в этой неделе добра, то это какая-то профанация, которая на самом деле ничего не дает детям. Если только это правильно педагоги не организовали. Если они объяснили ребятам, погрузили их в эту ситуацию и пошли бабушкам в деревне отваливающиеся крылечки прибивать и огород копать, это, наверное, хорошо. Но это тоже можно делать не раз в год (СИ06, 617-633).

Неоднократно отмечается, что деятельность организаций, тесно сотрудничающих с государством, зачастую носит показательный, демонстративный характер, проводится эпизодически, что бывает бесполезным, если участники не вовлечены в процесс. Учебные заведения, в которых набирает волонтеров правительство, «обязаны» в этом поучаствовать — значит, учащихся принуждают к тому, во что они не вовлечены.

Перейдем к роли финансирования в общественно полезной деятельности государства:

У нас же государство как раз что хочет сделать? Оно хочет сделать вид, что оно финансирует общественную деятельность, а на самом деле оно выделяет такие смешные деньги, на которые невозможно решить; это своего рода форма манипуляции такая. <...> Реально получается, что государство создает видимость решения проблемы, а на самом деле это ресурсное проклятие, задача — раздать бонусы небольшие, чтобы население было привержено этому государству, а не решение этой проблемы (СИ01, 602-618).

Эксперт говорит, что объема ресурсов, которые выделяются государством для добровольческой деятельности, недостаточно для того, чтобы до конца или хотя бы существенно изменить проблемную ситуацию. Государство, обла-

дающее, большими ресурсами, чем коммерческие и общественные организации, могло бы выделять больше денежных средств, более продуктивно взаимодействовать с общественными организациями, если бы действительно имело цель решать проблемы. Отсутствие энергичных действий означает ориентацию на видимость решения социальной проблемы. А настоящая цель — подержать «приверженность населения», «формально успокоить», по крайней мере, ту часть общества, которая «некомпетентна», не понимает всей ситуации. Рассмотрим еще один пример добровольческой деятельности, организуемой политическими партиями:

Если делать это в организации добровольческой, связанной с политикой, «Молодая гвардия», например. <...> Она всегда завязана на каких-то политических решениях, или направлениях, связанных с политикой и не всегда, на мой взгляд, получается у этих организаций срабатывать качественно. У них всегда стоит рядом еще задача, не просто помогать, а что-то показать, позиционироваться. (СИ06, 335-345).

Представитель негосударственной общественной организации также подтверждает, что «прополитические молодежные организации», то есть делающие добрые дела от имени политических партий, действуют не с изначальной целью помочь людям:

Взять те же молодежные отделения политических партий все они переводят бабушку и видно, к какой партии принадлежат. Или с флагами моют светофоры. Как это назвать, если не пиар. <...> Выйди в джинсах без опознавательных знаков, мой улицу, переводи бабушек. И не кричи при этом, голосуем за кого-то. Вот, наверное, чистой воды волонтер (СИ03, 333-342).

Во время проводимых мероприятий волонтеры из политических организаций обозначают свою принадлежность к ней, происходит демонстрация того, что именно такая партия делает доброе дело, она заботится о решении важных для общества проблем.

Разработанность проблем, которыми занимаются государство и общественные организации, различаются:

Общественные организации закрывают те дыры, которые не замечает государство <...> общественные организации решают ту проблему, на которую нет других охотников. (СИ01, 762-770)

Общественные организации. Ориентированные на решение социальных проблем организации испытывают дефицит ресурсов для ведения деятельности:

Многие организации не обладают необходимыми помещениями. Они снимают помещения, но у самих организаций не такие большие суммы денег, поэтому с этим у них сложность (СИ03, 546-549).

Если организации вовлечены сущностно в решение проблемы, как правило, на мой взгляд, они поддерживаются незначительно государством, потому

что я еще в рамках Совета сколько давала проектов на поддержку, президентский грант был, общественная палата. Они не были поддержаны (СИ01, 324-328).

Другой эксперт упоминает о нехватке ресурсов на обучение добровольцев. Получается противоречие: ресурсов на подготовку добровольцев и их организацию не хватает, но их привлекают для решения важных для общества проблем: видимо, предполагается, что энтузиазма участникам достаточно, чтобы не тратиться на их подготовку. Эксперты из общественных организаций чаще упоминают проблемно-ориентированную деятельность:

Трудность — это помощь семьям ухаживать за тяжелыми детьми, где серьезная форма ДЦП. <...> Здесь у нас еще нет такой службы, которая действительно бы помогла нашим семьям. Потому что участия раз в неделю недостаточно. Хотелось бы, чтобы такая служба появилась, чтобы родители могли позвонить. (СИ04, 474-485)

Общественная организация стремится решать проблему, но имеющиеся возможности позволяют использовать помощь сравнительно небольшого числа волонтеров. Работа ведется над теми аспектами проблем, которые государством не принимаются во внимание.

Коммерческие организации. Благотворительная деятельность коммерческих организаций носит эпизодический характер. Однако их акции могут направляться на тех людей, которым требуется постоянное внимание. К тому же благотворительность сводится к материальной помощи. Отсюда появляются идеи о налаживании постоянной работы, предполагающей личное общение добровольцев с теми, кому они помогают.

За один день сделать что-то доброе нельзя. Нужно выстраивать процесс долгосрочный. Но можно попробовать этот праздник сделать важным, нужным и полезным, для того, чтобы сотрудникам и руководству было понятно, в каком направлении нужно дальше с этими детьми работать (СИ06, 447-456).

Все же коммерческие фирмы создаются ради получения выгоды, поэтому представляется естественным видеть в благотворительных мероприятиях способ фирмы повысить лояльность своих клиентов. Поэтому привлечение персонала к непрофессиональной деятельности сопряжено с издержками, на которые не всякая фирма готова идти.

Выводы

Государственные и коммерческие структуры, проводя благотворительные мероприятия, нацелены, прежде всего, на демонстрацию своей социальной ориентированности населению. Только общественные организации ориентируются на решение социальных проблем.

Исходя из этих целей, объясняется выбор стиля организации мероприятий и привлечения волонтеров. Мы выделили экономическую и внеэкономическую логику. Экономической логики придерживаются правительственные и коммерческие структуры. Ее суть состоит в том, что на проведение благотворительных мероприятий не затрачивается больше средств, чем нужно для достижения демонстрационного эффекта. В случае с коммерческими организациями использование экономической логики выражается также в событийном характере деятельности, и, соответственно, поверхностном решении, которое можно предложить «за один день»: это помощь конкретной социальной группе в конкретном месте (что, безусловно, лучше распыления сил), но такая, которая качественно не изменит ситуации.

Внеэкономическую логику задействуют общественные организации в своих действиях. Они психологически и информационно готовят волонтеров, заинтересовывают содержанием деятельности, возможностью получать от нее удовольствие, возлагая знакомые обязанности и предоставляя свободу от постоянного контроля. Помимо волонтера, осознанно или по принуждению пришедшего «делать добро», есть еще организационная среда, которая имеет свои цели, не всегда совпадающие с целями добровольца, и которая структурирует его деятельность определенным образом, задает рамку для творческого, самостоятельного выполнения заданий.

Теперь вернемся к мотивам, которые побуждают волонтеров участвовать в программах безвозмездной помощи обществу. Наличие добровольцев, которые хотят решать социальные проблемы, отмечается и в государственных, и коммерческих, и общественных программах. Везде есть те, кто соглашается добровольно и удовлетворяет свои потребности в уважении и самоактуализации; есть те, кто участвует по принуждению, но осознает пользу от возможности обозначить себя как волонтера в социальном пространстве.

Феномен волонтерства оказался сложнее бинарной схемы. Можно выделить четыре течения: (1) стихийные волонтерские движения, организуемые по инициативе активных индивидов; (2) волонтерство общественных организаций; (3) корпоративное волонтерство; (4) государством организуемое добровольчество.

Библиографический список

1. Городецкая, И. (2001). Добровольческое движение в США. *Мировая экономика и международные отношения*, (1), 78–86.
2. Кудринская, Л. А. (2006). Добровольческий труд: сущность, функции, специфика. *Социологические исследования*, (5), 15–22.
3. Оберемко, О. А. (2010). Проблемы самоопределения предпринимателей-благотворителей. В В. А. Ядов и др. (ред.) *Как люди делают себя. Обычные россияне в не-*

- обычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев (с. 234–251). Москва: Логос.
4. Стросс, А., Корбин, Дж. (2001). *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. Москва: Эдиториал УРСС.
 5. Холостова, Е. И. (1997). Волонтеры. В Е. И. Холостова (ред.) *Словарь-справочник по социальной работе* (с. 121–124). Москва: Юристъ.
 6. Astin, A. (1993). What matters in college? *Liberal Education*, 79, 4–12.
 7. Banks, E. (1997). The social capital of self-help mutual aid group. *Social Policy*, 28 (1), 30–38.
 8. Beck, U. & Beck-Gernsheim, F. (2002). *Individualization*. London: Sage.
 9. Beck, U. (2001). *The Brave New World of Work*. Cambridge: Polity Press.
 10. Charities Aid Foundation. (2012). Мировой рейтинг благотворительности 2012: Глобальные тенденции благотворительности. Retrieved from: <http://www.cafrussia.ru/files/blocks/index.pdf>
 11. Charmaz, K. (2006). *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, California: Sage.
 12. Clemens, E. S. (2001). Loose Connections: Joining Together in America's Fragmented Communities. *The Journal of Interdisciplinary History*, 31 (3), 474–476.
 13. Eckstein, S. (2001). Community as gift-giving: Collectivistic roots of volunteerism. *American Sociological Review*, 66, 829–851.
 14. Gaskin, K. (1998). Vanishing volunteers: Are young people losing interest in volunteering. *Voluntary Action*, 1 (1), 33–43.
 15. Gundelach, P. & Torpe, E. (1997). *Social reflexivity, democracy and new types of citizen involvement in Denmark*. London: Routledge.
 16. Hoge, D., Zech, C., McNamara, P., & Donahue M. (1998). The value of volunteers as resources for congregations. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37 (3), 470–480.
 17. Hustinx, L. & Lammertyn, F. (2003). Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14 (2), 167–187.
 18. Janoski, T., Musick, M., & Wilson, J. (1998). Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering. *Sociological Forum*, 13 (3), 495–519.
 19. Rosenthal, S, Feiring, C., & Lewis, M. (1998). Political volunteering from late adolescence to young adulthood: patterns and predictions. *Journal of Social Issues*, 54 (3), 477–493.
 20. Snyder, M., Omoto, A.M., & Crain, A.L. (1999). Punished for their Good Deeds Stigmatization of AIDS Volunteers. *American Behavioral Scientist*, 42 (7), 1175–1192.
 21. Stubbings, P. & Humble, S. (1984). Voluntary work, unemployment and the labour market in Britain. In *Voluntary Work and Unemployment Study in the Countries of the European Communities* (pp. 1–63). London: Policy Stud. Inst.
 22. Wilson, J. & Musick, M. (1997). Work and Volunteering: The Long Arm of the Job. *Social Forces*, 76 (1), 251–272.
 23. Wilson, J. (2000). Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 26, 215–240..

VOLUNTEERING ACTIVITIES COORDINATION STYLES:
THE CASE OF SAMARA REGION

A. Gosteva, E. Bogomolova

Anna B. Gosteva — Bachelor of Sociology, 1st-year master student of «Applied methods of social analysis of markets» program in National Research University «Higher School of Economics». E-mail: agosteva@list.ru;

Ekaterina V. Bogomolova — student of «Complex social analysis» program in National Research University «Higher School of Economics». E-mail: catherinebogomolova@gmail.com.

As a widespread phenomenon, volunteering may not be uniform, so it is comprised of specific trends. The goal of this work is to test the assumption that volunteer movement can be divided into two types of organizations (formal and informal) differing by coordination patterns and volunteers' motives. It can be useful for finding a differential approach towards coordination of various types of volunteer organizations. Also volunteers themselves will learn which projects worth participating depending on an organizer or volunteers' own goals. This article is based on 5 personal semi-structured interviews with representatives of volunteering organizations (activists and leaders) from Samara region. These interviews were chosen from 50 interviews which were obtained during interregional project as the most informative ones. Data analysis was conducted using the framework of grounded theory. We followed such analytical steps as open, focused and axial coding. Our initial assumption that volunteer movement consists of two types of organizations that differ by volunteers' motives does not represent the reality clearly enough. We have identified four types of volunteering organizations which vary by coordination features: occasional volunteering, non-governmental volunteering, corporate volunteering and governmental volunteering. We analyzed the last three types of organizations. It became clear that volunteers' motives cannot be a basis for distinction between volunteering currents, but the organizations differ by goals (demonstration of social orientation; solving social problems), ways of recruitment of volunteers and coordination of their work (economic and non-economic logics).

Key words: volunteering; types of volunteering organizations; coordination patterns; motives.

References

1. Astin, A. (1993). What matters in college? *Liberal Education*, 79, 4–12.
2. Banks, E. (1997). The social capital of self-help mutual aid group. *Social Policy*, 28 (1), 30–38.
3. Beck, U. & Beck-Gernsheim, F. (2002). *Individualization*. London: Sage.
4. Beck, U. (2001). *The Brave New World of Work*. Cambridge: Polity Press.
5. Charities Aid Foundation. (2012). Mirovoj rejting blagotvoritel'nosti 2012: Global'nye tendentsii blagotvoritel'nosti [Global charity rating 2012: global trends of charity]. Retrieved from: <http://www.cafrussia.ru/files/blocks/index.pdf>
6. Charmaz, K. (2006). *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, California: Sage.
7. Clemens, E. S. (2001). Loose Connections: Joining Together in America's Fragmented Communities. *The Journal of Interdisciplinary History*, 31 (3), 474–476.
8. Eckstein, S. (2001). Community as gift-giving: Collectivistic roots of volunteerism. *American Sociological Review*, 66, 829–851.

9. Gaskin, K. (1998). Vanishing volunteers: Are young people losing interest in volunteering. *Voluntary Action*, 1 (1), 33–43.
10. Gorodeckaya, I. (2001). Dobrovol'cheskoe dvizhenie v SShA [Volunteer movement in the USA]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [Global economics and international relations], (1), 78–86.
11. Gundelach, P. & Torpe, E. (1997). *Social reflexivity, democracy and new types of citizen involvement in Denmark*. London: Routledge.
12. Hoge, D., Zech, C., McNamara, P., & Donahue M. (1998). The value of volunteers as resources for congregations. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37 (3), 470–480.
13. Hustinx, L. & Lammertyn, F. (2003). Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14 (2), 167–187.
14. Janoski, T., Musick, M., & Wilson, J. (1998). Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering. *Sociological Forum*, 13 (3), 495–519.
15. Kholostova, E. I. (1997). Volontery [Volunteers]. In E. I. Kholostova (Ed.) *Slovar'-spravochnik po social'noy rabote* [Social work reference dictionary] (pp. 121–124). Moscow: Jurist.
16. Kudrinskaya, L. A. (2006). Dobrovol'cheskij trud: sushchnost', funktsii, spetsifika [Volunteers' work: nature, functions, specific features]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], (5), 15–22.
17. Oberemko, O. A. 2010. Problemy samoopredeleniya predprinimateley-blagotvoriteley [The problems of self-definition by philanthropist entrepreneurs]. In V. A. Yadov, E. N. Danilova, C. Clement (Eds.) *Kak lyudi delayut sebya. Obychnyye rossiyane v neobychnykh usloviyakh: kontseptual'noye osmysleniye vos'mi nablyudavshikhs'a sluchayev* [How People Make Themselves. Ordinary Russians in extraordinary circumstances: conceptual understanding of the eight cases observed] (pp. 234–251). Moscow: Logos.
18. Rosenthal, S, Feiring, C., & Lewis, M. (1998). Political volunteering from late adolescence to young adulthood: patterns and predictions. *Journal of Social Issues*, 54 (3), 477–493.
19. Snyder, M., Omoto, A.M., & Crain, A.L. (1999). Punished for their Good Deeds Stigmatization of AIDS Volunteers. *American Behavioral Scientist*, 42 (7), 1175–1192.
20. Strauss, A. & Corbin, J. (2001). *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: the grounded theory, proceedings and techniques]. Moscow: Editorial URSS.
21. Stubbings, P. & Humble, S. (1984). Voluntary work, unemployment and the labour market in Britain. In *Voluntary Work and Unemployment Study in the Countries of the European Communities* (pp. 1–63). London: Policy Stud. Inst.
22. Wilson, J. & Musick, M. (1997). Work and Volunteering: The Long Arm of the Job. *Social Forces*, 76 (1), 251–272.
23. Wilson, J. (2000). Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 26, 215–240.

**КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
«ФЕЙЛЫ», «КЕЙСЫ», «МЕХАНИКИ»**

.....

А. А. Гнедаш, Н. А. Рябченко¹

В данной статье рассматриваются конструктивные и деструктивные практики, возникающие в online-пространстве современной России. Использование различных online-технологий активизирует развитие инновационных форм политической деятельности и взаимодействия гражданского общества, власти, политических институтов, таким образом, online-пространство становится не просто инструментом, а площадкой осуществления социально-политических практик. Платформой для таких практик служат online-сетевые сообщества, анализ которых позволяет определить типы пользователей в online-пространстве, таких как «лидер мнения», «сенсор», «реализатор», «читатель», «репутационный игрок». Детальный анализ кейса «Блогер против мусора» описывает особенности каждого типа пользователей и связи между ними. В online-пространстве как поле социально-политических практик неизбежно появляются механизмы формирования конструктивных и деструктивных социально-политических практик, к таким механизмам относят «фейлы» и «механики обратной связи». В качестве примера «фейла» в статье рассмотрен кейс «Сильная власть», связанный с российским политиком Борисом Немцовым. Типологизация механик обратной связи включает систему комментариев в online-социальных сетях и блогах, форумы, гостевые книги, системы голосования и обратную связь в виде технологии краудсорсинга. Механика обратной связи, основанная на технологии краудсорсинга, представляет собой в общем виде организацию платформы в online-пространстве в форме online-копилки идей и мнений на определенную тему, которая задается инициатором этого вида механики обратной связи. Анализ подобных механизмов позволяет разработать мероприятия по пресечению деструктивных практик и повышению коэффициента результативности конструктивных практик не только online, но и offline.

¹ Гнедаш Анна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: anna_gnedash@inbox.ru

Рябченко Наталья Анатольевна – кандидат политических наук, заведующая лабораторией информационных технологий в образовании Кубанского государственного университета. Эл. почта: rrrnatali@mail.ru

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Трансформация социальных сетей в online- и offline-среде публичной политики: нейтрализация угроз и развитие позитивного потенциала» (№ 12-33-01264, 2012–2014 гг., Конкурс молодых ученых РГНФ).

Ключевые слова: политические практики, online-пространство, Интернет, online-социальные сети, фейлы, сетевые сообщества, обратная связь, лидеры мнений, политический конденсат, «троллинг».

История споров о степени влияния новых технологий на социально-политические процессы насчитывает не десятки, а сотни лет. Способствовало ли изобретение парового двигателя Джеймсом Уаттом или изобретение телефона Александром Грэхемом Беллом развитию гражданского участия или качественному изменению влияния общественности на процесс принятия политических решений? Одни исследователи полагают, что технологии не изменяют демократических ценностей, другие ожидают от технологий социальных изменений разного уровня (Mogozov, 2011).

Цепочка событий, произошедших в разных государствах всего мира в 2009-2012 гг.: в Иране в 2009 г. Twitter стал платформой для координации антиправительственных демонстраций (Twitter и YouTube прорвали интернет-блокаду..., 2009); в Тунисе в 2010 г. online-социальная сеть Facebook и Twitter использовались не только как площадки для координации действий, но и как способ получения международной поддержки для оппозиции; исследователи событий 2011-2012 гг. в Египте отмечали, что первый этап протестов не координировался ни одной политической организацией, акции протеста возникали в Twitter и Facebook и продуцировались молодежью (Рябченко, 2011б); в 2011 г. в Сирии роль online-социальных сетей носила больше деструктивный характер, они стали основным источником непроверенной и провокационной информации для информационно-новостного поля в целом (La Syrie part..., 2011); в 2011 г. в Великобритании именно Twitter и Facebook стали платформами координации действий погромщиков, а также основным инструментом для их поиска и арестов, особенную роль сыграла online-социальная сеть «BlackBerry Messenger», созданная специально для пользователей одних из самых популярных телефонов «BlackBerry» (Halliday, 2011); в России в 2011-2012 гг. online-социальные сети спродуцировали появление нового актора публичной политики — «Лиги избирателей», — всё это запустило новый процесс обсуждения роли online-пространства в социально-политических процессах, особенно роль online-социальных сетей и online-сетевых сообществ (Рябченко, Мирошниченко, 2012).

Исследователь в области медиафилософии В.В. Савчук считает, что новое средство коммуникации создает новое качество *сообщения*, нового субъекта и новую реальность (Савчук, 2013). Безусловно, новые информационно-коммуникационные технологии создали новую реальность — online-пространство с новыми субъектами, которых исследователи новых медиа называют коммуникантами (так называемая новая форма интересубъективности). Именно деятельность коммуникантов и сами коммуниканты формируют в online-пространстве новых акторов социально-политических процессов (Луман,

2004), при этом online-пространство служит тем пространством, которое строится на коммуникациях и содержит в себе медиа.

Использование различных online-технологий активизирует развитие инновационных форм политической деятельности и взаимодействия гражданского общества, власти, политических институтов. Online-пространство становится не просто инструментом, а площадкой осуществления социально-политических практик.

В сентябре 2013 г. Фонд «Общественное мнение» провел исследование по теме «Для чего люди используют Интернет?», интерпретируя результаты которого можно сделать вывод, что чаще всего пользователи online-пространства используют его для:

- 1) поиска информации — 73% от суточной online-аудитории;
- 2) чтения новостей — 64% от суточной online-аудитории;
- 3) общения в online-социальных сетях — 63% от суточной online-аудитории (Для чего люди используют Интернет..., 2013).

Сопоставление этих данных с данными, полученными при исследовании динамики проникновения Интернета, показало, что 45% россиян (52,2 млн чел.) используют online-пространство для того, чтобы находить нужную для них информацию, предпочитают online-СМИ и основным каналом коммуникации выбирают online-социальные сети (Интернет в России..., 2013).

Самой популярной online-социальной сетью в России является «ВКонтакте», на втором месте — «Одноклассники», на третьем — «Facebook», на четвертом — блогхостинг «LiveJournal», на пятом — платформа микроблогов «Twitter». Все указанные платформы составляют костяк системы социальных медиа online-пространства России. При этом интернет-аналитики отмечают, что количество открытых сообщений, публикуемых online-пользователями в русскоязычной части Интернета — Рунете, гораздо больше, чем в американском или европейском сегменте online-пространства. Ежедневно в online-пространстве России публикуется около 10 млн публичных сообщений (Динамика количества сообщений..., 2013) в различных online-платформах, при этом самой динамично растущей по числу новых пользователей online-платформой в России стал «Twitter».

Рассмотрим подробнее online-социальную сеть «ВКонтакте» как самую популярную платформу online-пространства России и «Twitter» как самую динамичную платформу, проанализируем также региональный аспект этих систем.

По данным Фонда содействия изучению общественного мнения, рейтинг соотношения уникальных авторов платформы «ВКонтакте» к общему числу населения того или иного субъекта РФ выглядит следующим образом:

- 1) первое место: г. Санкт-Петербург — 21,3% активных авторов;

- 2) второе место: г. Москва — 13,9% активных авторов;
- 3) третье место: Мурманская область — 10,5% активных авторов;
- 4) четвертое место: Республика Карелия — 10,4% активных авторов;
- 5) пятое место: Калининградская область — 10,2% активных авторов (Активные авторы «VK.com»..., 2013).

Результаты по Краснодарскому краю — 4,4% активных авторов от общего числа населения.

Процент активных авторов в «Twitter» от общего числа населения по регионам России выглядит следующим образом:

- 1) первое место: г. Москва — 3% активных авторов;
- 2) второе место: г. Санкт-Петербург — 2,9% активных авторов;
- 3) третье место: Ярославская и Калининградская области — 1,4% активных авторов;
- 4) четвертое место: Новосибирская и Сахалинская области — 1,2% активных авторов;
- 5) пятое место: Самарская и Томская области — 1,1% активных авторов (Активные авторы «Twitter.com»..., 2013).

Результаты по Краснодарскому краю — 0,7% активных авторов от общего числа населения. Под активными авторами мы понимаем пользователей, оставивших хоть одно публичное сообщение в той или иной социальной сети хотя бы один раз в месяц.

Приведенные данные свидетельствуют о высокой социальной активности пользователей в online-пространстве и о росте этой активности в части online-социальных сетей. Под online-пространством будем понимать единое социально-политическое пространство, образованное системами, спроектированными пользователями при помощи технологий «web 2.0» и основанной на ней технологии «web 3.0», и значительно расширяющее возможности информационно-коммуникационных процессов, протекающих в этом пространстве. Поскольку online-пространство имеет определенный потенциал изменения социального пространства, понимаемого как социальное пространство в интерпретации П. Бурдье (Бурдье, 1983), мы должны рассматривать online-пространство как часть политического мира или политического процесса, приведенного в бытие через сложные наборы взаимодействий между online- и offline-подпространствами социального пространства (Рябченко, 2012).

Любая социальная сеть, существующая как в online, так и в offline, содержит в своей структуре: агентов сети; каналы коммуникации; маркеры влияния или доверия между агентами сети; лидеров мнения, запускающих волновые эффекты распространения информации и, как следствие, изменение информационно-новостного поля. Одним из примеров волновых эффектов распро-

странения информации являются благоволены, рассматриваемые нами как процесс массового распространения информации блогерами или членами online-социальных сетей, приводящие к трансформации общественного мнения и, как следствие, к социально-политическим акциям в offline как результату общественного давления (Рябченко, 2011а).

В отличие от offline-социальных сетей, online-пространство содержит целые online-сетевые сообщества с одним и тем же набором каналов коммуникации, которые базируются на технологической составляющей online-пространства. Наличие гипертекстурируемости и равенства участников в online-пространстве создает по отношению к online-сетевым сообществам эффект «бус», т.е. сетевые сообщества как бы пронизаны online-пространством. Результатом функционирования сетевых сообществ является социальное действие, которое рассматривается как преднамеренное или мотивированное действие политических акторов в offline, в том числе и акторов публичной политики (Parsons, 1968). Для возникновения социального действия необходимо накопление «политического конденсата» в online-пространстве. «Политический конденсат» определяется нами как механизм возникновения новых акторов публичной политики на основе сетевых принципов организации. Он образуется и накапливается в результате констелляции действующих акторов публичной политики в offline-пространстве. Если констелляция акторов представлена преимущественно политико-административными диспозициями при наличии серьезных барьеров для входа новых акторов в процесс производства публичной политики, то высока возможность мобилизации online-общественности с последующей ее институционализацией в offline-среде (Рябченко, 2013). Накопление «политического конденсата» обусловлено институциональными возможностями членов гражданского общества реально влиять на процесс производства и реализации публичной политики. Его перенасыщение происходит под давлением различного рода элитарных групп в условиях перехода/неопределенности/риска (избирательный цикл, политический и/или экономический кризис, условия чрезвычайных ситуаций), в результате чего зарождаются акторы публичной политики в online-пространстве, осуществляющие впоследствии переход в offline-пространство.

Границы социальных сетей, как и границы online-сетевых сообществ, довольно размыты. В общем виде границу online-социальной сети или online-сетевого сообщества формирует определенный смысловой концепт, разделяющийся участниками online-пространства, и определяющий типы пользователей, составляющих online-социальную сеть:

- 1) лидеры мнений;
- 2) сенсоры;
- 3) реализаторы;

4) читатели;

5) репутационные игроки.

«Лидеры мнений», запускают волновые эффекты распространения информации и, как следствие, изменяют информационно-новостное поле. К «лидерам мнений» можно отнести активных авторов.

«Сенсоры» — пользователи, собирающие значимую информацию в рамках того или иного смыслового концепта, они составляют контекст той информации, которую вносят «лидеры мнений».

«Реализаторы» — пользователи, которые посредством гипертекстурируемости технологически запускают блогволну, при этом роль «реализатора» может быть выбрана пользователем как сознательно, так и нет.

«Читатели» составляют большинство как в online-пространстве, так и в отдельно взятой online-социальной сети. Особенность этих пользователей заключается в том, что они постоянно находятся в online-социальной сети и практически не генерируют публичных сообщений. Однако при определенных условиях эти пользователи могут изменить свою роль на «реализатор».

В качестве «репутационных игроков» в online-сетевых сообществах выступают представители бизнеса и власти. Чаще всего они входят в online-сетевое сообщество в тот момент, когда популярность сообщества достаточно высока. Представители бизнеса становятся «репутационными игроками» для того, чтобы реализовывать проекты корпоративной социальной ответственности, социальных инвестиций, корпоративного гражданства, которые появляются вследствие поведенческой стратегии разумного эгоизма (enlightened self-interest). Эта модель поведения основывается на том, что, вкладывая средства в социальные проекты, бизнес сокращает свои текущие прибыли, но в стратегической перспективе создает благоприятное социальное окружение, и, значит, устойчивые прибыли. Социально ответственное поведение — это возможность для бизнеса реализовать свои основные потребности в стабильности, безопасности и устойчивом развитии (Carroll, Shabana, 2010). Представители власти и/или политической элиты становятся «репутационными игроками» по следующим причинам: во-первых, это позволяет использовать сеть как эффективное с точки зрения интерактивности и мгновенности пространство для PR; во-вторых, роль «репутационного игрока» позволяет реализовать возможности замещения негативных стереотипов и провести работу по управлению репутацией.

В качестве примера, описывающего типы пользователей в online-социальных сетях, разберем кейс «Блогер против мусора».

В апреле 2011 г. в российском сегменте online-пространства было создано online-сетевое сообщество «Блогер против мусора», инициатором которого («лидером мнения» в нашей классификации пользователей) выступил

известный фотограф, бизнесмен, путешественник и блогер Сергей Доля, который опубликовал в Livejournal свои наблюдения по поводу обилия мусора вокруг нас. Публичное сообщение в блоге начиналось со слов: «К сожалению, не все люди в нашей стране приучены не гадить там, где живут. Многие выбрасывают мусор прямо под ноги, в результате чего...». Далее весьма эмоционально описывались заваленные мусором пляжные зоны и шли размышления по поводу «а не взять ли нам все это и привести в порядок!» (История акции «Блогер против мусора»..., 2011). Только в течение первых суток на это публичное сообщение появилось более 500 комментариев пользователей online-пространства, выразивших готовность выйти с мешками и перчатками на уборку. По данным рейтинга блогов Рунета, в ноябре 2013 г. Сергей Доля занял топовую позицию в рейтинге блогеров Рунета: число подписчиков — 25424, показатель авторитетности² — 497367 пользователей.

Основная идея проекта «Блогер против мусора» заключалась в том, чтобы организовать топ-блогеров по всей стране на уборку территорий от мусора, использовать их в качестве «сенсоров» и тем самым привлечь внимание групп online-общественности к этой проблеме, т.е. подключить «реализаторов». Топ-блогеры выезжали в разные города для освещения акций по уборке мусора: помимо прямых трансляций в online-пространстве, топ-блогеры аккумулировали усилия блогеров в регионах, переводя их в статус «реализаторов», тем самым запуская процесс вовлечения «читателей» в активную часть проекта — в offline-социальное действие (уборку различных территорий от мусора). В роли «сенсоров» выступали и информационные партнеры проекта «Блогер против мусора»: «Йополис», «Москва24», «Риа Новости», «Росфото», «Livejournal», «Журдом», «Форсми», «Артмол», «Мир». Информационные партнеры как «сенсоры» любого online-сетевого сообщества всегда играют особую роль в работе с «читателями», переводя их в статус «реализаторов».

После многочисленных репортажей, особенно на платформе «Instagram», связанных с наличием огромного числа фотоматериалов, у online-сетевого сообщества «Блогер против мусора» появились партнеры и спонсоры — в него вошли «репутационные игроки»: компании «Эльдорадо», «Кока-Кола», «Билайн», «Связной».

Проект «Блогер против мусора» стал частью генезиса online-пространства России как одна из крупнейших гражданских конструктивных акций блогеров. В 2013 г. в проекте приняло участие 80 субъектов РФ с общим числом участни-

² Показатель авторитетности – интегральный показатель, основанный на данных о том, как часто другие участники online-дискуссий ссылаются на публикации рассматриваемого блогера, кто именно ссылается (учитывается авторитетность ссылающихся), с учётом количества комментариев в блоге, количества авторитетных читателей блога, а также других данных о блоге и его положении в блогосфере.

ков более 50 тыс. чел. Хэштег³ #bloggerprotiv в Twitter вышел в тренды Рунета. Все, кто принимал и примет участие в будущих акциях проекта «Блогер против мусора», нашли друг друга в online-пространстве. В результате проведенных акций уже непосредственно в offline было собрано более 1500 тонн мусора. Параллельно с акциями в offline велась online-трансляция всероссийской акции проекта «Блогер против мусора», что позволило не только отслеживать в режиме реального времени результаты акций, но и объединить участников из разных регионов. Все координаторы проекта в своих отчетах и интервью говорили о том, что в регионах власть охотно шла навстречу активистам проекта, но при этом, анализируя результаты функционирования online-сетевого сообщества, нельзя определить представителей власти как «репутационных игроков», их скорее можно отнести к offline-поддержке. Этот пример показывает, что власть недооценивает роль online-сетевых сообществ и присоединяется к ним на стадии реализации социального действия при условии его 100%-ного выполнения. Данная позиция влечет за собой отсутствие в online-пространстве сетевых структур власти, способных мобильно встраиваться в различные проекты с целью их популяризации и оказания помощи в исполнении. В результате в online-пространстве нет четких механизмов по поддержанию и развитию различных конструктивных социально-политических практик.

В последнее время online-социальные сети и целые online-сетевые сообщества становятся площадкой информационного противоборства на различных уровнях стратификации российского общества. Это приводит к тому, что не всегда деятельность структурных элементов online-пространства носит конструктивный характер и относится к так называемым деструктивным практикам. Говоря о конструктивных и деструктивных практиках в online-пространстве, мы будем в первую очередь рассматривать отношение той или иной online-социальной сети к обществу, «вмещающему» ее.

В отношении конструктивных и деструктивных практик в online-пространстве все чаще в последнее время употребляется термин «фейлы». «Фейлы» используются «сенсорами» для построения и реализации конструктивных или деструктивных практик в рамках определенного смыслового концепта, заданного лидерами мнений. Слово «фейл» происходит от английского «to fail» — претерпевать неудачу. Основной целью «фейлов» служит изменение общественного мнения в отношении того или иного политического деятеля, организации, партии и т.д. (Sandage, 2005). От «фейлов» в первую очередь страдают имиджевые и репутационные составляющие объектов, против которых они применяются. Любой «фейл» основывается на том, что всё, однажды ставшее частью online-пространства, остается в

³ Хэштег от английского слова Hashtag – «символ решетки» (#). Этим символом и словом после него (словосочетанием) обозначается в Twitter какая-либо тема, событие или ветка обсуждений.

нем навсегда, особенно это касается различных заявлений, высказываний и видеоматериалов.

В качестве примера «фейла» рассмотрим кейс «Сильная власть», связанный с известным политиком Борисом Немцовым. На портале популярного видеохостинга «YouTube» был размещен видеоролик, составленный из выступлений данного политика разных лет. Основной упор был сделан на два выступления Б. Немцова: первое состоялось в период, когда он занимал должность первого вице-преьера; второе — в качестве политика — оппозиционера существующей власти. «Фейл» был основан на противоречии, которое нашли пользователи в выступлении, связанном с необходимостью усиления исполнительной власти в России. В результате действия подобных «фейлов» в июне 2013 г. Б. Немцов вошел в рейтинг оппозиционных политиков, которым меньше всего доверяют на постсоветском пространстве (Рейтинг недоверия..., 2013).

Составление «фейлов» основывается на возможности реализации «механики обратной связи» в online-пространстве. Термин «обратная связь» понимается нами в контексте социальных сетей и online-пространства как процесс обратной реакции управляемого объекта на действия/условия управляющего элемента.

В online-пространстве существует несколько видов механик обратной связи:

- 1) система комментариев в online-социальных сетях и блогах;
- 2) форумы;
- 3) гостевые книги;
- 4) системы голосования;
- 5) обратная связь в технологии краудсорсинга.

Остановимся подробно на механике обратной связи, основанной на технологии краудсорсинга (Howe, 2008). Краудсорсинг — использование ресурсов сетевого общества для достижения определенных целей. Краудсорсинг — надстройка online-пространства, создающая связующее звено между offline- и online-пространствами. Offline-пространство формирует запрос на политическое решение, а online-пространство предоставляет сетевые площадки для разработки этого политического решения, исходя из потребностей общества. Примером реализации краудсорсинга служит общественное обсуждение Закона «О полиции», проходившее в России на сайте <http://zakonoproekt2011.ru>.

Механика обратной связи, основанная на технологии краудсорсинга, представляет собой в общем виде организацию платформы в online-пространстве в форме online-копилки идей и мнений на определенную тему, которая задается инициатором этого вида механики обратной связи. Каждый пользователь платформы может оставить свое мнение, рекомендацию, комментарий и т.д. в рамках той или иной темы в виде публичного сообщения и проголосовать за понравившееся ему мнение, рекомендацию, комментарий и т.д. Публичные со-

общения, набравшие максимальное число оценок пользователей, учитываются инициатором механики обратной связи с последующим публичным отчетом. Только наличие публичного отчета об использовании информации, полученной с помощью механики обратной связи, делаем возможным дальнейшее использование подобных механик, поскольку пользователи должны видеть результаты своей деятельности. Пример краудсорсинга иллюстрирует механику обратной связи, формирующую конструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России. К механике обратной связи, формирующей деструктивные практики, можно отнести троллинг, который прежде всего стоит рассматривать в социально-политических процессах как основу для любой информационной войны.

Троллинг (Bishop, 2013) — явление, базирующееся на механике обратной связи и рассматриваемое как размещение в online-пространстве провокационных комментариев, основное назначение которых вызвать «флейм»⁴. В общем виде троллинг можно классифицировать в зависимости от намерений на:

- 1) неосознанный троллинг;
- 2) осознанный троллинг.

Именно осознанный троллинг становится основой для формирования деструктивных социально-политических практик. Основываясь на поведении пользователей (троллей) online-пространства, использующих механику обратной связи троллинг, можно выделить несколько форм осознанного троллинга:

- 1) переключение темы (digression) — включение в дискуссию неуместных комментариев с целью смены генеральной темы дискуссии;
- 2) тролль-критика (criticism) — включение комментариев, содержащих критику не по существу;
- 3) формирование неприязни (antipathising) — включение комментариев со злонамеренным антагонистическим контекстом;
- 4) доксинг (Dox) — включение комментариев, содержащих заранее подготовленную персональную информацию на одного из участников online-дискуссии в форме цифровых документов;
- 5) сталкинг (stalking) — включение комментариев на разных дискуссионных площадках online-пространства, предназначенных для преследования какого-то определенного пользователя с целью его дискредитации или исключения из дискуссии (Hardaker, 2013).

Единственной стратегией борьбы с троллями является стратегия «не кормите тролля», которая основывается на пресечении возможности смещения

⁴ «Флейм» — процесс общения пользователей online-пространства, приводящий к «словесной войне».

центра внимания дискуссии на комментарии тролля. В целом назначение троллинга можно описать как способ дискредитации того или иного online-сетевого сообщества, дающего экспертную оценку событию, явлению и т.д., не только в online-, но и в offline-пространстве.

В последнее время все чаще в online-пространстве встречается троллинг, организованный посредством ботов — специализированных программ, предназначенных для того, чтобы выполнять определенные действия автоматически или по заранее составленному графику, имитирующих поведение пользователей в том или ином сегменте online-пространства. Технологии «троллинга» основанные на «бот-системах» приводят к забиванию информационно-новостного поля и непрохождению сквозь него реальных сигналов, что в свою очередь не только влияет на формирование общественного мнения, но и приводит к неконтролируемому смещению акцентов внимания online-пользователей. В результате контент российского сегмента online-пространства зачастую содержит большое количество социально-политического спама, объем которого коррелирует с избирательными циклами в России. Так, анализируя деятельность структурных элементов online-пространства в период избирательного цикла 2011-2012 гг., аналитики компании «Symantec» обнаружили, что закрытая совместными усилиями компаний «Microsoft» и «Лаборатория Касперского» в 2010 г. спам-сеть «Waledac» активизировала свою деятельность в Рунете, включившись в предвыборную кампанию некоторых кандидатов в президенты: проводилась целевая рассылка электронной почты, содержащая ссылки на статьи, порочащие независимого кандидата на пост президента РФ Михаила Прохорова, а также на ряд других бизнесменов и политиков (Symantec..., 2012). К сожалению, зачастую борьба с политическим спамом для конечного пользователя выглядит как очередная волна политического спама. Выходом из сложившейся ситуации является изменение методик работы с online-пространством, его пользователями, новые методики должны быть основаны на исследованиях, включающих разделение пользователей по ролям, поскольку это позволит определить технологии, которые необходимо применять к тем или иным пользователям, что дает возможность вычленивать в online-пространстве сегменты с целевой аудиторией, на которую направлено то или иное политическое сообщение/действие.

Библиографический список

1. Активные авторы «Twitter.com». (2013). Режим доступа <http://vox-populi.ru/author-map.phtml>
2. Активные авторы «VK.com». (2013). Режим доступа <http://vox-populi.ru/author-map.phtml?hub=vk.com>
3. Бурдые, П. (1993). *Социология политики*. Москва: Socio-Logos.

4. Динамика количества сообщений. (2013). Режим доступа <http://br-analytics.ru/statistics/>
5. Для чего люди используют интернет. (2013). Режим доступа <http://fom.ru/SMI-i-internet/11088>
6. Интернет в России: динамика проникновения. (2013). Режим доступа <http://runet.fom.ru/proniknovenie-interneta/11067>
7. История акции «Блогер против мусора». (2011). Режим доступа <http://www.bloggerprotiv.ru/about-move/>
8. Луман, Н. (2004). *Общество как социальная система*. Москва: Логос.
9. Рейтинг недоверия постсоветских стран возглавили Немцов и Тимошенко. (2013). Режим доступа <http://krasnoe.tv/node/18855>
10. Рябченко, Н. А. (2011а). Модернизация публичной политики современной России: ресурсы и возможности online социальных сетей и блогов. В *Политическая наука: состояние и перспективы развития в XXI веке: матер. Международной научно-практической конференции КубГУ* (pp. 407–411). Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
11. Рябченко, Н. А. (2011б). Online-социальные сети в публичной политике: «семь мостов» Египта. *Человек. Сообщество. Управление*, (4), 92–103.
12. Рябченко, Н. А. (2012). *Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России*. (Дис... канд. полит. наук). Краснодар.
13. Рябченко, Н. А. (2013.) Теоретическое обоснование феномена политического конденсата. В *Субъектность в политике: трансформации современной публичности, идентичность и политическое действие: материалы Всероссийской школы молодых ученых* (pp. 173–176). Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
14. Рябченко, Н. А., Мирошниченко И. В. (2012). *Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России*. Краснодар: Просвещение-Юг.
15. Савчук, В. В. (2013). *Медиафилософия. Приступ реальности*. Санкт-Петербург: РХГА.
16. Bishop, J. (2013). *Examining the Concepts, Issues, and Implications of Internet Trolling*. Portland: IGI Global.
17. Carroll, A. B., Shabana, K. M. (2010). The Business Case for Corporate Social Responsibility: A Review of Concepts, Research and Practice. Режим доступа http://www.fairfaxcountypartnerships.org/resources/articles_CSR_/Business%20Case%20for%20Corporate%20Social%20Responsibility-%20IJMR.pdf
18. Halliday, J. (2011). London riots: how BlackBerry Messenger played a key role. Режим доступа <http://www.theguardian.com/media/2011/aug/08/london-riots-facebook-twitter-blackberry>
19. Hardaker, C. (2013). Uh...not to be...but the past tense of drag is dragged, not drug. *Journal of Language Aggression and Conflict*, (3), 58–86.
20. Howe, J. (2008). *Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business*. New York: Crown Publishing Group.
21. La Syrie part en guerre contre Facebook. (2011). Режим доступа <http://www.france24.com/fr/20110511-syrie-facebook-electronic-army-page-fan-internet-revolution/>
22. Morozov, E. (2011). *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York: Public Affairs.

23. Parsons, T. (1968). *The Structure of Social Action. A Study of Social Theory with special reference to a group of recent European writers*. New York: The Free Press.
24. Sandage, S. A. (2005). *Born Losers: A History of Failure in America*. Cambridge: Harvard University Press.
25. Symantec: Воскресший ботнет включился в российскую предвыборную кампанию. (2012). Режим доступа <http://hitech.newsru.ru/article/21feb2012/kelihos>
26. Twitter и YouTube прорвали интернет-блокаду Ирана. (2009). Режим доступа <http://www.securitylab.ru/news/381604.php>

Статья поступила в редакцию 24.01.2014.

.....

CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE SOCIO-POLITICAL PRACTICES IN TODAY RUSSIA ONLINE-SPACE: FAIL, CASE, MECHANICS

A. A. Gnedash, N. A. Ryabchenko

Gnedash Anna A., Cand. Sci. (Political Science), Assist. Prof., The Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University. E-mail: anna_gnedash@inbox.ru

Ryabchenko Natalia A., Cand. Sci. (Political Science), The Head of Laboratory of Information Technologies in Education, Kuban State University. E-mail: rrrnatali@mail.ru

The research is done with financial support by Russian Foundation for Humanitarian Research in the project № 12-33-01264 «Transformation of social networks in online- and offline-sphere of public policy: neutralize threats and develop the positive potential», 2012-2014.

This article discusses the constructive and destructive practices that arise in online-space of modern Russia. Using various online-technology activates the development of innovative forms of political activity and interaction between civil society, government, political institutions, thus, online-space is not just a tool, a platform of the socio-political practices. Platform for such practices are online- community network, the analysis of which allows authors to identify the types of people online-space such as «opinion leader», «sensor», «implementer», «reader», «reputational player». Case-study «Blogger versus Garbage» describes the features of each type of users and the connection between them. Since online-space is a field of social and political practices, then it will inevitably appear mechanisms of constructive and destructive social and political practices, such arrangements include «fail» and «feedback mechanics». As an example, «fail» in the article the case «strong power» associated with Russian politician Boris Nemtsov. Typology feedback mechanic includes comments in online-social networks and blogs, forums, guestbooks, voting systems and feedback in the form of crowdsourcing technology. Feedback mechanic based on crowdsourcing technology is generally an organization platform online-space in the form of online-bank of ideas and opinions on a particular topic, which is given this type of initiator feedback mechanics. Analysis of these mechanisms will help to develop measures to curb the destructive practices and improve the rate of effectiveness of design practices.

Key words: political practices, online-space, internet, online-social networks, fail, online communities, feedback, opinion leaders, political condensate, trolling.

References

1. Aktivnye avtory «Twitter.com» [«Twitter.com» active authors]. (2013). Retrieved from <http://vox-populi.ru/author-map.phtml>
2. Ryabchenko, N. A. (2011a). Modernizatsiya publichnoy politiki sovremennoy Rossii: resursy i vozmozhnosti online sotsial'nykh setey i blogov [Modern Russia public policy modernization: the resources and capabilities online social networks and blogs]. In *Politicheskaya nauka: sostoyanie i perspektivy razvitiya v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii KubGU* [Political science: the state and prospects of development in the XXI century: proceedings of the International scientific-practical conference of Kuban State University] (pp. 407–411). Krasnodar: Kuban State University.
3. Ryabchenko, N. A. (2011b). Online-sotsial'nye seti v publichnoy politike: «sem' mostov» Egipta [Online-social networks in public policy, "seven bridges" of Egypt]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (4), 92–103
4. Ryabchenko, N. A. (2012). *Institutsionalizatsiya publichnoy politiki v online-prostranstve sovremennoy Rossii* [Institutionalization of Public Policy at the online-space of modern Russia]. (Cand. Political Sci. dissertation). Krasnodar.
5. Ryabchenko, N. A. (2013.) Teoreticheskoe obosnovanie fenomena politicheskogo kondensata [Theoretical study of the phenomenon of political condensate.]. In *Sub"ektnost' v politike: transformatsii sovremennoy publichnsoti, identichnost' i politicheskoe deystvie: mater. Vserossiyskoy shkoly molodykh uchenykh* [Subjectivity in politics: the transformation of modern public, identity and political action: Materials of the Russian school of young scientists] (pp. 173–176). Krasnodar: Kuban State University.
6. Ryabchenko, N. A. & Miroshnichenko, I. V. (2012). *Institutsionalizatsiya publichnoy politiki v online-prostranstve sovremennoy Rossii* [Public policy institutionalization of at the online-space of modern Russia]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.
7. Savchuk, V. V. (2013). *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media philosophy: paroxysm of reality]. St. Petersburg: RKhGA.
8. Bishop, J. (2013). *Examining the Concepts, Issues, and Implications of Internet Trolling*. Portland: IGI Global.
9. Carroll, A. B. & Shabana, K. M. (2010). The Business Case for Corporate Social Responsibility: A Review of Concepts, Research and Practice. Retrieved from http://www.fairfaxcountypartnerships.org/resources/articles_CSR_/Business%20Case%20for%20Corporate%20Social%20Responsibility-%20IJMR.pdf
10. Halliday, J. (2011). London riots: how BlackBerry Messenger played a key role. Retrieved from <http://www.theguardian.com/media/2011/aug/08/london-riots-facebook-twitter-blackberry>
11. Hardaker, C. (2013). Uh...not to be...but the past tense of drag is dragged, not drug. *Journal of Language Aggression and Conflict*, (3), 58–86.
12. Aktivnye avtory «VK.com» [«VK.com» active authors]. (2013). Retrieved from <http://vox-populi.ru/author-map.phtml?hub=vk.com>
13. Howe, J. (2008). *Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business*. New York: Crown Publishing Group.

14. La Syrie part en guerre contre Facebook (2011). Retrieved from <http://www.france24.com/fr/20110511-syrie-facebook-electronic-army-page-fan-internet-revolution/>
15. Morozov, E. (2011). *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York: Public Affairs.
16. Parsons, T. (1968). *The Structure of Social Action. A Study of Social Theory with special reference to a group of recent European writers*. New York: The Free Press.
17. Sandage, S. A. (2005). *Born Losers: A History of Failure in America*. Cambridge: Harvard University Press.
18. Symantec: Voskresshiy botnet vklyuchilsya v rossiyskuyu predvybornuyu kampaniyu (2012). Retrieved from <http://hitech.newsru.ru/article/21feb2012/kelihos>
19. Twitter i YouTube prorvali internet-blokadu Irana (2009). Retrieved from <http://www.securitylab.ru/news/381604.php>
20. Burd'e, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moskva: Socio-Logos.
21. Dinamika kolichestva soobshcheniy [Dynamics of the number of messages]. (2013). Retrieved from <http://br-analytics.ru/statistics/>
22. Dlya chego lyudi ispol'zuyut internet [Why people use internet]. (2013). Retrieved from <http://fom.ru/SMI-i-internet/11088>
23. Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya [Internet in Russia: the dynamics of pervasion]. (2013). Retrieved from <http://runet.fom.ru/proniknovenie-interneta/11067>
24. Istoriya aktsii «Blogger protiv musora» [History of action: Blogger versus Garbage]. (2011). Retrieved from <http://www.bloggerprotiv.ru/about-move/>
25. Luman, N. (2004). *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system. Moskva: Logos.
26. Reyting nedoveriya postsovetskikh stran vozglavili Nemtsov i Timoshenko [Mistrust rating of post-Soviet countries led Nemtsov and Tymoshenko]. (2013). Retrieved from <http://krasnoe.tv/node/18855>

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ГЕНДЕРНОЙ ВЛАСТИ ЭГАЛИТАРНОГО ТИПА В ПОЛЬШЕ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

.....

Е. В. Базуева¹

В статье инструментарий институциональной теории применен к анализу необходимости оптимизации действующей в современной экономике России системы институтов гендерной власти. Согласно ее постулатам одним из этапов проектирования новой системы институтов является анализ опыта становления аналогичной системы институтов в странах с близкими экономическими условиями. В этой связи внимание сосредоточено на изучении опыта создания системы институтов гендерной власти эгалитарного типа в Польше. В качестве основного фактора институциональных изменений выделено влияние Европейского союза (внешней среды), которое носит двусторонний характер: целенаправленное воздействие, предполагающее выполнение при финансовой поддержке ЕС взятых страной международных обязательств в области гендерного равенства; непреднамеренные воздействия — так называемый синергетический эффект от создания единого европейского пространства. Установлено, что указанные воздействия обуславливают необходимость перманентного совершенствования системы институтов гендерной власти в Польше (ее внутренней среды) в следующих направлениях: 1) усиление координирующей функции специализированных институтов по гендерному равенству; 2) выстраивание вертикали в системе институтов по нивелированию гендерной власти на региональном и местном уровнях власти; 3) интеграция гендерного подхода в деятельность других министерств и ведомств; 4) создание системы принуждения к исполнению норм эгалитарного поведения на рынке труда. К основным недостаткам функционирования данной системы институтов относим: некогерентность целей между верхними и нижними уровнями иерархии, наличие только прямых связей между институтами, институциональный вакуум в части создания механизмов внедрения заимствованных европейских институтов, неадекватность системы санкций целям институтов, санкционированность поведения агентов, прежде всего на рабочих местах. Сделан вывод, что выявленные дисфункции необходимо учитывать в дальнейшей модернизации системы институтов гендерной власти в России. Это позволит существенно сократить затраты и значительно повысить уровень адаптивности трансплантируемых институтов.

Ключевые слова: институты гендерной власти, эгалитарные нормы, трансформация институтов, эффективность, качество, иерархия.

Как было выявлено нами в [Базуева, 2011а, с. 9-20; Базуева, 2011б, с. 48-60; Базуева, 2013а, с. 71-84], действующая в России система институтов гендерной

¹ Базуева Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского национального исследовательского университета. Эл. почта: bazueva.l@mail.ru.

власти² имеет очень низкое качество, не отвечает требованиям современной экономики и снижает эффективность функционирования всей социально-экономической системы. Следование установленным данной системой институтов стандартам поведения (институциональным ролям) высокочрезмерно для экономических агентов на всех ее уровнях [Базуева, 2010, с. 46-59]. Все это обуславливает необходимость модернизации действующей системы институтов гендерной власти в направлении повышения степени ее эгалитарности.³ Наиболее продуктивным при разработке направлений ее оптимизации считается использование инструментария институциональной экономической теории [Acker, 2006; Goetz, 1997; Sweetman, 2008; Krook, Mackay, 2011]. Напомним, что согласно постулатам теории институциональных изменений к базовым этапам проектирования новой системы институтов относится «сопоставление стратегий трансплантации, применяемых догоняющими экономиками к данным подсистемам» [Полтерович, 2007, с. 207]. Другими словами, необходимо проанализировать становление аналогичной системы институтов в стране с экономическими условиями, близкими к условиям функционирования экономики России. Наш сравнительный анализ эффективности действующих в странах с переходной экономикой систем институтов по снижению уровня гендерной власти показал, что наиболее подходящим прототипом является Польша [Базуева, 2013б, с. 25-30]. Поэтому цель данной статьи — проанализировать особенности проектирования системы институтов гендерной власти эгалитарного типа в Польше. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- изучить направления и механизмы модернизации системы институтов гендерной власти на этапах трансформации экономики Польши;
- выявить факторы институциональных изменений степени концентрации гендерной власти в условиях современной экономики Польши;
- определить детерминанты качества системы институтов гендерной власти в Польше на современном этапе ее развития.

² Исходя из выбранной методологии исследования, под гендерной властью будем понимать потенциальную возможность субъекта власти осуществлять воздействие на поведение объекта власти посредством угрозы применения санкций с целью максимизации собственной функции полезности (присвоения ренты власти) в условиях асимметрии распределения экономических ресурсов.

³ Напомним, что система институтов гендерной власти эгалитарного типа предполагает ограниченность гендерной власти сферой свободы другого экономического агента, поэтому степень ее концентрации незначительна. Для нее характерны следующие черты: 1) равный доступ женщин и мужчин к производительным ресурсам и источникам получения дохода, включая управление государством; 2) распространение государственных льгот, связанных с уходом за детьми, на обоих родителей; 3) нивелирование действия гендерных стереотипов в экономике семьи и общества; 4) одинаковая отдача на человеческий капитал у мужчин и женщин; 5) гендерная экспертиза нормативно-правовых, программно-целевых документов и управленческих решений.

Начнем с изучения направлений модернизации системы институтов гендерной власти в Польше, которая в процессе своего развития активно, как показывают данные табл. 1, заимствовала технологии нивелирования гендерной власти, используемые в странах ЕС. Кроме того, таблица позволяет сделать выводы.

Во-первых, в период 1989-2004 гг. гендерная политика в Польше носила переменчивый, ситуативный и формальный характер, ее идеология зависела от правящей лево- или правопоцентристской партийной коалиции. «Левые занимали социал-демократические позиции, являясь сторонниками рынка и демократии, Польша для них — европейская страна, демократическая с развитой рыночной экономикой. Правые представляли широкий спектр взглядов от либеральных до консервативно-националистических и клерикальных» [Базуева, 2013б]. Последнее еще раз подтверждает, что в условиях функционирования этакратического гендерного порядка (см. об этом подробнее: [Базуева, 2011а, с. 9-20] именно государство выступает главным институтом гендерной власти, степень концентрации которой максимальна. Следовательно, именно государство определяет траекторию становления и развития данной системы институтов. Помимо того, в начальный период становления рыночной экономики в Польше произошло существенное усиление влияния церкви, под воздействием которого стала возрождаться традиционная гендерная модель, вытесняющая женщин в частную сферу [Heinen, Portet, 2009].

Одним из основных подтверждений усиления гендерной власти стало ограничение репродуктивных прав женщин с принятием в 1993 г. по инициативе католической церкви Закона «О планировании семьи, защите человеческого эмбриона и условиях прекращения беременности» (так называемый антиабортный закон), запрещающего прерывание беременности за исключением следующих случаев: 1) если беременность представляет угрозу для жизни и здоровья матери; 2) если в результате дородовых обследований или других медицинских диагностик выявлена высокая вероятность серьезных и необратимых повреждений эмбриона; 3) если беременность наступила в результате преступного деяния (изнасилования или инцеста). Как справедливо отмечают Ж. Хайнен и С. Портет [Heinen, Portet, 2009], запрещение абортов соответствует либеральной концепции государственной политики в отношении женщин, в которой разрыв между государственной и частной сферами для мужчин и женщин понимается по-разному. Согласно такой концепции, женщина — это прежде всего мать (реально или потенциально), чье тело должно служить национальным целям продолжения рода. Другие методы контрацепции в Польше являются де-факто ограниченными, так как в большинстве случаев невозможно получить возмещение расходов на противозачаточные средства в Национальном фонде здравоохранения. В результате использование контрацептивов в Польше — одно из самых низких в Европе. Например, только 30% женщин используют противозачаточные таблетки, в то время как 15% полагаются на прерванный половой акт

Таблица 1

Изменение системы институтов гендерной власти на этапах трансформации экономики Польши⁴

Этапы трансформации экономики	Цели системы институтов гендерной власти	Общая характеристика системы институтов гендерной власти
<i>1. Этап начальной трансформации социалистической экономики в социально-рыночную: конец 1980-х — начало 1990-х гг.</i>	Начало перехода от системы институтов гендерной власти патерналистского типа к системе институтов либерального типа	Отказ от социалистических норм равноправия мужчин и женщин. Сохранение специфических прав женщин, связанных с репродукцией, в трудовой сфере. Отсутствие гарантий соблюдения гендерного равенства в условиях конкуренции на рынке труда. Ликвидация предоставления государством доступных услуг в сфере социального воспроизводства. Ограничение репродуктивных прав женщин (запрет прерывания беременности). Уменьшение представленности женщин в политике. Возрождение традиционной гендерной модели, вытесняющей женщин в частную сферу, под влиянием католицизма. Активизация женских неправительственных организаций, отстаивающих права женщин, в том числе репродуктивные (против антиабортного закона)
<i>2. Этап адаптации к социально-рыночной экономике: 1993-1997 гг. (правящие партии — Союз демократических левых сил, Союз труда)</i>	Появление первых элементов эгалитаризма в гендерной политике в области трудовых отношений и репродуктивных прав	Начало модернизации национального законодательства в соответствии с нормами законодательства ЕС: принцип равной оплаты за труд равной ценности, равное отношение в доступе к занятости, подготовке и переподготовке, карьерному росту и условиям труда, защита беременных женщин и сохранение их трудовых прав, запрет дискриминации в отношении неполной занятости, бремя доказательств в случае дискриминации по признаку пола, принцип равного отношения к самозанятым работникам и их супругам, родительские отпуска, принцип равного отношения в схемах социального обеспечения. Утверждение национального плана действий по улучшению положения женщин, соответствующего основным приоритетам платформы действия Пекинской конференции
1997-2001 гг. (правящие партии Избирательная акция «Солидарность», Союз свободы	Воспроизводство патриархатного типа гендерной власти	Усиление католицизма, критически относящегося к индивидуалистическим западным ценностям. Осуществление просемейной социальной политики, позволяющей сочетать женщинам работу с выполнением семейных обязанностей. Защита репродуктивных функций на рынке труда

⁴ Составлено нами по: [Макарова; Czerwinska, 2009; Heinen, Portet, 2009; National machinery, action ..., 2010; Szelewa, 2011]

Окончание табл. 1

Этапы трансформации экономики	Цели системы институтов гендерной власти	Общая характеристика системы институтов гендерной власти
3. <i>Этап совершенствования и модернизации социально-рыночного хозяйства:</i> 2001-2005 гг. (правящие партии Союз труда, Союз свободы)	Начальный этап становления системы институтов гендерной власти эгалитарного типа	Дальнейшая модернизация национального законодательства (сокращение материнских отпусков, включение отпусков, связанных с рождением детей, в стаж, выравнивание пенсионного возраста у мужчин и женщин по определенным профессиям (до 65 лет). Введение в ТК раздела «Равное обращение для женщин и мужчин». Утверждение Национального плана действий, предполагающего поддержку женщин на рынке труда, развитие социальных служб, которые возьмут часть функций по социальному воспроизводству. Установление гендерных квот для участия в выборах (не менее 30%). Реализация специальных проектов «Усиление политики равного отношения к женщинам и мужчинам» (2002 г.) и «Zgobione — zaplacone», целью которых было открытое обращение Правительства Польши к проблемам неоплачиваемого труда женщин в домашнем хозяйстве, возможности включения данного времени в трудовой стаж и назначения пенсии. Гендерный анализ обучающих программ в системе дошкольного и школьного образования, колледжей. Реализация программ гендерного образования в системе дошкольного и школьного образования
2007 г. и по настоящее время	Совершенствование и развитие системы институтов гендерной власти эгалитарного типа в соответствии с требованиями ЕС	Дальнейшая модернизация национального законодательства с учетом подписанных Правительством Директив ЕС Утверждение Закона о равном обращении (2010 г.)

и 20% на естественные методы, которые не требуют никаких финансовых затрат [Szelewa, 2011]. Просветительская работа в области методов планирования семьи не развита. Так, по данным Д. Зелевой, в 2008 г. почти треть учеников не имела доступа⁵ к сексуальному образованию. В то же время существующие исследова-

⁵ Заметим, что в настоящее время в Польше под влиянием церкви не прекращаются дискуссии о запрете экстракорпорального оплодотворения. По мнению священнослужителей, этот метод, основанный на замораживании целого ряда клеток, сводится к убийству эквивалентного количества детей. Данная позиция противоречит Европейской конвенции о биоэтике, подписанной Польшей.

ния показывают, что более 90% поляков в возрасте 18-49 лет поддерживают идею сексуального воспитания в школах. В результате на фоне резкого уменьшения числа легальных аборт резко возросло количество нелегальных прерываний беременности, которые производятся часто без анестезии, увеличивают риск заражений и материнской смертности. Так, по официальным данным, в 2007 г. было проведено 322 прерывания беременности в государственных клиниках, тогда как количество нелегальных аборт, по сведениям неправительственных организаций, составляет от 80000 и 190000 в год [Szelewa, 2011]. Кроме того, высокая стоимость нелегальных аборт усиливает дифференциацию среди женщин по доходам, поскольку более 60% женщин не могут воспользоваться данной услугой. Уголовная ответственность за проведение аборт ограничивает количество врачей, желающих преступить закон. В результате для Польши стал характерен специфический вид туризма — «абортный туризм». Как показали опросы общественного мнения, большинство поляков не согласны или не следуют религиозным правилам в отношении сексуального поведения: 80% молодых людей считают, что католические священники не должны определять сферу частной жизни. Более 60% поляков считают, что современные противозачаточные средства должны быть доступны [Heinen, Portet, 2009]. В результате уровень протестных настроений против антиабортного закона постоянно растет. Заметим, что последствия ограничения репродуктивных прав вызывают обеспокоенность в настоящее время у ученых, членов женских неправительственных организаций и представителей гражданского общества в других странах. Так, некоторые из отечественных парламентариев при поддержке Русской православной церкви постоянно возвращаются к обсуждению вопроса о необходимости введения подобных ограничений в России.

Во-вторых, история изменения концепции гендерного равенства в Польше в период 1989-2005 гг. подтверждает, что технология трансплантации не обеспечивает автоматически перенос системы институтов в полном объеме, включая перенос механизма принуждения заимствуемого института к исполнению, что усугубляет институциональный конфликт между системой заимствующих правил с формальными и неформальными правилами, действующими в экономике-реципиента. В результате, как справедливо заметила А. Макарова, в Польше транзит ценностей гендерного равенства без развития условий, в которых эти ценности воспринимались бы своими, стали бы действительно осознаваемыми, приводил к тому, что «их толкование приобретало специфическую национальную окраску, буквально переворачивающую с ног на голову их содержание» [Макарова]. Не случайно создание механизма стабилизации норм эгалитарного поведения в экономике семьи и общества стало отличительной особенностью современного этапа модернизации данной институциональной системы.

Рассматривая особенности современного этапа развития институтов, направленных на снижение уровня гендерной власти в Польше, следует отме-

титель, что данный институциональный механизм продолжает формироваться и совершенствоваться под сильным влиянием внешней среды, в частности Европейского Союза. Его влияние носит, на наш взгляд, двусторонний характер: целенаправленное воздействие и непреднамеренные воздействия (синергетический эффект).

К первому типу относим на правительственном уровне выполнение при финансовой поддержке ЕС взятых страной международных обязательств в области гендерного равенства, которое контролируется с применением различных санкций (от осуждения до денежных штрафов) Европейской комиссией по равному обращению. Так, например, 20 марта 2007 г. Европейский суд по правам человека осудил Правительство Польши за нарушение статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по знаменитому делу «Случай Alicja Tysiac»⁶. Это решение Европейского суда оказало «драматическое влияние на обсуждение и осуждение обществом вопросов нарушения репродуктивных прав человека в Польше и необходимости отмены так называемого антиабортного закона. Кроме того, в рамках действующего законодательства Европейский суд предоставил возможность для женщин обратиться к независимому органу в случае отказа врача в выполнении аборта» [Heinen, Portet, 2009]. Согласно Закону на осуществление отдельных положений ЕС в области равного обращения от 3 декабря 2010 г. предусмотрены штрафные санкции за невыполнение Правительством Польши данных обязательств: единовременные штрафы в сумме не менее 3600 евро и за каждый день невыполнения положений могут быть взысканы санкции от 4,3 тыс. до 260 тыс. евро [Hurek, Maj, 2012].

На нижних уровнях иерархии — это активизация при финансовой поддержке ЕС и консолидирующих усилиях феминистских организаций ЕС польских неправительственных женских организаций в содействии обеспечению равных возможностей для мужчин и женщин в Польше путем проведения просветительских кампаний, конференций, реализации научно-исследовательских проектов, лоббирования и подготовки политических предложений [Szelewa, 2011].

К целенаправленному воздействию на индивидов относим также перманентное развитие Уполномоченным по равному обращению и неправительственными женскими организациями при поддержке фондов ЕС механизмов стабилизации норм эгалитарного поведения в экономике семьи и общества. С целью преодоления так называемой культурной инерции агентов, обеспе-

⁶ Победившая заявительница Alicja Tysiac – мать троих детей, которая страдала от очень серьезных нарушений зрения и дегенерации сетчатки с раннего детства. Она имела вторую группу инвалидности и сложности с поиском соответствующих рабочих мест. Несмотря на опасность для ее здоровья четвертой беременности, согласно Закону «О планировании семьи, защите человеческого эмбриона и условиях прекращения беременности» (1993 г.) ей было отказано в праве на аборт. Роды привели к дальнейшему ухудшению ее зрения, в результате чего она получила первую группу инвалидности. См. об этом: [Heinen, Portet, 2009].

чивающей воспроизводство ими гендерно стереотипного поведения экономическими агентами, было реализовано несколько проектов: 1) «Требуются: женщины старше 45 лет — надежность, обязательства, опыт», направленный на противодействие дискриминации в отношении женщин старше 45 лет; 2) «Стереотипы и равные возможности для женщин и мужчин в сельских обществах», способствующий повышению экономической активности женщин из сельской местности; 3) «Как хорошо быть женщиной-предпринимателем!», предполагающий финансовую и информационную поддержку женщинам в создании собственного бизнеса; 4) «Примирение профессиональных и семейных ролей женщин и мужчин», нацеленный на улучшение ситуации на рынке труда для женщин, имеющих детей, и др.

Кроме того, для повышения уровня гендерного самосознания граждан был создан специальный сайт (www.kobieta.gov.pl), проведены специализированные информационно-просветительские кампании с использованием баннеров, плакатов и рекламных щитов, телевизионных передач (например, серия еженедельных передач с выступлением Правительственного уполномоченного по равному обращению «Мы разные, но мы равные», ориентированных на продвижение культурного многообразия), конференций (например, конференция «Сила женщины есть сила общества», организованная с целью содействия предпринимательской деятельности женщин и обсуждения механизмов, которые облегчат возвращение женщин на работу после отпуска по уходу за ребенком; «Как вырастить ребенка свободного от стереотипного мышления?», «За разнообразие, против дискриминации»), конкурсов (например, конкурс «Я хозяин» был организован с целью преодоления стереотипов в отношении женщин во власти и формирования положительного образа женщин-лидеров среди молодых людей; конкурс «Отец на работе, отец дома» способствует модели партнерства семьи и активного отцовства [National report submitted..., 2012]). Кроме того, при поддержке женских неправительственных организаций в некоторых школах и колледжах начала внедряться система гендерного образования.

К непреднамеренным воздействиям на изменение норм гендерного взаимодействия между экономическими агентами, на наш взгляд, можно отнести действие синергетического эффекта от создания единого европейского пространства, которое увеличило международную мобильность не только людей, но и идей. «Тот факт, что многие поляки, как женщины и мужчины, мигрируют в страны, где правовая ситуация иная, где гендерные отношения строятся на основе большего равенства способствует, с одной стороны, усвоению данных европейских ценностей, с другой стороны, является источником новых социальных изменений» [Heinen, Portet, 2009].

В результате совместных усилий создаются условия для повышения уровня устойчивости внедряемой системы институтов по нивелированию гендерной власти, степени ее распространения и полезности для экономических агентов.

Указанные изменения обусловили необходимость перманентного совершенствования внутренней среды системы институтов гендерной власти. Во-первых, начиная с 2010 г. Правительством Польши в системе институтов по нивелированию гендерной власти усилена координирующая функция, которая была закреплена за тремя институтами: Уполномоченным по равному обращению, омбудсменом по правам человека и Департаментом по делам женщин, семьи и борьбе с дискриминацией в структуре Министерства занятости и социальной политики (табл. 2). Заметим, что функционирование данных институтов имеет монетарное наполнение, т.е. материально обеспечено и определяется положениями Закона о равном обращении, утвержденного в 2010 г.

Во-вторых, продолжается процесс выстраивания вертикали в системе институтов по нивелированию гендерной власти. Полномочные представители по вопросам равенства женщин и мужчин в системе государственного управления назначены и действуют на региональном и местном уровнях власти. Наряду с федеральными проектами под руководством полномочных представителей разработаны и реализуются собственные проекты, направленные на повышение уровня гендерного равенства с учетом специфики территории [Hurek, Maj, 2012].

В-третьих, гендерный подход начал интегрироваться в деятельность других министерств и ведомств (Министерство инфраструктуры, Министерство сельского хозяйства и развития сельских районов, Министерство науки и информационных технологий, Министерство внутренних дел, Министерство культуры, Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Центральное статистическое управление и Управление по вопросам европейской интеграции). С этой целью Уполномоченным по равному обращению реализуется проект «Равное обращение — стандарт эффективного управления», направленный на обучение центрального правительства основам осуществления так называемой гендерно чувствительной политики на всех уровнях управления [National report submitted..., 2012]. Кроме того, в 2012 г. было принято постановление о стандартах управления человеческими ресурсами, цель которого — обеспечение равного обращения на рабочем месте, в том числе повышение объективности в процедуре найма работников. Постановление также рекомендует введение гибкого рабочего времени, механизмов и других решений и способов совмещать работу с личной и семейной жизни. В результате, как подчеркивает представитель государственной службы занятости, Польша является одним из лучших исполнителей в странах ОЭСР в области равного обращения на рабочем месте. В 2012 г. почти половину из руководящих должностей в системе государственного управления занимали женщины. Часто это ключевые посты для функционирования государства: министр финансов, министр юстиции, министр экономики. Более того, женщины в возрасте до 30 лет быстрее, чем мужчины, продвигаются по карьерной лестнице.

Таблица 2

Характеристика современных институтов по нивелированию гендерной власти в Польше

Название институтов	Цели института	Функции института	Виды санкций, регламентируемые институтом	Материальная обеспеченность
Уполномоченный по равному обращению	Координирует работу правительства в области противодействия дискриминации	<p>Осуществляет гендерную экспертизу проектов законов и реализуемых нормативно-правовых актов</p> <p>Представляет предложения о введении или изменении законодательных актов с учетом принципа равного обращения</p> <p>Устраняет или ограничивает последствия нарушения принципа равного обращения</p> <p>Разрабатывает, осуществляет, координирует мероприятия и проекты, направленные на обеспечение принципа равного обращения, а также защиту от дискриминации</p> <p>Сотрудничает с органами государственного управления, НПО и другими организациями с целью расширения равного обращения в различные сферы жизни</p> <p>Поощряет распространение и пропаганду вопросов, касающихся равного обращения</p> <p>Подготавливает Национальный план действий о равном обращении и осуществляет его мониторинг и отчеты международным органам о соблюдении ратифицированных конвенций и деклараций в сфере равного обращения</p>	Денежные штрафы Информационная	Бюджетное финансирование свыше 1800 тыс. PL (около 450 тыс. евро) в год

Окончание табл. 2

Омбудсмен по правам человека	Ответствен за проведение политики равного обращения	Анализирует, контролирует и поддерживает внедрение принципа равного обращения в политику правительства Содействует проведению научных исследований по соблюдению прав человека Подготавливает доклады и разрабатывает рекомендации по борьбе с дискриминацией Информирует Сейм и Сенат о своей деятельности и предлагает конкретные инструменты, которые необходимо принять для того, чтобы должным образом защитить права и свободы граждан	Денежные штрафы Информационная	Бюджетное финансирование
Группа женщин-парламентариев	Продвижение гендерного равенства	Координирует действия правительства в реализации программ, направленных на продвижение гендерного равенства	Информационная	Отсутствует
Департамент по делам семьи, женщин и борьбе с дискриминацией	Координирует и работу в области улучшения положения женщин в семье и обществе	Распространение передового опыта в области политики равных прав и возможностей Участие в подготовке законодательных актов Реализация проектов ЕС Сотрудничество с неправительственными организациями и местными органами власти Подготовка ответов на вопросы членов парламента Выступление с докладами от лица польского правительства на международных форумах Подготовка в соответствии с требованиями Европейской комиссии по вопросам гендерного равенства дорожной карты	Денежные штрафы Информационная санкция	Бюджетное финансирование

Примечание: Ввиду ограниченности доступа к необходимым источникам информации фактические объемы финансирования представлены только по одному институту

Так, среди работников на руководящих должностях более двух третей составляют женщины [Gender equality in Polish..., 2013].

В-четвертых, стабилизация норм эгалитарного поведения на рынке труда — основная цель функционирования системы институтов гендерной власти на современном этапе. Для этого была создана система принуждения к исполнению данных правил как на формальном, так и на неформальном уровне. Так, например, начиная с 2010 г. бремя доказательств по делам прямой и косвенной дискриминации по признаку пола на рабочем месте переложено с работника на работодателя. При этом возбуждать дела о дискриминации могут также представители Государственной инспекции труда, а представлять интересы работника в суде по делам о дискриминации полномочны профсоюзы. Заметим, что средний размер компенсации работнику составляет от одного до пяти минимальных размеров оплаты труда⁷. Кроме того, для самых серьезных и громких дел о нарушениях прав работников Уголовный кодекс, предусматривает наказание до 2 лет лишения свободы, а в случае если работник подвергся сексуальному домогательству, данное наказание может быть увеличено до 3 лет. Количество жалоб, поданных в Государственную инспекцию труда гражданами, подвергшимися дискриминации по признаку пола на рабочем месте, в 2008 г. составило 43, в 2009 г. — 37, в 2010 г. — 46, в 2011 г. — 61 [Hurek, Maj M. 2012].

С целью устранения гендерных различий в обращении с женщинами в экономике и на рынке труда в Польше постоянно совершенствуется система институтов, позволяющая совмещать семейные и рабочие обязанности. Заметим, что необходимость создания данных институциональных условий также закреплена в Европейском пакте по вопросам гендерного равенства (2011-2020 гг.). К ним относятся перманентные изменения условий предоставления родительских отпусков по уходу за детьми. Так, начиная с 2006 г. продолжительность обязательной части оплачиваемого отпуска по беременности и родам⁸ увеличилась с 16 до 18 недель (максимум — 37 недель в случае кратных рождений). Из них 14 недель зарезервировано за матерями, остальную часть времени может использовать отец ребенка. Кроме того, с 2010 г. в дополнение к указанным отпускам введен так называемый отцовский отпуск, который необходимо использовать в течение первого года жизни ребенка. Его продолжительность в настоящее время составляет 2 недели. При этом родительский отпуск включается в трудовой стаж обоих родителей. Далее он может быть продлен до достижения ребенком трехлетнего возраста, однако оплата в размере 60% от минимального размера оплаты труда (около 100 евро в месяц) предполагается только для семей с очень низкими доходами [Prechal, Burry, 2010].

Следующим институциональным условием для совмещения трудовых и семейных обязанностей стало создание при поддержке фондов ЕС

⁷ В настоящее время минимальный размер оплаты труда в Польше составляет около 230 EUR.

⁸ Оплата в размере 100% от заработной платы родителя.

Таблица 3

Детерминанты качества системы институтов гендерной власти в Польше на современном этапе

Параметры качества	Характеристика параметров качества
Объективность	В целом соответствует материальным условиям хозяйствования
Тип связей между элементами системы	Прямые связи Обратные связи на этапе зарождения
Когерентность целей и функций элементов системы	Присутствует рассогласованность целей на верхнем уровне иерархии и между верхними и нижними уровнями иерархии
Размер протяженности системы	Темпы институциональных изменений замедлены на каждом уровне
Степень распространения	Высокий уровень распространения идеологии равных гендерных прав на рынке труда и средний — в экономике семьи Существует институциональный вакуум в части создания механизмов внедрения заимствованных европейских институтов
Полезность	Экономические агенты слабо информированы об издержках воспроизводства гендерной асимметрии
Уровень разнообразия	Учет индивидуальных гендерных особенностей мужчин и женщин только на рабочих местах Отсутствует конкуренция между институтами, регламентирующими альтернативные нормы поведения Норма отдачи от издержек альтернативных вариантов поведения сокращает функцию полезности для управляемого контрагента по сравнению с зависимой от субъекта гендерной власти деятельностью
Устойчивость	Низкий уровень устойчивости
Результативность	Система санкций не адекватна целям институтов Институты определяют поведение агентов прежде всего на рабочем месте Большинство институтов имеет монетарное наполнение, в основном финансирование из структурных фондов ЕС Система институтов сокращает общественное благосостояние
Эффективность	Низкий уровень

сети коллективных детских дошкольных учреждений. Так, если в 2005/2006 уч. г. в детские сады были зачислены около 40% детей в возрасте 3-5 лет, то в 2009/2010 уч.г. этот показатель достиг почти 60% [Szelewa, 2011]. В феврале 2011 г. был принят новый закон установления форм ухода за детьми в возрасте до трех лет в центрах для детей (речь идет о яслях, «детских клубах» и «еже-

дневных опекунов»). Данный проект не гарантирует постоянной финансовой поддержки государства. Однако с целью адресного финансирования муниципалитетов реализуется программа Maluch (Младенец), которая предоставляет возможность подать заявку на получение субвенции для финансирования одной из перечисленных форм ухода за детьми.

Для повышения конкурентоспособности женщин на рынке труда реализуется несколько программ и проектов, направленных на преодоление гендерных стереотипов при выборе будущей профессии, повышение уровня образования женщин и способности к восприятию инновационных технологий, развитие и поддержку женского предпринимательства [Hurek, Maj, 2012].

В-пятых, различные уровни в системе институтов гендерной власти в Польше связаны прямыми связями, сеть обратных связей находится пока на этапе зарождения, что свидетельствует о невысоком качестве данной институциональной системы.

Систематизируем далее осуществленный анализ особенностей функционирования системы институтов гендерной власти в Польше по определенным нами в [Базуева, 2012, с.17-30] детерминантам качества институциональной системы (табл. 3).

Выявленные провалы в становлении системы институтов гендерной власти в Польше, несомненно, связаны с дополнительными издержками ее функционирования, избежать которые возможно при институциональном проектировании подобной системы институтов в России. Считаем, что это станет одной из предпосылок ее успешной модернизации на современном этапе развития нашей страны.

Библиографический список

1. Базуева, Е. В. (2010). Человеческий капитал Пермского края: гендерные особенности реализации. *Экономика региона*, 2 (34), 72–78.
2. Базуева, Е. В. (2011а). Институциональный анализ системы гендерной власти в современной России. *Экономический анализ: теория и практика*, (19), 4–11.
3. Базуева, Е. В. (2011б). Институциональная среда современной России: гендерный критерий эффективности. *Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»*, (2), 47–60.
4. Базуева, Е. В. (2012). Детерминанты качества институциональной системы (на примере системы институтов гендерной власти). *Экономический анализ: теория и практика*, (9), 17–29.
5. Базуева, Е. В. (2013а). Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, (2), 71–84.
6. Базуева, Е. В. (2013б). О методике отбора возможных трансплантантов для модернизации системы институтов гендерной власти. В *Институциональная экономи-*

- ка: развитие, преподавание, приложения: Материалы третьей международной конференции. (с. 65–69). Москва: РГУУ.
7. Макарова, А. (2010). Гендерное равенство в польской трансформации: свои и чужие ценности. Режим доступа http://host-trade.ru/icgs.ru/images/files/publication/Makarova/makarova_A_Gendernoe_ravenstvo_v_polskoj_tran.pdf
 8. Перский, Ю. К., Шульц, Д. Н. (2008). *Иерархический анализ экономики: методы и модели*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.
 9. Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика.
 10. Acker, J. (2006). Inequality Regimes: Gender, Class, and Race in Organizations. Retrieved from www.sagepub.com/oswcondensed/study/articles/05/Acker.pdf
 11. Czerwinska, A. (2009). Poland: 20 years – 20 change. Gender Issues 2009: In *Gender Equality Discourse in Times of Transformation, 1989–2009* (pp. 47–79). Warsaw: Heinrich Böll Stiftung.
 12. Gender equality in Polish civil service. (2013). Retrieved from <http://dsc.kprm.gov.pl/en/aktualnosci/gender-equality-in-polish-civil-service>
 13. Goetz, A. M. (1997). *Getting Institutions Right for Women in Development*. London: Zed Books.
 14. Heinen, J. & Portet, S. (2009). Religion, Politics and Gender Equality in Poland: Final Research Report prepared for the project “Religion, Politics and Gender Equality”. Retrieved from <http://www.unrisd.org>
 15. Hurek, J. & Maj, M. (2012). Rownosc plci a innowacyjnosc – stan obecny i rekomendacje na przyszosc. Warszawa. Retrieved from <http://www.parp.gov.pl/files/74/75/76/479/13145.pdf>
 16. Krook, M. L. & Mackay, F. (2011). Introduction: Gender, Politics and Institutions. In *Gender, Politics and Institutions: Towards a Feminist Institutionalism* (pp. 3–10). Basingstoke; Palgrave Macmillian.
 17. National machinery, action plans and gender mainstreaming in the Council of Europe member states since the 4th World Conference on Women (Beijing, 1995). (2010). Retrieved from [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/equality/03themes/standards-mechanisms/EG\(2009\)2_en.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/equality/03themes/standards-mechanisms/EG(2009)2_en.pdf)
 18. National report submitted in accordance with paragraph 5 of the annex to Human Rights Council resolution 16/21. (2012). Retrieved from <http://www.upr-info.org/-Poland-.html>
 19. Prechal, S. & Burry S. Gender Equality Law in 33 European Countries Update 2010. (2010). Retrieved from http://ec.europa.eu/justice/gender-equality/files/dgjustice_eugenderqualitylaw33countriesupdate2010_final_24february2011_en.pdf
 20. Sweetman, C. (2008). Feminist Economics. Retrieved from [www.eif.gov.cy/mlsi/dl/genderequality.nsf/0/12D2A22FAC60DA74C22579A6002D950A/\\$file/fp2p_feminist_economics_bp_english.pdf](http://www.eif.gov.cy/mlsi/dl/genderequality.nsf/0/12D2A22FAC60DA74C22579A6002D950A/$file/fp2p_feminist_economics_bp_english.pdf)
 21. Szelewa, D. (2011). The policy on gender equality in Poland. Retrieved from <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201107/20110725ATT24649/20110725ATT24649EN.pdf>

Статья поступила в редакцию 28.09.2013.

.....

**THE PECULIARITIES OF ESTABLISHMENT OF THE EGALITARIAN
GENDER POWER INSTITUTIONS IN POLAND: LESSONS FOR RUSSIA**

E. V. Bazueva

Elena V. Bazueva, PhD, assistant professor of global and regional economies, economic theory Perm National Research University. E-mail: bazueva.l@mail.ru

In the article the institutional theory instruments is used for analysing the need to optimize the existing system of gender power institutions in the modern Russian economy. According to its postulates, one of the stages of designing the new institutions system is the analysis of the experience of similar institutions system in countries with similar economic conditions. In this regard, the experience of creating a system of the egalitarian gender power institutions in Poland has been studied. As the main factor of institutional changes impact of the European Union is allocated (the external environment), which has two aspects: purposeful effects, suggesting performance with financial support from the EU to the country's international obligations in the field of gender equality; unintended effects — the so-called synergistic effect of creating a common European space. It was established that these effects had made it necessary a permanent improvement of the system of gender power institutions in Poland (its internal environment) in the following directions: 1) strengthening of the coordinating functions specialized institutions in gender equality; 2) vertical alignment in the system of institutions by leveling the gender power at the regional and local levels; 3) integration of gender mainstreaming in the activities of other ministries and departments; 4) establishing enforcing rules of egalitarian behavior systems in the labor market. The main disadvantages of this institutions system functioning are: incoherence of purposes between the upper and lower hierarchy levels, presence of only direct links between the institutions; institutional vacuum in terms of creating mechanisms for implementation of borrowed European institutions; inadequate of the sanctions system and institutions purposes; sanctioning of agents' behavior, especially in the workplaces. It is concluded that the identified dysfunctions are possible and necessary to consider in the further modernization of the gender power institutions in Russia. This will not only significantly reduce costs, but also will greatly increase the level of adaptability of the transplanted institutions.

Key words: institutes of gender power, egalitarian norms, transformation of institutes, effectiveness, quality, hierarchy.

References

1. Acker, J. (2006). Inequality Regimes: Gender, Class, and Race in Organizations. Retrieved from www.sagepub.com/oswcondensed/study/articles/05/Acker.pdf
2. Bazueva, E. V. (2010). Chelovecheskuy capital Permskogo kraya: genderny osobennosty realizatsii [The human capital of the Perm region: gender peculiarities of realization]. *Ekonomika regiona* [Regional economics], 2 (34), 72–78.
3. Bazueva, E. V. (2011a). Institutsionalny analis sistemy gendernoy vlasti v sovremennoy Rossii [The institutional analysis of system of the gender power in modern Russia]. *Economicheskii analis: Teoriya i Practica* [Economic Analysis: Theory and Practice], (19), 4–11.
4. Bazueva, E. V. (2011b). Institutsionalnaya sreda sovremennoy Rossii: genderny kriteriy effektivnosti [Institutional environment of modern Russia: gender criterion

- of efficiency]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Perm University Bulletin. "Economics" series], (2), 47–60.
5. Bazueva, E. V. (2012). Determinanty kachestva Institutsionalnoy sistemy (na primere sistemy institutov gendernoy vlasti) [Determinants of the quality of institutional system (on the example of the system of institutes of gender power)]. *Economicheskii analiz: Teoriya i Practica* [Economic Analysis: Theory and Practice], (9), 17–29.
 6. Bazueva, E. V. (2013a). Econometrichesky analiz vzaimosvyazi pokazateley nazionalnoy ekonomiki i gendernogo neravenstva [Econometric analysis of national economy indicators and gender inequality interaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Moscow University Bulletin. Series 6: Economics], (2), 71–84.
 7. Bazueva, E. V. (2013b). O metodike otbora vozmozhnykh transplantantov dlya modernizatsii sistemy institutov gendernoy vlasti [On the method of selection of possible transplants for modernization of institutions gender power]. *Institutsionalnaya ekonomika: razvitie, prepodavanie, prilozheniya: Materialy tretyey mezhdunarodnoy konferentsii* [Institutional Economics: Development, Teaching, Application: Proceedings of the Third International Conference] (pp. 65–69). Moscow: RGUU Publ.
 8. Czerwinska, A. (2009). Poland: 20 years – 20 change. Gender Issues 2009: In *Gender Equality Discourse in Times of Transformation, 1989–2009* (pp. 47–79). Warsaw: Heinrich Böll Stiftung.
 9. Gender equality in Polish civil service. (2013). Retrieved from <http://dsc.kprm.gov.pl/en/aktualnosci/gender-equality-in-polish-civil-service>
 10. Goetz, A. M. (1997). *Getting Institutions Right for Women in Development*. London: Zed Books.
 11. Heinen, J. & Portet, S. (2009). Religion, Politics and Gender Equality in Poland: Final Research Report prepared for the project "Religion, Politics and Gender Equality". Retrieved from <http://www.unrisd.org>
 12. Hurek, J. & Maj, M. (2012). Rownosc plci a innowacyjnosc – stan obecny i rekomendacje na przyszosc. Warszawa. Retrieved from <http://www.parp.gov.pl/files/74/75/76/479/13145.pdf>
 13. Krook, M. L. & Mackay, F. (2011). Introduction: Gender, Politics and Institutions. In *Gender, Politics and Institutions: Towards a Feminist Institutionalism* (pp. 3–10). Basingstoke; Palgrave Macmillian.
 14. Macarova, A. (2010). Gendernoye ravenstvo v polskoy trnsformatsii: svoi I chuzhii tsennosti [Gender equality in the Polish transformation: their own and strangers values]. Retrieved from http://host-trade.ru/icgs.ru/images/files/publication/Makarova/makarova_A_Gendernoe_ravenstvo_v_polskoy_tran.pdf
 15. National machinery, action plans and gender mainstreaming in the Council of Europe member states since the 4th World Conference on Women (Beijing, 1995). (2010). Retrieved from [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/equality/03themes/standards-mechanisms/EG\(2009\)2_en.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/equality/03themes/standards-mechanisms/EG(2009)2_en.pdf)
 16. National report submitted in accordance with paragraph 5 of the annex to Human Rights Council resolution 16/21. (2012). Retrieved from <http://www.upr-info.org/-Poland-.html>

17. Persky, Yu. K. & Shults, D. N. (2008). *Iyerarkhicheskiy analiz ekonomiki: metody i modeli* [Hierarchical analysis of economics: methods and models]. Yekaterinburg: Institute of economy. The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
18. Polterovich, V. M. (2007). *Elementy teorii reform* [Elements of the theory of reform]. Moscow: Ekonomika.
19. Prechal, S. & Burry S. Gender Equality Law in 33 European Countries Update 2010. (2010). Retrieved from http://ec.europa.eu/justice/gender-equality/files/dgjustice_eugenderqualitylaw33countriesupdate2010_final_24february2011_en.pdf
20. Sweetman, C. (2008). Feminist Economics. Retrieved from [www.eif.gov.cy/mlsi/dl/genderequality.nsf/0/12D2A22FAC60DA74C22579A6002D950A/\\$file/fp2p_feminist_economics_bp_english.pdf](http://www.eif.gov.cy/mlsi/dl/genderequality.nsf/0/12D2A22FAC60DA74C22579A6002D950A/$file/fp2p_feminist_economics_bp_english.pdf)
21. Szelewa, D. (2011). The policy on gender equality in Poland. Retrieved from <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201107/20110725ATT24649/20110725ATT24649EN.pdf>

АСПЕКТЫ ПРИВАТНОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ РОДИТЕЛЕЙ С ПОДРОСТКАМИ

О. В. Бондарева, М. Д. Ктениду, Т. К. Хозяинова¹

В статье изложены результаты эмпирического изучения некоторых аспектов приватности, которые характеризуют отношения в семье с ребенком подросткового возраста. Использовались опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер, опросник определения типа родительского отношения Г. Тситсас, Е. Маридаки-Касотаки, Е. Андонопуду для родителей и модификация этого опросника для оценки детьми отношения родителей к ним. В исследовании приняла участие 51 полная семья (26 мальчиков, 25 девочек в возрасте от 12 до 14 лет и их родители в возрасте от 32 до 45 лет). Изучены типы отношения родителей к подросткам в зависимости от уровня приватности матери и отца в их собственном детстве и связи уровня приватности подростков с отношением к ним родителей.

Установлено, что при высоких показателях собственной приватности родители проявляют демократическое отношение к детям. При опыте депривированности приватности родители склонны проявлять авторитарный и гиперопекающий типы родительского отношения. Выявлено, что демократический или заботливый тип отношения родителей поддерживает приватность подростков. Депривированность приватности подростков связана с гиперопекающим, попустительским и авторитарным типами родительского отношения. Представлен анализ этих связей в зависимости от пола ребенка и родителей.

Ключевые слова: приватность, суверенность, психологическое пространство личности, тип родительского отношения, депривация.

Понятие приватности

Возможность обособиться от других людей в какие-то моменты жизни для личности чрезвычайно важна. Она создает для человека некую зону безопасности, которая позволяет ему адаптироваться к окружающей среде и защититься от напора, который несет с собой очень мобильная, интенсивная со-

¹ Бондарева Олеся Вячеславовна – кандидат психологических наук, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: consciousness@rambler.ru

Ктениду Мария Димитриос – кандидат психологических наук, независимый исследователь, Израиль. Эл. почта: ktenidoumaria@hotmail.com

Хозяинова Татьяна Константиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: hozjainova@mail.ru

временная жизнь. Готовность и возможность личности отстаивать своё психологическое пространство обозначается как чувство приватности (чувство *privacy*), которое обеспечивает процесс установки и регуляции дистанции в отношениях, умение отказываться окружающим, способность отстаивать личные интересы, отделять собственные чувства от чувств и переживаний других, обуславливает конструктивную автономию с гибкой коммуникационной границей Я. Чувство приватности обеспечивает и поддерживает ощущение безопасности личности — одно из наиболее значимых потребностей любого человека.

Зарубежными психологами проведено довольно много исследований, посвящённых феномену приватности [Altman, 1975; Demirbas, Demirkan, 2000; Gritzalis, Karyda, Park, Kokolakis, 2009; Kaya, Weber, 2003; Margulis, 2003, 2005; Petronio, 2004, 2007; Durham, 2008 и др.].

И. Альтман определяет приватность как центральный регуляторный процесс, при помощи которого личность делает себя более или менее доступной или открытой для других; это селективный контроль доступности человеческого Я [Altman, 1975].

С. Маргулис отмечает, что теория приватности способствует новому взгляду на взаимодействие человека и окружающей действительности, а также интерпретации пространственного поведения личности с целью регулирования социального взаимодействия [Margulis, 2003].

Н. Кайа и М. Вебер трактуют понятие оптимального уровня приватности как баланс между желанием побыть в одиночестве и стремлением к социальному взаимодействию. Причем, если фактический уровень приватности оказывается значительно выше оптимального, человек переживает изолированность; если же меньше, чем желаемый, — раздражается и ощущает переполненность социальными контактами [Kaya, Weber, 2003].

В отечественной психологии лишь в последние десятилетия стали появляться исследования приватности личности [Бурмистрова, 2004; Нартова-Бочавер, 2003; Рябикина, 2005; Тиводар, 2008 и др.]. Так, в концепции С.К. Нартовой-Бочавер по отношению к обозначаемой феноменологии используется понятие «суверенность», которое трактуется как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанную на обобщенном опыте успешного автономного поведения [Нартова-Бочавер, 2003, 2004, 2005].

Таким образом, приватное пространство личности — это пространство, в котором она претворила свою субъектность, с которым, поэтому, она чувствует наибольшую слитность. Это бытийное пространство, которое осознается (переживается) личностью как присвоенное ею, принадлежащее ей.

Приватность личности проявляется по-разному в различных пространствах бытия. Существует общий показатель приватности, который включает в себя выраженность приватности личности по различным параметрам, а имен-

но суверенности ценностей личности, суверенности территории, суверенности привычек, суверенности вещей, суверенности физического тела и суверенности социальных связей [Нартова-Бочавер, 2008].

Формирование границ личности происходит в процессе взросления. В подростковом возрасте, с его чувством взрослости как центральным новообразованием, важность приватности значительно увеличивается и становится наиболее актуальной.

Подростки стремятся к независимости и самостоятельности, в связи с этим приватность является важным условием их личностного развития [Ктениду, 2008]. Многие родители не меняют стиль отношения с ребенком в подростковом возрасте, не осознают важность предоставления ему свободы, продолжают опекать его, что вызывает конфликты и непонимание между родителями и подростками [Казанская, 2008; Карабанова, 2006; Райс, 2000; Хозяинова, 2006б].

Недостаточная сформированность собственного чувства приватности у родителей и не вполне осознанная значимость правильного формирования этого чувства у подростков приводят к двум крайностям. У подростков присутствует либо «размытость» собственных границ, когда они испытывают недостаточность внешней границы Я, что уменьшает автономию личности, либо подросток демонстрирует чрезмерную закрытость и жесткость внешней границы Я, что мешает плодотворному взаимодействию с другими людьми и самореализации.

Несмотря на важность феномена приватности как одного из существенных аспектов бытия личности, остаются нераскрытыми общепсихологические механизмы его становления, не прояснено отношение между выраженностью этого феномена у близких людей, реализующих свою приватность в пространстве совместной жизни. В этой связи особый интерес для понимания механизмов функционирования личности представляет анализ возможной передачи (трансляции) в детско-родительских отношениях чувства приватности детям и выявление детерминант становления приватности ребёнка.

Используемое в данном исследовании понятие «чувство приватности» обозначает интегративный сложноорганизованный личностный феномен, включающий: представление личности о своем приватном пространстве; ее отношение (переживание) к происходящему в приватном пространстве; ее готовность определенным образом регулировать возможные вторжения и защищать свое приватное пространство.

Нами была поставлена цель изучить связи собственной приватности родителей с их отношением к детям подросткового возраста и зависимость от этого отношения уровня приватности подростков.

Для изучения приватности родителей в их собственном детстве и приватности подростков использовался опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С.К. Нартовой-Бочавер [Нартовой-Бочавер, 2008].

Для изучения отношения родителей к детям применялся опросник определения типа родительского отношения Г. Тситсас, Е. Маридаки-Касотаки, Е. Андонопулу [Τσίτσας, Αντωνοπούλου, 2010] и модификация этого опросника для оценки детьми отношения родителей к ним. При обработке и анализе данных использовались корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и качественный анализ. Статистические расчеты проводились с помощью программ Microsoft Excel 2003, Statistica 6.0.

В исследовании приняла участие 51 полная семья (26 мальчиков, 25 девочек в возрасте от 12 до 14 лет и их родители в возрасте от 32 до 45 лет). Всего 153 человека. Процедура исследования включала сбор психодиагностических данных. Родители отвечали на вопросы методики «Суверенность психологического пространства» (СПП), оценивая суверенность психологического пространства в своем детстве, а также отвечали на вопросы методики о типе отношения родителей к своим детям подросткового возраста. Сбор психодиагностических данных подростков включал опрос по методике СПП, они оценивали поддержку своей приватности родителями, а также отвечали на вопросы методики определения типа родительского отношения, модифицированной с целью изучения оценок отношения к ним родителей.

Анализ связей собственной приватности родителей с типом отношения к подростку

Одной из проблем изучения отношений родителей к детям является выявление факторов, определяющих эти отношения [Карабанова, 2006; Хозяинова, 2006а]. По нашему предположению, одной из детерминант проявления того или иного типа отношения родителей к ребенку будет опыт приватности родителей в их детстве. Поддержка приватности родителей их собственными родителями в детстве будет обуславливать тип отношения к своему ребенку. Особое значение приобретают взаимоотношения родителей с подростками, которые стремятся к самостоятельности и независимости от родителей.

Для выявления влияния собственной приватности родителей на тип их отношений к подростку мы провели корреляционный анализ между результатами модифицированной методики СПП, где отец и мать оценивали приватность в своем детстве, и результатами оценки родителями своих отношений к подростку.

Рассмотрим связи между показателями приватности отца и типом его отношения к подростку (табл. 1).

Из полученных результатов видно, что существуют прямые корреляционные связи между демократическим типом родительского отношения и показателями приватности. На статистически значимом уровне выявлены связи демократического типа отношения отца с общим показателем суверенности психологического пространства личности (0,48), с суверенностью вещей (0,41), суверенностью социальных связей (0,59) и суверенностью ценностей личности

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между показателями приватности отца и типом его отношения к подростку

Тип родительского отношения	Показатели приватности						
	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Демократический	0,48	0,16	0,21	0,41	-0,01	0,59	0,55
Авторитарный	-0,41	-0,19	-0,27	-0,29	-0,42	-0,33	-0,42
Попустительский	-0,23	-0,18	-0,21	-0,19	-0,14	-0,05	-0,26
Заботливый	-0,08	-0,02	-0,17	-0,1	0,02	0,12	-0,11
Гиперопекающий	-0,2	-0,05	-0,1	-0,11	-0,24	-0,16	-0,42

Примечание: здесь и далее полужирным шрифтом выделены показатели, значимые на уровне $p < 0,05$; показатели приватности: СПП — суверенность психологического пространства; СФТ — суверенность физического тела; СТ — суверенность территорий; СВ — суверенность вещей; СП — суверенность привычек; СС — суверенность социальных связей; СЦ — суверенность ценностей.

(0,55). Это говорит о том, что при высоких показателях собственной приватности отца проявляют к своим детям демократическое отношение.

Также были установлены отрицательные корреляционные связи показателей приватности отца с авторитарным отношением к подростку. Авторитарный тип отношения отца к подростку связан с депривированностью суверенности психологического пространства его личности (-0,41), суверенности вещей (-0,29), суверенности привычек (-0,42), суверенности социальных связей (-0,33) и суверенности ценностей (-0,42). То есть отцы склонны проявлять авторитарное отношение к своим детям, если нарушалась их приватность в собственном детстве со стороны родителей, особенно в отношении личных вещей, привычек, ценностей и социальных контактов.

Отрицательная корреляционная связь между гиперопекающим типом отцовского отношения и суверенностью ценностей (-0,42) может свидетельствовать о том, что чем больше родители отца навязывали ему в детстве свои интересы и взгляды, пытались контролировать и менять его ценности, тем больше вероятность того, что в отношении уже своих детей он будет проявлять гиперопеку.

Обобщая результаты связей между приватностью отца и его отношением к подростку, можно сделать вывод о том, что уровень приватности отца обуславливает тип его отношения к подростку. При высоких показателях собственной приватности отцы проявляют к своим детям демократическое отношение. Чем меньше показатели приватности отца, тем в большей степени будут проявляться авторитарный и гиперопекающий типы отношения к ребенку. Отцы склонны проявлять авторитарное отношение к своим детям, если наруша-

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между показателями приватности матери и типом родительского отношения к подростку

Тип родительского отношения	Показатели приватности						
	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Демократический	0,56	0,42	0,12	0,64	0,13	0,28	0,62
Авторитарный	-0,57	-0,22	-0,18	-0,11	-0,08	-0,01	-0,39
Попустительский	-0,06	-0,17	-0,01	-0,13	-0,02	-0,1	-0,02
Заботливый	-0,16	-0,13	-0,16	-0,04	-0,19	0,02	-0,11
Гиперопекающий	-0,53	-0,48	-0,41	-0,13	-0,39	0,16	-0,5

лась их приватность в собственном детстве со стороны родителей, особенно в отношении личных вещей, привычек, ценностей и социальных контактов. Проявление гиперопекающего типа отношения отца связано с депривированностью приватности только в отношении ценностей.

Далее рассмотрим связь типа отношения матери к подростку с ее опытом приватности в собственном детстве. Для этого проведем корреляционный анализ показателей приватности матери с типом отношения к подростку, результаты которого представлены в табл. 2.

При анализе результатов было выявлено, что существуют положительные корреляционные связи показателей приватности матери и демократического типа отношения к ребёнку. Значимые связи имели место между демократическим типом родительского отношения и показателями суверенности в целом (0,56), суверенностью физического тела (0,42), суверенностью вещей (0,64), суверенностью ценностей (0,62). По-видимому, женщина, чья приватность поддерживалась в детстве, будет проявлять демократический стиль отношения к подростку.

Установлены отрицательные связи авторитарного и гиперопекающего отношения матери к своим детям с показателями суверенности ее психологического пространства. Больше всего значимых связей было выявлено между гиперопекающим типом родительского отношения матери и суверенностью психологического пространства в целом (-0,53), с суверенностью физического тела (-0,48), суверенностью территории (-0,41), суверенностью привычек (-0,39) и суверенностью ценностей (-0,5). В собственном детстве матери сталкивались с нарушением личностных границ со стороны родителей в отношении территории, которая переживалась как «своя», физического тела, своих привычек и ценностей, что в настоящем времени проявилось гиперопекой по отношению к собственным детям. Авторитарность по отношению к своим детям подрост-

кового возраста связана также отрицательной связью с суверенностью психологического пространства в целом (-0,57) и суверенностью ценностей (-0,39).

Таким образом, уровень приватности матери обуславливает тип её отношения к подростку. Проявление демократического отношения матери к подростку зависит от поддержки ее приватности в детстве. При депривированности собственной приватности матери проявляют авторитарное и гиперопекающее отношение к своим детям. Причем с гиперопекающим типом поведения матери связано большинство показателей суверенности.

Проведенный анализ показывает, что от опыта приватности отца и матери в их детстве зависит, какой стиль отношения со своими детьми они будут предпочитать. При поддержке их приватности в собственном детстве у них формируется демократический тип отношения к своим детям подросткового возраста, а при депривации суверенности различных пространств — авторитарный или гиперопекающий.

Тип отношения родителей к подростку как фактор его чувства приватности

Далее решалась задача изучения приватности подростка в зависимости от типа отношения к нему родителей. Отношения к подростку со стороны матери и отца могут ограничивать суверенность ребенка или направляться на поддержку его приватности. С помощью корреляционного анализа были выявлены связи типов родительского отношения с параметрами приватности подростков (табл. 3). Рассмотрим значимые связи оценок подростками родительского отношения со стороны отца с приватностью мальчика и девочки.

Было установлено, что на приватность мальчика со стороны отца оказывает влияние только гиперопекающий тип отношения. Была выявлена отрицательная связь гиперопекающего типа отношения с общим показателем приватности, а также с суверенностью территории, суверенностью вещей и суверенностью ценностей. Это означает, что излишняя забота о ребенке, чрезмерный контроль над его жизнью, чрезмерный эмоциональный контакт со стороны отца приводят к ограничению приватности мальчика.

Показатели отношения отца к девочке связаны с приватностью в большей степени. Были выявлены значимые положительные связи параметров приватности девочки с демократическим и заботливым типами отношения отца. Если девочка оценивает отношение к ней отца как демократическое, то это связано с такими параметрами приватности, как общий показатель суверенности, суверенность привычек, суверенность социальных связей. Это говорит о том, что отец с таким типом отношения в целом поддерживает приватность девочки, особенно в области привычек и социальных связей. Если, по мнению девочки, отец проявляет к ней заботу, то ее оценка приватности связана с суверенностью территории и с суверенностью ее социальных связей.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между показателями приватности подростков (мальчиков и девочек) и их оценкой отцовского отношения

Тип родительско-го отношения	Пол подростка	Показатели приватности						
		СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Демократический	Мальчик	-0,10	0,10	0,13	-0,05	-0,09	-0,32	-0,11
	Девочка	0,43	0,28	0,31	0,31	0,42	0,50	0,34
Авторитарный	Мальчик	-0,16	0,13	-0,27	-0,23	0,15	-0,12	-0,17
	Девочка	-0,50	-0,39	-0,37	-0,42	-0,38	-0,44	-0,46
Попустительский	Мальчик	0,04	-0,02	-0,18	0,05	0,19	0,28	-0,10
	Девочка	0	0	0,05	0,01	-0,09	0,10	-0,04
Заботливый	Мальчик	-0,07	0,14	-0,05	0,05	-0,18	0,07	-0,14
	Девочка	0,30	0,14	0,41	0,16	0,15	0,42	0,22
Гиперопекающий	Мальчик	-0,55	0,26	-0,60	-0,52	-0,28	-0,31	-0,55
	Девочка	-0,47	-0,36	-0,3	-0,48	-0,41	-0,28	-0,45

Отрицательная связь между авторитарным типом отношения отца к девочке выявлена с общим показателем ее суверенности, с суверенностью вещей, суверенностью социальных связей и суверенностью ценностей. Это означает, что жесткий контроль над всеми сферами жизни девочки, подчинение и запреты ведут к депривированности ее приватности. Отрицательные связи были установлены и при гиперопекающем типе отношения с такими параметрами приватности девочки, как общий показатель приватности, суверенность вещей, суверенность привычек, суверенность ценностей, которые свидетельствуют о том, что излишняя забота отца также ведет к депривированности приватности дочери. Отец так же, как и при авторитарном типе, не признает право дочери иметь личные вещи, насильственно пытается менять привычный для нее распорядок и настаивает на принятии чуждых ей ценностей.

Итак, было установлено, что излишняя забота о подростке, чрезмерный контроль над его жизнью, чрезмерный эмоциональный контакт со стороны отца приводят к ограничению приватности мальчика, снижению суверенности территории, суверенности вещей и суверенностью ценностей.

Отношение со стороны отца имеет большее значение для девочки. Демократическое отношение отца поддерживает ее приватность в целом, а также суверенность привычек и суверенность социальных связей. Заботливый

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между показателями приватности подростков (мальчиков и девочек) и их оценкой материнского отношения

Тип родительско-го отношения	Пол подростка	Показатели приватности						
		СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Демократический	Мальчик	0,22	0,08	0,26	0,47	0,25	-0,30	0,05
	Девочка	0,35	0,2	0,55	0,32	0,05	0,29	0,21
Авторитарный	Мальчик	-0,31	-0,28	-0,36	-0,22	-0,13	-0,27	-0,26
	Девочка	-0,59	-0,48	-0,46	-0,49	-0,48	-0,29	-0,44
Попустительский	Мальчик	-0,19	-0,22	-0,28	-0,08	-0,14	-0,41	0,04
	Девочка	0	-0,03	0,17	-0,02	-0,15	0,23	-0,06
Заботливый	Мальчик	-0,1	-0,2	-0,03	-0,28	-0,03	0,49	-0,07
	Девочка	-0,08	-0,01	0,05	-0,09	-0,01	-0,13	-0,19
Гиперопекающий	Мальчик	-0,47	-0,34	-0,49	-0,42	-0,35	-0,31	-0,25
	Девочка	-0,50	-0,41	-0,27	-0,36	-0,31	-0,19	-0,61

тип отношения отца к дочери связан с признанием суверенности ее территории и социальных связей. Противоположное влияние оказывают авторитарный и гиперопекающий типы отношения отца: он не признает право дочери иметь личные вещи, насильно пытается менять привычный для дочери распорядок и настаивает на принятии чуждых ей ценностей.

Далее рассмотрим связь приватности подростков (мальчиков и девочек) с оценкой ими материнского отношения (табл. 4).

Были установлены положительные значимые связи приватности мальчика с демократическим и заботливым типом отношения к нему матери. Если подросток оценивает отношение матери как демократическое, то это связано с суверенностью вещей. Заботливый тип со стороны матери положительно связан с суверенностью социальных связей подростка, т.е. мать дает право ребенку иметь друзей и знакомых, которых она может и не одобрять.

Отрицательная связь отношения матери с приватностью мальчика была выявлена при попустительском типе отношения с суверенностью социальных связей. Это означает, что мать не уделяет достаточного внимания сыну в остальных сферах его жизни, но пытается проявить вмешательство в его социальную жизнь, ограничивая его. При гиперопекающем типе отношения матери отрицательные связи были отмечены с общим показателем приватности, с суверенно-

стью территории и суверенностью вещей подростка. Это говорит о том, что излишняя забота и контроль матери ведут к подавлению приватности сына.

При изучении связи приватности девочки с оценкой ею материнского отношения была установлена одна положительная связь демократического типа отношения с суверенностью территории. Выявлены отрицательные связи показателей приватности девочки с авторитарным и гиперопекающим типами материнского отношения к ней. Авторитарное отношение матери к дочери ведёт к подавлению практически всех параметров приватности девочки. Если дочь оценивает тип отношения матери как гиперопекающий, то это отрицательно связано с такими параметрами приватности, как общий показатель приватности, суверенность физического тела, суверенность ценностей. В отношениях матери с дочерью излишняя забота влечет за собой подавление приватности, которая больше всего проявляется в несоблюдении территориальных границ и в неуважении ценностей, важных для дочери.

В результате проведенного исследования были изучены связи приватности родителей с их отношением к детям и установлена зависимость уровня приватности подростков разного пола от отношения к ним родителей.

Обобщая результаты изучения связей приватности родителей с их отношением к подростку, можно сделать вывод о том, что уровень их приватности обуславливает характер отношения к подростку. При высоких показателях собственной приватности родители проявляют к своим детям демократическое отношение. При собственной депривированности приватности в детстве родители склонны проявлять авторитарный и гиперопекающий типы отношения к своим детям. Отличие между родителями состоит в том, что у отца при подавлении его приватности в детстве чаще будет проявляться авторитарное отношение к подростку, а у матери от депривированности ее психологического пространства в большей степени зависит гиперопекающий тип отношения к подростку.

Зависимость уровня приватности подростков разного пола от отношения к ним родителей заключается в следующем. Если подростки оценивают тип отношения родителей как демократический или заботливый, то это поддерживает их приватность. Только для девочки более важны эти типы отношения со стороны отца, а для мальчика — со стороны матери. Депривированность приватности как для мальчиков, так и для девочек связана с гиперопекающим типом родительского отношения. У мальчика депривированность приватности попустиительский тип отношения матери, а у девочки — авторитарный со стороны отца и матери.

Библиографический список

1. Бурмистрова, А. В. (2004). *Личностные особенности средового поведения направленного на регуляцию границ бытийного пространства*. (Дис. ... канд. психол. наук). Краснодар.

2. Бурмистрова-Савенкова, А. В. (2006). *Личность и среда: регуляция границ бытийного пространства*. Краснодар: КубГУ.
3. Казанская, В. Г. (2008). *Подросток. Трудности взросления*. Санкт-Петербург: Питер.
4. Карабанова, О. А. (2006). *Психология семейных отношений и основы семейного консультирования*. Москва: Гардарики.
5. Ктениду, М. Д. (2008). Потребность личности в приватности в различные возрастные периоды и влияние на нее окружающей среды. В *Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя (Психология): Матер. всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1.* (с. 53–55). Краснодар: КубГУ.
6. Нартова-Бочавер, С. К. (2001). Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе. В Л. В. Поздняк (ред.) *Стратегия дошкольного образования в XXI веке: проблемы и перспективы: Матер. науч.-практ. конф.* (с. 280–314). Москва: МПГУ.
7. Нартова-Бочавер, С. К. (2003). Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение. *Психологический журнал*, 24 (6), 27–36.
8. Нартова-Бочавер, С. К. (2004). Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности. *Психологический журнал*, 25 (5), 77–89.
9. Нартова-Бочавер, С. К. (2005). *Психологическая суверенность личности: генезис и проявления*. (Дис. ... док. психол. наук). Москва.
10. Нартова-Бочавер, С. К. (2008). *Человек суверенный*. Санкт-Петербург: Питер.
11. Райгородский, Д. Я. (ред.). (2002). *Подросток и семья*. Самара: БАХРАХ.
12. Райс, Ф. (2000). *Психология подросткового и юношеского возраста*. Санкт-Петербург: Питер.
13. Рябикина, З. И. (2005). Личность как субъект формирования бытийных пространств. В В. В. Знаков (ред.) *Субъект, личность и психология человеческого бытия* (с. 45–57). Москва: Институт психологии РАН.
14. Тиводар, А. Р. (2008). *Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях*. (Дис. ... док. психол. наук). Краснодар.
15. Хозяинова, Т. К. (2006б). *Деадаптации личности в подростковом возрасте, их диагностика и связь с тактикой воспитания в семье*. Краснодар: КубГУ.
16. Хозяинова, Т. К. (2006а). *Отношение матери к ребенку: личностный аспект*. Краснодар: КубГУ.
17. Altman, I. (1975). *Environmental and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territoriality and Crowding*. Monterey, CA: Brooks/Cole.
18. Caughlin, J. P. & Petronio S. (2004). *Privacy in families. Handbook of family communication*. Mahwah, NJ: Erlbaum
19. Demirbas, O. O. & Demirkan, H. (2000). Privacy dimensions: a case study in the interior architecture design studio. *Journal of environmental psychology*, 20, 53–64.
20. Gritzalis, S., Karyda, M., Park, H. J., & Kokolakis, S. (2009). Privacy and fair information practices in ubiquitous environments. *Research Challenges and Future Directions, Internet Research*, 19 (2), 194–208.
21. Kaya, N. & Weber, M. J. (2003). Cross-cultural differences in the perception of crowding and privacy regulation: American and Turkish students. *Journal of Environmental Psychology*, 23, 301–309.

22. Margulis, S. T. (2003). On the status and contribution of Westin's and Altman's Theories of Privacy. *Journal of Social Issues*, 59 (2), 411–429.
23. Margulis, S. T. (2005). Privacy and psychology. Normative, psychological and social perspectives. *Journal of environmental psychology*, 28, 232–249.
24. Petronio, S. & Durham, W. T. (2008). Communication privacy management theory: Significance for interpersonal communication. In L. A. Baxter & D. O. Braithwaite (Eds.) *Engaging Theories in interpersonal communication: Multiple perspectives* (pp. 309–322). Thousand Oaks, CA: Sage.
25. Petronio, S. (2004). Road to developing communication privacy management theory: Narrative in progress, please stand by. *Journal of Family Communication*, 4, 193–207.
26. Petronio, S. (2007). Translational Research Endeavors and the Practices of Communication Privacy Management. *Journal of Applied Communication Research*, 35, 218–222.
27. Τσίτσας, Γ. & Αντωνοπούλου, Αικ. (2010). *Ερωτηματολόγιο γονεϊκού δεσμού. Τα Ψυχομετρικά Εργαλεία στην Ελλάδα*. Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα.

Статья поступила в редакцию 24.01.2014

.....

ASPECTS OF PRIVACY AGAINST PARENTS WITH TEENAGERS

O. V. Bondareva, M. D. Ktenidou, T. K. Khozainova

Khozainova Tatiana Constantinovna — Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of the Department of Personality and General Psychology of the Kuban State University. E-mail: hozjainova@mail.ru;

Bondareva Olesya Vyacheslavovna — Candidate of Psychological Sciences, Lecturer of the Department of Social Psychology and Management Sociology of the Kuban State University. E-mail: consequence@rambler.ru;

Ktenidou Maria Dimitrios — Candidate of Psychological Science, Independent Researcher, Rishon LeZion, Israel. E-mail: ktenidoumaria@hotmail.com.

The article specifies the concept of private personal space, interpreted by the authors as the space, within which subjectness of personality is embodied, and with which therefore the personality feels the greatest unity. It presents empirical research results, concerning some aspects of privacy, which characterize relationships within a family with an adolescent age child. The study was undertaken through the methods of questionnaires: «Sovereignty of psychological space» by S.K. Nartova-Bochaver, the questionnaire by G. Tsistas, E. Maridaki-Kasotaki, E. Antonopoulou, offered to parents to identify parenting styles, and its modification, prepared for children, for they could assess their parents' attitude to them. The study involved 51 full families (26 boys, 25 girls within the age from 12 to 14 years and their parents aged from 32 to 45). The work examines parenting styles in correlation to the privacy level of a mother and a father in their own childhood and the privacy level of teenagers, depending on the attitude of their parents to them.

It was found that parents with high level of their own privacy display democratic parenting style with their children. The parents, having experience of deprived privacy, tend to show authoritarian and overprotective styles. It was revealed that democratic or protective parenting styles support the privacy of adolescents. Privacy deprivation of teenagers is associated with overprotective, uninvolved and authoritarian styles. Following the results of the performed analysis of these correlations, regarding the gender of a child and parents, it was discovered

that privacy deprivation of boys is linked with the uninvolved parenting style of mothers, and privacy deprivation of girls, with authoritarian style of both parents.

Key words: privacy, sovereignty, psychological space of personality, parenting styles, deprivation.

References

1. Altman, I. (1975). *Environmental and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territoriality and Crowding*. Monterey, CA: Brooks/Cole.
2. Burmistrova-Savenkova, A. V. (2006). *Lichnost' i sreda: reguljacija granic bytijnogo prostranstva* [Personality and environment: regulation of borders of existential space]. Krasnodar: Kuban State University.
3. Burmistrova, A. V. (2004). *Lichnostnye osobennosti sredovogo povedenija napravlenno na reguljaciju granic bytijnogo prostranstva* [Personal characteristics of environmental behaviour, aimed at regulating the boundaries of existential space]. (Dissertation, Cand. Psychological Sc.). Krasnodar.
4. Caughlin, J. P. & Petronio S. (2004). *Privacy in families. Handbook of family communication*. Mahwah, NJ: Erlbaum
5. Demirbas, O. O. & Demirkan, H. (2000). Privacy dimensions: a case study in the interior architecture design studio. *Journal of environmental psychology*, 20, 53–64.
6. Gritzalis, S., Karyda, M., Park, H. J., & Kokolakis, S. (2009). Privacy and fair information practices in ubiquitous environments. *Research Challenges and Future Directions, Internet Research*, 19 (2), 194–208.
7. Karabanova O. A. (2006). *Psihologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovanija* [Psychology of family relationships and family coaching basis]. Moscow: Gardariki.
8. Kaya, N. & Weber, M. J. (2003). Cross-cultural differences in the perception of crowding and privacy regulation: American and Turkish students. *Journal of Environmental Psychology*, 23, 301–309.
9. Kazanskaya, V. G. (2008). *Podrostok. Trudnosti vzroslenija* [Teenager. Difficulties of growing up]. St. Petersburg: Piter.
10. Khozyainova, T. K. (2006a). *Otnoshenie materi k rebenku: lichnostnyj aspekt* [Mother's attitude to a child: a personal aspect]. Krasnodar: Kuban State University.
11. Khozyainova, T. K. (2006b). *Dezadaptacii lichnosti v podrostkovom vozraste, ih diagnostika i svjaz' s taktikoj vospitanija v sem'e* [Personality maladjustments in adolescence, their diagnostics and correlation with the tactics of rearing in family]. Krasnodar: Kuban State University.
12. Ktenidou, M. D. (2008). Potrebnost' lichnosti v privatnosti v razlichnye vozrastnye periody i vlijanie na nee okruzhajushhej sredy [Personal need of privacy at different age and influence of the environment on it]. In *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie: vzgljad mladogo issledovatelja (Psihologija): Mater. vseros. nauch.-prakt. konf. Ch. 1.* [Human. Community. Management: young researcher view (Psychology): Materials of Scientific-practical conference. Part 1.] (pp. 53–55). Krasnodar: Kuban State University.
13. Margulis, S. T. (2003). On the status and contribution of Westin's and Altman's Theories of Privacy. *Journal of Social Issues*, 59 (2), 411–429.

14. Margulis, S. T. (2005). Privacy and psychology. Normative, psychological and social perspectives. *Journal of environmental psychology*, 28, 232–249.
15. Nartova-Bochaver, S. K. (2001). Razvitie zhiznennogo prostranstva rebenka v ontogeneze [Development of child's living space in the ontogeny]. In L. V. Pozdnyak (Ed.) *Strategija doskol'nogo obrazovanija v XXI veke: problemy i perspektivy: Mater. nauch.-prakt. konf.* [Strategy of preschool education in the XXI Century: Problems and perspectives: Materials of Scientific-practical conference] (pp. 280–314). Moscow: Moscow State Pedagogical University.
16. Nartova-Bochaver, S. K. (2003). Ponjatie «psihologicheskoe prostranstvo lichnosti»: obosnovanie i prikladnoe znachenie [Concept “psychological space of personality”: rationale and practical value]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 24 (6), 27–36.
17. Nartova-Bochaver, S. K. (2004). Oprosnik «Suverennost' psihologicheskogo prostranstva» – novyj metod diagnostiki lichnosti [Questionnaire “Sovereignty of psychological space” – a new method of diagnosing personality]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 25 (5), 27–36.
18. Nartova-Bochaver, S. K. (2005). *Psihologicheskaja suverennost' lichnosti: genezis i projavlenija* [Psychological sovereignty of an individual: the genesis and manifestations]. (Doctoral dissertation). Moscow.
19. Nartova-Bochaver, S. K. (2008). *Chelovek suverennyj* [Sovereign person]. St. Petersburg: Piter.
20. Petronio, S. & Durham, W. T. (2008). Communication privacy management theory: Significance for interpersonal communication. In L. A. Baxter & D. O. Braithwaite (Eds.) *Engaging Theories in interpersonal communication: Multiple perspectives* (pp. 309–322). Thousand Oaks, CA: Sage.
21. Petronio, S. (2004). Road to developing communication privacy management theory: Narrative in progress, please stand by. *Journal of Family Communication*, 4, 193–207.
22. Petronio, S. (2007). Translational Research Endeavors and the Practices of Communication Privacy Management. *Journal of Applied Communication Research*, 35, 218–222.
23. Raygorodskiy, D. Ya. (Ed.). (2002). *Podrostok i sem'ja* [Teenager and family]. Samara: BAHRAH.
24. Rice, F. (2000). *Psihologija podrostkovogo i junosheskogo vozrasta* [The Adolescent: Development, Relationships, and Culture]. St. Petersburg: Piter.
25. Ryabikina, Z. I. (2005). Lichnost' kak subject formirovaniya bytijnyh prostranstv [Personality as the subject of existential spaces formation]. In V. V. Znakov (Ed.). *Subject, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija* [Subject, personality and psychology of the human being] (pp. 45–57). Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences.
26. Tivodar, A. R. (2008). *Lichnost' kak subject so-bytija v brachnyh otnoshenijah* [Personality as the subject of co-existence in marriage]. (Doctoral dissertation). Krasnodar.
27. Τσίτσας, Γ. & Αντωνοπούλου, Αικ. (2010). *Ερωτηματολόγιο γονεϊκού δεσμού. Τα Ψυχομετρικά Εργαλεία στην Ελλάδα* [Parental bonding instrument. Psychometric tools in Greece]. Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα.

СУБЪЕКТНЫЕ ФАКТОРЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

.....

Е. А. Сергиенко¹

В статье рассматривается проблема самоопределения молодежи и анализируются пути ее изучения. Предлагается на основе системно-субъектного подхода обратиться к анализу субъективного восприятия мира и себя в нем в соотношении с психологическим благополучием. Новизна подхода определяется обращением к субъективному миру молодого человека, рассмотрением личностных и субъектных функций процесса самоопределения, анализом внутреннего мира молодежи именно в период самоопределения (выбора дальнейшего жизненного пути и профессии после завершения образования). Приводится экспериментальный опыт такого анализа. Опрошены 235 жителей Москвы и Московской области, находящиеся в процессе самоопределения в профессиональной и личной жизни. Возраст участников исследования 21-30 лет. Использовались следующие методики: анкета, направленная на изучение социально-экономического статуса респондентов; шкала психологического благополучия (ШПБ) К. Риф в модификации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко; авторская проективная методика «Отношение к миру», направленная на изучение внутренней картины мира субъекта (Г. Н. Эйдельман); Личностный дифференциал, разработанный на основе Семантического дифференциала (Е. Ф. Бажин, Л. М. Эткинд); методика «Молодой возраст» (авторская модификация Г. Н. Эйдельман), построенная на основе метода «Незаконченных предложений», разработанного Д. М. Саксом. Установлено, что на этапе самоопределения в жизни 62,5% молодежи находится в состоянии полной или частичной неудовлетворенности жизнью. Показано, что субъективное восприятие мира и себя в нем тесно взаимосвязано с психологическим благополучием молодых людей 20-30 лет, нарастание психологического неблагополучия сопряжено с ростом пессимистичного взгляда на мир и отторжении себя от мира по мере нарастания неудовлетворенности своей жизнью. Степень психологического благополучия (полное, частичное, низкое) связана со специфическим паттерном субъективного восприятия мира.

Ключевые слова: самоопределение, молодые люди, субъективное восприятие мира, стабильность, эмоциональная оценка, включенность в мир, психологическое благополучие

¹ Сергиенко Елена Алексеевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития Института психологии Российской академии наук. Эл. почта: Elenas13@mail.ru.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 14-06-00206а "Субъективное восприятие себя, мира при разном психологическом благополучии в период жизненного самоопределения современной молодежи".

В последнее время проблемам молодого возраста наука уделяет все больше внимания. Молодых людей изучают как политическую силу, как основных потребителей, как трудовой потенциал, как группу риска.

Поливариативность социально-экономической и культурной жизни трансформирующегося российского общества формирует специфическую среду предложений, в том числе и на рынке труда. Атмосфера одновременного сосуществования множественности возможностей и их недоступности еще более усложняется тем, что отсутствует явный социальный образец, поддержанный государственными идеологическими императивами, такими как идея неприкосновенности частной собственности, высокий престиж людей науки и образования, толерантность, национальное достоинство, уважение к личности и др. Эту атмосферу можно назвать «постоянством неопределенности». Вместе с тем следует заметить, что в последнее десятилетие появился ряд работ, в которых проблемы молодёжи рассматриваются исходя из основных выполняемых молодёжью функций: учёбы, работы, семьи и др.

Изучение самоопределения молодежи

Вопросы самоопределения молодежи представлены работами известных социологов, демографов, философов. В отечественной литературе выделяются, прежде всего, работы, в которых рассматриваются: вопросы методологии изучения молодежи (В. Н. Боряз, И. С. Кон, Ф. И. Минюшева, Н. А. Чистякова, Ф. Р. Филиппов и др.); характеристики молодежи (социальные, психофизиологические); проблемы ее внутренней дифференциации (С. В. Алещенок, П. И. Бабочкин, И. В. Бестужев-Лада, И. С. Болотин, Г. С. Ентелис, Ю. А. Зубок, С. Н. Иконникова, И. С. Кон, В. Т. Лисовский, С. Г. Спасибенко, В. Т. Шапко и др.); социальные проблемы молодежи, обусловленные рыночными отношениями, и организация социальной защиты различных категорий молодежи (В. А. Богданов, Т. Ф. Горбей, Б. Ф. Кваша, В. Т. Лисовский, В. П. Мощняга, Т. В. Пелевин, Н. Э. Петрова, А. В. Ромашов, П. Савченко, М. Федоров и др.); профессиональное самоопределение молодежи (А. И. Бардакова, А. Н. Буров, Е. А. Климов, Е. И. Конаныхина, Н. И. Корниец, В. Я. Рушанин, В. П. Щербакова, Н. С. Пряжников, В. А. Бодров и др.).

В данной социально неопределенной ситуации период завершения профессионального образования становится критическим для молодых людей, их дальнейшей социализации, психологического благополучия и профессиональной эффективности. Однако именно этот период в развитии человека изучен менее всего. Большинство исследований направлено на изучение или подростков, или студенческой молодежи.

В психологии активно исследуются ценностные ориентации и социальные установки в юношеском и молодом возрасте [Мартынова, 2002; Баева, 2005; Запесоцкий, 2006]. К молодости проявляют интерес как периоду становления

профессионализма (например, [Пряжников, 1999]; [Бодров, 2007]). Проблемы профессиональной ориентации в подростковом и юношеском возрасте получили наиболее широкую и интенсивную разработку в психологии.

Проблема самоопределения разрабатывалась еще в трудах С. Л. Рубинштейна. Его идеи стали методологическими основами психологического подхода к проблеме самоопределения. Проблема самоопределения рассматривалась им в контексте проблемы детерминации, в свете выдвинутого им принципа — внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия [Рубинштейн, 1973]. Более того, сама «специфика человеческого существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения Другим (условиями, обстоятельствами), в характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания и действия» [Рубинштейн, 1973, с. 260]. Анализируя взгляды С. Л. Рубинштейна и различные подходы к самоопределению, М. С. Гинсбург [1988] заключает, что проблема самоопределения становится узловой проблемой взаимодействия индивида и общества.

Попытка построения общего подхода к самоопределению личности в обществе была предпринята В. Ф. Сафиним и Г. П. Никовым [1984]. Они исходят из характеристики самоопределившейся личности, которая для них синонимична социально созревшей личности. Наиболее существенными характеристиками самоопределившейся личности выступают осознанность своих субъективных качеств и общественных требований и нахождение некоторого баланса между ними. Выделяемые авторами этапы самоопределения фактически представляют собой общепринятые в настоящее время этапы возрастной периодизации, выделяемые на основе смены ведущей деятельности. Раскрывая «факторы и условия» самоопределения и его частные формы, авторы подменяют психологическое содержание и психологические критерии социологическими. Это те социальные инициации, которые становятся критериями в социологических исследованиях: окончание школы, получение паспорта, избирательное право, возможность вступления в брак. Следовательно, формы самоопределения, а именно ролевое, социальное самоопределение и самоопределение в семейно-бытовой сфере, фактически означают внешние формы самоопределения и социализации [Сафин, 1986].

В возрастном аспекте проблема самоопределения наиболее глубоко и полно была рассмотрена Л. И. Божович [1979]. Характеризуя социальную ситуацию развития старших школьников, она считает выбор дальнейшего жизненного пути, самоопределение аффективным центром их жизненной ситуации. Она указывает, что потребность найти свое место в общем потоке жизни становится ведущим для юношества. По Л. И. Божович, потребность в самоопределении состоит в потребности объединить в единую смысловую систему представления о мире и о себе, следовательно, найти смысл своего существования.

Для нашей работы чрезвычайно важны два момента: аффективность данного процесса и интеграция образа мира и себя в нем для процесса самоопределения. В старшем школьном возрасте этот процесс только начинается в поисках профессиональной ориентации, а по завершении профессионального образования становится ключевым для самоопределения. Это связано не только с профессиональным самоопределением, но и с более глобальным поиском собственного места в мире, системой личностного самоопределения, способностью и необходимостью смыслового будущего, с планом его реализации.

В исследовании Н.И. Трубниковой [Трубникова, 2007], изучавшей жизненное самоопределение студентов колледжа (выборка составляла 25 чел.), было показано, что только треть учащихся характеризуются высоким уровнем самоопределения. Для них характерны: четкая структура ценностных ориентаций, т.е. человек четко знает, что для него в жизни главное, а что второстепенное; высокая осмысленность жизни, того, для чего он живет и к чему стремится; четкая временная перспектива, ближние и дальние цели и планы на будущее. Высокий уровень жизненного самоопределения главным образом характеризуется четким и ясным образом будущего, а желания в основном удовлетворены.

Исходя из наших представлений, для нас важны исследования роли образа мира в процессе самоопределения и психологического благополучия как показателя успешной адаптации человека в социальном обществе. В работах Ф.Е. Василюка, М.Ш. Магомед-Эминова, Н.Г. Осуховой, А.С. Обухова, В.В. Петухова, В.И. Слободчикова, С.Д. Смирнова и других убедительно показано, что образ мира является основой успешной адаптации и адекватного взаимодействия человека с миром. М.А. Одинцова [2011], изучая образ мира подростков из полных и неполных семей, обнаружила, что у подавляющего числа подростков из неполных семей образ мира в основном серый либо черно-белый, рисунки без «размаха», очень простые и стандартные, сопровождаются негативными эмоциями. У подростков как из полных, так и неполных семей (16 и 21% соответственно) преобладают материальные ценности (дорогие автомобили, компьютеры, мобильники, дорогая одежда) в изображении образа мира, что дает им ощущение счастья, радости (сопровождается соответствующими надписями: «кайф», «весело и интересно», «свобода», «можно все пробовать и все делать» и т.п.).

Выраженность удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью изучалась как показатель смысловитенного кризиса К.В. Карпинским [2013]. Степень удовлетворенности жизнью обусловлена тем, насколько личность преуспела в осуществлении ведущих ценностей, мотивов и целей, насколько за счет своих усилий и достижений смогла продвинуться в направлении желаемого будущего. При сравнении студенческой молодежи Белоруссии и Польши он заключил, что самым сильнодействующим фактором кризиса и для белорусов, и для поляков является неудовлетворенность жизнью. Глубина кризисного состояния зависит

от выраженности конфликтов между смысложизненными ценностями личности. Кризисы конфликтного смысла жизни порождаются сочетанным воздействием эндогенных (личностных) и экзогенных (ситуационных) факторов.

Таким образом, краткий обзор современного состояния проблемы свидетельствует об отсутствии исследования молодых людей, стоящих перед проблемой жизненного самоопределения после профессионального образования. Кроме того, работ, анализирующих аффективное отношение молодых людей к себе и миру как целостному ресурсу субъектного выбора, также не обнаружено. Молодой возраст привлекает внимание психологов только как начальный этап формирования зрелости и дальнейшего, важнейшего этапа в развитии субъектности [Журавлев, Сергиенко, 2007].

Наше исследование направлено на восполнение именно этого пробела в психологии молодого возраста, на понимание значения отношения к себе молодого человека и происходящему вовне, выявление причины и сути субъективных переживаний личности, изучение его внутренних субъектных ресурсов и механизмов формирования его субъектности.

Изучение субъектных факторов самоопределения молодежи

В период окончания профессионального обучения (вуза, колледжа) возрастает необходимость самоопределения личности, когда будущее приобретает осязаемые черты. Расширение социального пространства жизнедеятельности, необходимость адаптироваться к изменениям внешних условий, поиск и выбор путей построения собственной жизни, определение перспектив дальнейшей жизни — все это создает стрессовую ситуацию напряжения, энергетических затрат и возможного разочарования [Трубникова, 2009].

В настоящее время ситуация самоопределения в мире для молодых людей осложнена трудностями социального и экономического переустройства общества, в связи с чем особую остроту сегодня приобретает изучение такого психического состояния, как психологическое неблагополучие молодежи, которое отражает степень неудовлетворенности человека собственной жизнью. При сохранении данного состояния в течение длительного времени неизбежны переоценка себя, пересмотр отношения к людям и различным сферам жизни, изменение субъективной картины мира. Несмотря на то что исследований в области удовлетворенности жизнью в последнее время становится все больше, они главным образом затрагивают социальные факторы появления психологического благополучия [Хашченко, 2012; Емельянова, 2006]. Работ, посвященных изучению внутренней картины мира современного молодого человека, недостаточно, чтобы понять его отношение к себе и происходящему вовне, выявить причины и суть субъективных переживаний личности, найти ресурсы для личностного развития, определить механизмы формирования его субъектности. Обращение к субъективному миру молодых людей позволяет анали-

зировать внутренние основы принятия выборов жизненного пути, что в рамках разрабатываемого системно-субъектного подхода, соотношения функций субъекта и личности позволяет обратиться к психологическим механизмам самоопределения [Сергиенко, 2011, 2013].

В рамках поставленной проблемы под руководством автора проводится исследование Г. Н. Эйдельман, направленное на изучение особенностей субъективной картины мира при разных уровнях психологического благополучия в молодом возрасте в период выбора жизненного пути после окончания профессиональной подготовки.

Субъективная картина мира в данном исследовании складывается из отношения субъекта к миру в целом, субъективной удовлетворенности своей жизнью, отношения к себе и своему потенциалу, отношения к своему возрасту, оценки своей включенности во внешний мир.

В исследовании принимают участие жители Москвы и Московской области, находящиеся в процессе самоопределения в профессиональной и личной жизни. Возраст участников исследования — 21-30 лет. Средний возраст респондентов — 23,5 + 3 года. Общий объем выборки — 235 чел., из них 114 мужчин и 121 женщина. В число участников исследования входят работающие (постоянно или временно) и неработающие, имеющие свою семью или неженатые (большинство — свободные), проживающие с родителями и отдельно. Уровень образования различен (от общего среднего до высшего). Отбор участников исследования проводился по двум основным критериям: возраст от 20 до 30 лет и наличие ситуации самоопределения в жизни.

Использовалось несколько методик.

1. Анкета, направленная на изучение социально-экономического статуса респондентов (пол, образование, семейное положение, наличие детей, наличие работы, стаж работы, соответствие полученной специальности, уровень дохода, совместное/раздельное проживание с родителями, наличие друзей, наличие любимого) [Эйдельман, 2013].

2. Шкала психологического благополучия (ШПБ) К. Риф в модификации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко для выявления уровня и структуры психологического благополучия [Шевеленкова, Фесенко, 2005]. Методика представляет собой опросник из 84 утверждений, каждое из которых оценивается респондентом по 6-балльной шкале: 1 — абсолютно не согласен; 2 — не согласен; 3 — скорее не согласен; 4 — скорее согласен; 5 — согласен; 6 — абсолютно согласен. Результаты обрабатываются с помощью ключа и соотносятся со следующими субшкалами:

- «Позитивные отношения с другими» (отражает степень удовлетворенности отношениями в социуме);

- «Автономия» (выявляет степень независимости человека от социального давления);
- «Управление окружающей средой» (показывает степень собственной силы/бессилия в удовлетворении потребностей, достижении желаемого);
- «Личностный рост» (отражает степень реализации своего потенциала и уровень удовлетворенности в области самореализации);
- «Цель в жизни» (выявляет наличие целей в жизни и степень осмысленности);
- «Самопринятие» (показывает отношение к себе, своим качествам и к своему опыту).

3. Авторская проективная методика «Отношение к миру» направлена на изучение внутренней картины мира субъекта [Эйдельман, 2013]. Построенная на основе метода Семантического дифференциала, она содержит 20 самостоятельных субшкал, описывающих мир и сгруппированных в следующие шкалы:

- «Оценка мира», 7 пар (выявляет эмоциональную окраску понятия «мир» у конкретного индивида);
- «Включенность в мир», 7 пар (показывает субъективное соотношение себя с миром, степень включенности/отстраненности от мира);
- «Стабильность мира», 6 пар (отражает субъективное мнение индивида о мире, как о стабильном или изменчивом).

Отбор ассоциативных пар (субшкал) и составление теста ведется на основании анализа ассоциаций, продуцированных молодыми людьми по теме «Мир». По каждой субшкале определяется степень выраженности предпочтения (от -3 до 3 баллов). Анализ полученных данных проводится как по каждой из 20 субшкал в отдельности, так и по сгруппированным шкалам в целом. При обработке и анализе результатов учитывается, как содержательная сторона ответов, так и частота тех или иных выборов.

4. Личностный дифференциал, разработанный на основе Семантического дифференциала в Институте им. В. М. Бехтерева, для оценки себя как личности [Бажин, Эткин, 1983], представляет собой набор из 21 пары противоположных черт личности. Содержит следующие шкалы: 1) Оценка (отношение к самому себе); 2) Сила; 3) Активность.

5. Методика «Молодой возраст» (авторская модификация Г. Н. Эйдельман), построенная на основе метода «Незаконченные предложения», разработанного Дж. М. Саксом. В русскоязычной версии апробирована Г. Г. Румянцевым [Румянцев, 1965]. Методика позволяет выявить отношение к своему возрасту, содержит следующие шкалы: 1) Отношение к своему возрасту; 2) Проблемы возраста; 3) Преимущества возраста; 4) Достижения возраста; 5) Отношение к

будущему; 6) Соотнесение себя с возрастом; 7) Нереализованные возможности. К каждой из шкал относится 4 незаконченных предложения. Респонденту предлагается продолжить 28 незаконченных предложений одним или несколькими словами. Оценка и интерпретация результатов проводится с помощью контент-анализа по каждой шкале в отдельности. Степень позитивного/негативного отношения к тому или иному аспекту возраста определяется через следующую систему оценок: 0 — неопределенный ответ (нейтральные высказывания); 1 — положительная реакция, позитивная ассоциация; 2 — небольшое недовольство в обозначенной теме; 3 — серьезное недовольство в обозначенной теме.

В процессе исследования среди молодых людей в возрасте 20-30 лет, проживающих в Москве и Подмоскowie, низкие показатели по шкале психологического благополучия выявлены у 23,8% (56 из 235 чел.) респондентов, что расценивается как состояние психологического неблагополучия. У 38,7% (91 из 235 чел.) отмечается снижение показателей по одной или двум шкалам, что не ведет к существенному снижению общего индекса благополучия, но обозначает проблемную сферу жизни человека. Это рассматривается как частичное неблагополучие. Полное психологическое благополучие (нет снижения показателей ни по одной из субшкал) фиксируется только у 37,4% (88 из 235 чел) респондентов. Таким образом, 62,5% (147 из 235 чел.) молодежи на этапе самоопределения в жизни находятся в состоянии полной или частичной неудовлетворенности жизнью, что заслуживает пристального внимания со стороны психологов.

Анализ структуры психологического благополучия показал, что в молодом возрасте в период самоопределения наиболее неудовлетворенной областью жизни являются отношения с другими людьми. Приблизительно в равной степени неудовлетворенности находятся области целеполагания и осознанности, самопринятия, самореализации и управления средой. В меньшей степени неудовлетворенность выражена в области автономии, что, по-видимому, связано с чувством достаточной независимости молодых людей.

Полученные результаты соответствуют данным, полученным в исследованиях Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко [Шевеленкова, Фесенко, 2005]. Незначительные расхождения могут быть связаны с большим возрастным разбросом в их исследовании (18-35 лет) и отсутствии фиксации на ситуации самоопределения в жизни.

В процессе обработки результатов по шкале психологического благополучия вся выборка была поделена на три подгруппы: 1-я подгруппа — 88 молодых людей с нормальным уровнем психологического благополучия (39 мужчин, 49 женщин); 2-я подгруппа — 91 чел. с частичным благополучием (есть снижение показателей по одной или двум сферам удовлетворенности жизнью) (44 мужчины, 47 женщин); 3-я подгруппа — 56 чел. с низким уровнем психологического благополучия (31 мужчина, 25 женщин).

Был проведен сравнительный анализ социально-экономических характеристик молодых людей при разных уровнях психологического благополучия с использованием непараметрического критерия Манна — Уитни для независимых выборок программа AMOS (приложение SPSS 21).

Изучение социально-экономического статуса респондентов относительно уровня психологического благополучия выявило значимые различия между группами с нормальным уровнем психологического благополучия и низким уровнем психологического благополучия по следующим параметрам: уровень дохода ($p = 0,01$), наличие/отсутствие друзей ($p = 0,05$), наличие/отсутствие любимого человека ($p = 0,05$). У молодых людей, удовлетворенных жизнью, фиксируется более высокий доход, большее число друзей, наличие любимого человека. Также на уровне значимости $p = 0,034$ оказался факт более частого использования псевдонима или ника молодыми людьми с низким уровнем психологического благополучия, что может говорить о большей скрытности и стремлению к защите.

Такие показатели, как наличие работы, стаж работы, семейное положение и наличие детей, образование, соответствие специальности, финансовая и жилищная независимость, не обнаружили значимых различий при разных уровнях психологического благополучия.

Полученные результаты подтверждают выводы В.А. Хащенко о том, что доход служит одним из факторов удовлетворенности жизнью [Хащенко, 2012].

Исходя из предположения о различиях в субъективной картине мира у людей с разной степенью удовлетворенности жизнью, мы исследовали отношение молодых людей к внешнему миру с позиции эмоциональной оценки, оценки собственной включенности в мир, оценки стабильности мира. Для этой цели использовалась проективная методика «Отношение к миру», представляющая собой набор из 20 субшкал и разработанная с целью снижения эффекта социальной желательности и вероятности получения формальных ответов, которые характерны для молодежи больших городов, знакомых с достижениями психологии [Эйдельман, 2013]. Субшкалы условно сгруппированы в три основные шкалы: «Оценка мира» — 7 пар; «Включенность в мир» — 7 пар; «Стабильность мира» — 6 пар.

Сравнительный анализ проводился попарно между группами с высокой и низкой удовлетворенностью жизнью, высокой и частичной удовлетворенностью жизнью и низкой и частичной удовлетворенностью жизнью по каждой из субшкал в отдельности.

Молодые люди, независимо от пола и уровня образования, при нормальном уровне психологического благополучия воспринимают мир существенно легче, радостнее, светлее, красочнее, менее напряженно и тревожно. Однако около 24% молодых людей, имеющих ярко выраженное психологическое неблагополучие, об-

ладают противоположным представлением о мире. Они рассматривают его как печальный, тяжелый, темный, серый, который вызывает тревогу и напряжение.

Оценка собственной включенности в мир (шкала «Включенность в мир») отразила существенные различия между молодыми людьми с высокой и низкой удовлетворенностью жизнью по следующим субшкалам: «реальность/иллюзия» ($p = 0,16$), «воля/безволие» ($p = 0,018$), «независимость/ограничения» ($p = 0,001$), «конкретность/абстракция» ($p = 0,014$), «стремление/избегание» ($p = 0,001$), «мой/чужой» ($p = 0,001$). Субшкала «ощущаемый/неощущаемый» значимых различий с уровнем психологического благополучия не обнаружила. Поскольку уровень значимости меньше $p < 0,05$, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что при нормальном уровне психологического благополучия молодые люди чаще стремятся к контакту с миром, воспринимают его как реальность, конкретность, считают его своим. При этом ощущают себя достаточно свободными (субшкала «независимость/ограничение»).

Сравнительный анализ по шкале «Стабильность мира» зафиксировал различия только по двум субшкалам: «действие/бездействие» ($p = 0,001$), «полет/покой» ($p = 0,008$). Молодые люди с низким уровнем психологического благополучия чаще сравнивают мир с бездействием и покоем. По таким оценкам, как «постоянство/изменчивость» и «борьба/пассивность», существенных различий выявлено не было.

Сравнительный анализ по восприятию мира между молодыми людьми с психологическим благополучием и частичным неблагополучием показал, что различий в эмоциональном восприятии мира у них нет. Существенных расхождений по шкале «Оценка мира» не выявлено ни по одной из субшкал.

По шкале «Включенность в мир» существенное различие выявлено только по субшкале «стремление/избегание» ($p = 0,048$). Можно утверждать, что молодые люди при высокой удовлетворенности жизнью чаще стремятся к миру, а при частичной удовлетворенности выбирают стратегию избегания контактов с миром.

По шкале «Стабильность мира» существенных различий выявлено не было.

Таким образом, восприятие мира молодыми людьми при частичном неблагополучии (неудовлетворенность жизнью отмечается в одной из областей, но общий индекс психологического благополучия в норме) и полном благополучии практически совпадают.

Гораздо больше расхождений сравнительный анализ продемонстрировал в ответах молодых людей с частичной и высокой неудовлетворенностью жизнью.

Сравнение субъективного отношения к миру, измеряемые с помощью шкалы «Оценка мира» и степенью психологической удовлетворенности показали существенные различия на уровне $p = 0,001$ по всем субшкалам, кроме «напря-

женность/расслабленность», что подтверждает наличие сходства в эмоциональной оценке мира у молодых людей с высокой степенью удовлетворенности жизнью и частичной неудовлетворенностью.

При сравнении групп с частичной и полной психологической удовлетворенностью по шкале «Включенность в мир» как отражение внутренних представлений о взаимодействии с ним были зафиксированы значимые различия по следующим субшкалам: «воля/безволие» ($p = 0,007$), «независимость/ограничения» ($p = 0,001$), «конкретность/абстракция» ($p = 0,039$), «стремление/избегание» ($p = 0,003$), «мой/чужой» ($p = 0,003$). По субшкалам «реальность/иллюзия», «ощущаемый/неощущаемый» существенных расхождений выявлено не было.

По шкале «Стабильность» значимые различия выявлены только по субшкале «действие/бездействие» ($p = 0,001$) при сравнении этих же групп.

Таким образом, можно говорить о наличии существенных расхождений в восприятии мира молодыми людьми при разных уровнях психологического благополучия. При этом максимальное расхождение отмечается в группах с высокой удовлетворенностью жизнью и однозначно низкой удовлетворенностью. Группа молодежи с частичной удовлетворенностью жизнью по оценке мира с эмоциональной позиции и позиции стабильности близка к группе с высокой удовлетворенностью жизнью. Однако при частичной удовлетворенности молодые люди чаще избегают контакта с миром, что может быть связано с повышенной личностной тревожностью, недоверием к миру или собственным силам. Данный факт требует дополнительной аргументации.

Несмотря на совпадение в субъективной картине мира у людей с высоким и частичным психологическим благополучием, данные группы нельзя объединять в одну общую группу в контексте восприятия мира, так как расхождения в ответах между группами 1 и 3 (лица с психологическим благополучием и неблагополучием) и группами 2 и 3 (лица с частичным неблагополучием и полным неблагополучием) не совпадают между собой. Так, например, между группами 1 и 3 присутствует значимое различие в области реальности восприятия мира, тогда как между группами 2 и 3 данное различие отсутствует. Также молодые люди в группах 2 и 3 рассматривают мир с пассивной позиции чаще, чем молодые люди из группы 1.

Таким образом, группа молодых людей с частичной удовлетворенностью миром отличается и от группы с высокой неудовлетворенностью и, хотя и в меньшей степени, от группы людей, удовлетворенных своей жизнью. Можно говорить о постепенном нарастании пессимистичного взгляда на мир и отторжении себя от мира по мере нарастания неудовлетворенностью своей жизнью.

С целью выявления степени взаимосвязанности субъективной картины мира с уровнем психологического благополучия нами был проведен корреляционный анализ с использованием ранговой корреляции Спирмена.

Полученные взаимосвязи между эмоциональной оценкой мира и уровнями психологического благополучия демонстрируют, что все ассоциативные пары данной шкалы тесно связаны ($p = 0,01$) с общим индексом психологического благополучия и с такими субшкалами, как «Позитивные отношения с окружающими», «Управление средой» и «Самопринятие». То есть чем больше теплых, доверительных отношений у молодого человека с окружающими, чем выше принятие самого себя и своего опыта, чем выше управление своей жизнью, тем позитивнее, светлее и радостнее воспринимается мир, что порождает больше позитивных чувств и меньше вызывает тревогу.

Шкала «Оценка мира» никак не связана с автономией молодого человека, свидетельствуя о том, что внутренняя независимость молодого человека от внешнего мира никак не отражается на эмоциональной стороне восприятия мира в целом. При анализе взаимосвязи данной шкалы с субшкалами психологического благополучия «Личностный рост» и «Цели в жизни» была установлена связь отдельных ассоциативных пар с уровнем удовлетворенности жизнью.

В целом, чем больше теплых, доверительных отношений у молодого человека с окружающими, чем выше принятие самого себя и своего опыта, чем выше осмысленность жизни, самореализация и управление своей жизнью, тем радостнее воспринимается мир.

Субъективная оценка, полученная по шкале «Включенность в мир», имела разнородные связи с субшкалами психологического благополучия. Все ассоциативные пары данной шкалы тесно связаны с субшкалой «Управление средой». Однако степень тесноты связей различна. Другие субшкалы психологического благополучия обнаружили наибольшее сопряжение с ассоциативной парой «стремление/избегание», и меньшее — с «ощущаемый/неощущаемый». Интересен тот факт, что шкала «Включенность в мир» в большей степени, чем «Оценка мира», связана с субшкалой психологического благополучия «Автономия». Это означает, что способность быть самостоятельным не связана с позитивностью/негативностью восприятия мира, но связана с восприятием мира как «своего» и стремлением контактировать с данным миром. При этом одно из наших предположений о том, что удовлетворенность отношениями с окружающими должна вести к большей включенности в мир на уровне общей выборки, не подтвердилось. Взаимосвязь данной шкалы с субшкалой «Позитивные отношения с окружающими» зафиксирована только по ассоциативной паре «реальность/иллюзия», что может быть связано с различными смысловыми аспектами, заложенными в данных субшкалах. Этот факт требует дальнейшего изучения.

Корреляционный анализ между субъективным отношением к миру по шкале «Стабильность мира» и субшкалами психологического благополучия показал, что только ассоциативная пара «действие/бездействие» взаимосвязана со всеми субшкалами, кроме «Позитивных отношений с окружающими». Следовательно,

чем выше осмысленность жизни, самореализация и управление своей жизнью, чем выше принятие самого себя и своего опыта, тем более потенциально активным воспринимается мир, что требует от молодого человека активности. Наличие или отсутствие доверительных отношений с окружающими никак не отражается на восприятии активной/пассивной стороны жизни.

Таким образом, наше исследование показывает наличие существенных расхождений в субъективной картине мира людей молодого возраста при разных уровнях психологического благополучия. Наибольшие различия присутствуют в эмоциональной оценке мира и в восприятии себя, как части мира.

При этом обнаружено наличие взаимосвязи между субъективной картиной мира и уровнями психологического благополучия. Это позволяет говорить о том, что состояние выбора жизненного пути сопряжено с состоянием психологического благополучия/неблагополучия. В свою очередь, можно предположить, что психологическое благополучие как состояние выбора выступает важным психологическим фактором субъективной картины мира.

Данное исследование восполняет пробел в нашем представлении о субъективной картине мира современных молодых людей на этапе самоопределения и факторах, формирующих эти представления. Изложенная часть результатов исследования позволяет рассматривать процесс выбора, самоопределения, связанный с состоянием психологического благополучия/неблагополучия как серьезную проблему в молодом возрасте. Субъективная картина мира служит внутренним субъектным индикатором степени удовлетворенности жизнью. Таким образом, субъективная картина мира как отражение внутренних координат выбора и самоопределения становится реально действующей силой в социальном пространстве личности, преломляя внешние заданные условия, различно воспринимаемые молодыми людьми. Результаты нашего исследования самоопределения позволяют дифференцировать процесс дальнейшей социализации молодых людей на основе их субъектных представлений и выборов. Субъективная картина мира становится основой поиска смыслов, что и обуславливает динамику состояния самоопределения [Прохоров, 2009].

Наши результаты дают представление о субъективных факторах самореализации молодых людей в социальном пространстве. Т.Д. Марцинковская указывает, «что при исследовании социального пространства более значимым является понимание отношения как процесса создания образа мира и себя в мире» [Марцинковская, 2013, с.12]. Обращение к субъективному опыту молодых людей, их внутренней картине мира дает возможность понять субъективное восприятие социального пространства. Кроме того, восприятие и оценка мира и себя в нем раскрывает личностные координаты социального пространства и возможности субъектной оценки своего положения в нем как психологического благополучия/неблагополучия. Именно психологическое благополучие становится условием социальной реализации и социального

благополучия, как показали исследования К.В. Карпинского и других авторов, поскольку степень удовлетворенности жизнью обуславливает целесообразность своих усилий и достижений желаемого будущего.

Исследование субъектных факторов жизненных выборов служит обоснованием создания адресной психологической помощи в процессе самоопределения молодых людей, что значимо для социального благополучия и эффективности их дальнейшей профессиональной деятельности.

Библиографический список

6. Баева, А. В. (2005). Ценности молодежи в глобализирующемся обществе. *Философия образования*, (1), 55–59.
7. Бодров, В. А. (2007). Профессиональная зрелость человека (психологические аспекты). В А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко (ред.) *Феномен и категория зрелости в психологии* (с. 174–184). Москва: Институт психологии РАН.
8. Божович, Л. И. (1979). Этапы формирования личности в онтогенезе. *Вопросы психологии*, (4), 23–34.
9. Гинзбург, М. Р. (1988). Личностное самоопределение как психологическая проблема. *Вопросы психологии*, (2), 19–26.
10. Гордеева, Т. О., Сычева, О. А., Осин, Е. Н. (2013). Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: их источники и влияние на психологическое благополучие. *Вопросы психологии*, (1), 35–45.
11. Емельянова, Т. П. (2006). *Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества*. Москва: Институт психологии РАН.
12. Журавлев, А. Л., Сергиенко, Е. А. (2006). Предисловие. В А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко (ред.) *Феномен и категория зрелости в психологии* (с. 3–15). Москва: Институт психологии РАН.
13. Запесоцкий, А. С. (2006). Дети эпохи перемен: их ценности и выбор. *Социологические исследования*, (12), 98–104.
14. Карпинский, К. В. (2013). Конфликт ценностей как предпосылка смыслов жизненного кризиса в развитии личности. *Вопросы психологии*, (1), 78–93.
15. Мартынова, Е. В. (2002). *Смысловые ориентации как фактор личностной подготовки студентов педвуза к профессиональной деятельности*. (Автореф. дис. ... канд. психол. наук). Москва.
16. Марцинковская, Т. Д. (2013). Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. *Психологические исследования*, 6 (30), 12–23.
17. Одинцова, М. А. (2011). Образ мира у подростков из неполных семей. *Вопросы психологии*, (2), 82–89.
18. Прохоров, А. О. (2009). *Смысловая регуляция состояний*. Москва: Институт психологии РАН.
19. Пряжников, Н. С. (1999). *Теория и практика профессионального самоопределения: Учеб. пособие*. Москва: МГППИ.
20. Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. Москва: Педагогика.

21. Румянцев, Г. Г. (1965). Опыт применения метода незаконченных предложений в психиатрической практике. В *Исследование личности в клинике и в экстремальных условиях* (с. 267–274). Ленинград: НИПНИ им. В. М. Бехтерева.
22. Сафин, В. Ф., Ников, Г. П. (1984). Психологический аспект самоопределения личности. *Психологический журнал*, 5 (4), 65–73.
23. Сергиенко, Е. А. (2011). Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива. *Психологический журнал*, 32 (1), 120–132.
24. Сергиенко, Е. А. (2013). Проблема соотношения понятий субъекта и личности. *Психологический журнал*, 34 (2), 5–17.
25. Трубникова, Н. И. (2009). Профессиональное самоопределение как показатель эффективности вузовского образования. *Психология обучения*, (2), 79–86.
26. Хащенко, В. А. (2012). *Психология экономического благополучия*. Москва: Институт психологии РАН.
27. Шевеленкова, Т. Д., Фесенко, П. П. (2005). Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование). *Психологическая диагностика*, (3), 95–130.
28. Эйдельман, Г. Н. (2013). Субъективная оценка мира в молодом возрасте (20–30 лет). В *Человек, субъект, личность в современной психологии: Матер. Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т.1* (с. 366–369). Москва: Институт психологии РАН.

Статья поступила в редакцию 14.02.2014.

.....

SUBJECTIVE FACTORS OF THE CONTEMPORARY YOUTH'S SELF-IDENTIFICATION

E. A. Sergienko

Prof. Elena A. Sergienko, Dr. Sc. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute for Psychology,
Developmental Psychology Laboratory, Head. E-mail: Elenas13@mail.ru.

The work is performed under RFHR financial support, grant No. 14-06-00206.

The article considers the problem of self-identification of the young and analyses the ways of its research. On the base of system-subject approach it offers to address to the analysis of subjective world view perception and self in it in correlation with psychological wealth. The novation of the approach is determined from one hand by addressing to subjective world of a young person, considering personal and subjective functions of the process of self-identification, the analysis of the youth's inner world precisely during the period of self-identification (the choice of the further life trajectory and profession after completing education). The experimental experience of such analysis is given. 235 Moscovites and the residents of the Moscow region are questioned being in the process of self-identification in professional and personal lives, the age of the participants being 21-30. The following methods were used: a questionnaire, directed at investigation of a social-economic status of the respondents; psychological wealth scale (PWS) by K. Riff modified by T.D. Shevelenkova, P.P. Fesenko; «Approach to the world» original projective technique directed at investigation of inner subjective world view (G.N. Eidelman); Personal differential developed on the base of Semantic differential (E.F. Bazhin, L.M. Etkind); «Young age» technique (uniquely modified by G.N. Eidelman), developed on the base of «Unfinished sentences» methods developed by J.M. Saks. 62.5 p.c.

of the young are determined to be in the state of complete or partial life non-satisfaction. Subjective world perception and self in it is shown to be closely connected with psychological wealth of 20-30 y.o. young, the growth of psychological ill-being is conjugated with the growth of pessimistic view of world and self-rejection off the world due to the growing non-satisfaction of one's life. The degree of psychological well-being (full, partial, low) is connected with the specific pattern of subjective world perception.

Key words: self-identification, the young, subjective world perception, stability, emotional esteem, involvement in the world, psychological well-being.

References

1. Baeva, L. V. (2005). Tsennosti molodezhi v globaliziruyushchem obshchestve [Youth Values In Globalizing Society]. *Filosofija obrazovaniya* [Education Philosophy], (1), 55–59.
2. Bodrov, V. A. (2007). Professional'naya zrelost' cheloveka (psikhologicheskie aspekty) [Personal Professional Maturity (Psychological Aspects)] In A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko (Eds.) *Fenomen i kategorija zrelosti v psihologii* [The Phenomenon and the category of maturity in psychology] (pp. 174–184). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
3. Bozhovich, L. I. (1979). Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze [The Stages of Building Personality in Ontogenesis]. *Voprosy psihologii* [Problems of psychology], (4), 23–34.
4. Emel'yanova, T. P. (2006). *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavleniy v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Building Social Imaginations under Russian Society Transformations]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
5. Eydel'man, G. N. (2013). Sub'ektivnaya otsenka mira v molodom vozraste (20–30 let) [Subject evaluation of the world in young age of 20–30]. *Chelovek, subjekt, lichnost' v sovremennoj psihologii: Mater. Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju A. V. Brushlinskogo. T.1* [Human, Subject, Personality in modern psuchology, Minutes of Intl. Conf. dedicated to A.V. Brushlinskiy 80th anniversary. V.1] (pp. 366–369). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
6. Ginzburg, M. R. (1988). Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaya problema [Personal Self-Identification as a Psychological Problems]. *Voprosy psihologii* [Problems of psychology], (2), 19–26.
7. Gordeeva, T. O., Sycheva, O. A., & Osin, E. N. (2013). Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivatsiya studentov: ikh istochniki i vliyanie na psikhologicheskoe blagopoluchie [Inner And Outer Motivation Of Students: The Sources And Influence On Psychological Well-Being]. *Voprosy psihologii* [Problems of psychology], (1), 35–45.
8. Karpinskiy, K. V. (2013). Konflikt tsennostey kak predposylka smyslozhiznennogo krizisa v razvitii lichnosti [The Conflict of Values as a Precursor of Life Sense Crisis in Personal Development]. *Voprosy psihologii* [Problems of psychology], (1), 78–93.
9. Khashchenko, V. A. (2012). *Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya* [Psychology of Economic Well-Being]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
10. Martsinkovskaya, T. D. (2013). Sotsial'noe prostranstvo: teoretiko-empiricheskiy analiz [Social Space: Theoretical-Empirical Analysis]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 6 (30), 12–23.
11. Martynova, E. V. (2002). *Smyslozhiznennyye orientatsii kak faktor lichnostnoy podgotovki studentov pedvuza k professional'noy deyatel'nosti* [Life Sense Orientations As A Factor

- Of Personal Students Training At A Teachers' Training Schools Of Hogher Learning]. (Cand. Dissertation Abstract). Moscow.
12. Odintsova, M. A. (2011). *Obraz mira u podrostkov iz nepolnykh semey* [World View Of The Teenagers From Incomplete Families]. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology], (2), 82–89.
 13. Prokhorov, A. O. (2009). *Smyslovaya regulyatsiya sostoyaniy* [Sense Regulations Of States]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
 14. Pryazhnikov, N. S. (1999). *Teoriya i praktika professional'nogo samoopredeleniya: Ucheb. posobie* [Theory And Practice Of Professional Self-Identification: textbook]. Moscow: MSPPI.
 15. Rubinshteyn, S. L. (1973). *Problemy obshchey psikhologii* [Problems Of General Psychology]. Moscow: Pedagogika.
 16. Rumyantsev, G. G. (1965). *Opyt primeneniya metoda nezakonchennykh predlozheniy v psikhiatricheskoy praktike* [The Experience Of Application Of Unfinished Sentence Technique In Psychiatric Practice]. In *Issledovanie lichnosti v klinike i v ekstremal'nykh usloviyakh* [Personal Studies At A Clinic And Under Extreme Conditions] (pp. 267–274). Leningrad: NIPNI im V. M. Behtereva.
 17. Safin, V. F. & Nikov, G. P. (1984). *Psikhologicheskiy aspekt samoopredeleniya lichnosti* [Psychological Aspect Of Personal Self-Identification]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 5 (4), 65–73.
 18. Sergienko E. A. 2013. *Problema sootnosheniya ponyatiy sub"ekta i lichnosti* [The Problem of Coordinating Subject and Person Notions]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 34 (2), 5–17.
 19. Sergienko, E. A. (2011). *Sistemno-sub"ektnyy podkhod: obosnovanie i perspektiva* [System-Subject Approach: Grounds And Prospects]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 32 (1), 120–132.
 20. Shevelenkova, T. D. & Fesenko, P. P. (2005). *Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnykh koncepcij i metodologicheskoe issledovanie)* [Personal Psychological Well-Being (the review of basic concepts and methodological research)]. *Psihologicheskaja diagnostika* [Psychological diagnostics], (3), 95–130.
 21. Trubnikova, N. I. (2009). *Professional'noe samoopredelenie kak pokazatel' effektivnosti vuzovskogo obrazovaniya* [Professional Self-Identification as an Indicator of Higher Learning]. *Psihologija obuchenija* [Psychology of training], (2), 79–86.
 22. Zapesotskiy, A. S. (2006). *Deti epokhi peremen: ikh tsennosti i vybor* [Children of Transformation Era: Their Values and Choice]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (12), 98–104.
 23. Zhuravlev, A. L. & Sergienko, E. A. (2006). *Predislovie* [Preface]. In A. L. Zhuravlev & E. A. Sergienko (Eds.) *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii* [The Phenomenon and the Category of Maturity in Psychology] (pp. 3–15). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ БЫТИЯ

Е. И. Богомолова¹

В статье представлены результаты анализа западных и отечественных исследований, рассматривающих с различных теоретических позиций проблемы усиливающегося влияния виртуализации общества на личность и ее бытие.

Авторы едины в оценке значимости для личности усиливающейся интегрированности в среду каждодневных социальных интеракций виртуальных социальных сетей. Но в том, как именно исследователи рассматривают и оценивают проблему личностной идентичности в условиях виртуализации бытия, сохраняются различия.

Один из самых обсуждаемых аспектов виртуальной реальности — направленность личности на сохранение анонимности. В результате проведенного анализа позиций исследователей были выделены два наиболее распространенных взгляда на анонимность в виртуальном бытии и проблему достоверности личности в сети. Одни авторы фиксируют феномен *деиндивидуализации* и ориентацию личности на идеализированное, утрированное самопредъявление, другие убеждены в том, что анонимность обогащает способы самопрезентации человека через приобщение чужого образа, попытку трансляции собственного Я в Другого и поиска отражения себя в Другом.

С появлением социальных сетей тенденция в области анонимности изменилась и выражается в движении от экспериментирования с идентичностью к «стабилизации идентичности» в сети. Обсуждаемой проблемой является *полиидентичность* личности. В равной степени распространены мнения о естественности состояния множественной идентичности современного человека, включенного одновременно в несколько процессов взаимодействия с Другими, и об опасности увлеченности личности созданием множественных цифровых идентификаций и, как следствие, ее «выпадение» из реального бытия.

Выявленная в исследовании западных ученых ориентированность пользователей социальных сетей на трансляцию своего истинного Я в виртуальном пространстве свидетельствует о тенденции пользователей открыто заявлять о себе. Данные проведенного нами исследования, обнаруживают сложную дифференциацию, связанную с неоднозначностью позиции, занимаемой пользователями социальных сетей — *субъектной или асубъектной*. Первая выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и виртуальном бытии, вторая — в стремлении избегания реальных контактов, уходе в виртуальное пространство, формировании ложной идентичности.

Ключевые слова: личность, субъект, идентичности, бытие, со-бытие, общение, виртуальная реальность, социальная сеть, анонимность.

¹ Богомолова Екатерина Ильинична – аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: bogomolova_kate@bk.ru.

Процесс виртуализации бытийного пространства и виртуализирующаяся личность

Поиск идентичности является важнейшим для самоактуализирующейся личности, стремящейся к достижению аутентичности бытия. Современное бытие личности предлагает для этого богатые возможности, в том числе и в виртуальной сфере. Виртуальные социальные сети давно и плотно интегрированы в среду каждодневных социальных интеракций и активно используются в качестве основного средства связи с Другими [Boyd, Ellison, 2007; Valkenburg, Peter, 2009]. Реальное бытие личности занимает платформы в Интернете, получает виртуальные представительства, новые ресурсы и возможности. Человек в свою очередь все четче проявляется в виртуальном поле взаимодействия и общения, дополняя свою реальную активность виртуальными атрибутами и инструментами [Рябкина, Богомолова, 2013]. В ходе этого процесса границы online- и offline-бытия стираются и зачастую сложно распознать, где заканчивается одна жизнь и начинается другая, где исчезает offline-личность и возникает online.

Неоднозначность социальных норм, многообразие сфер коммуникации, форм самопредъявления в сети поднимают актуальную для гуманитарных наук тематику личностной идентичности в условиях виртуализации бытия (А. Albrechtslund (Дания), Т. Indalecio, Zhao Shanyang, S. Grasmuck, J. Martin, D. Boyd (США), А. Yong-Yeol, Н. Seungyeo, К. Haewoon (Корея), А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов, А. В. Войскунский, А. Е. Жичкина (Россия) и др.).

Какие изменения происходят с личностной идентичностью в результате прогрессирующей виртуализации? Как изменяется виртуальное пространство под воздействием спросов, поставляемых пользователями? Дискуссии о том, насколько реальна личность в поле виртуального бытия, ведутся уже давно и позиции меняются так же стремительно, как и виртуальный мир и его особенности. Эти изменения затрагивают аспект анонимности личности, характер ее истинности и достоверности в сети и неизбежно влияют на самоощущение и характер самопредъявления субъекта виртуальной интеракции. Статья направлена на обобщение результатов исследования данных феноменов зарубежными и отечественными авторами.

Особенности анонимности личности в изменяющемся виртуальном пространстве

Филип Зимбардо предположил, что обезличенность в больших городах уже сама по себе гарантирует анонимность, в таком случае социальная сеть — есть мегаполис в мегаполисе [Zimbardo, 1970].

По мнению Ф. Зимбардо, в ситуации анонимности человек в меньшей степени отдает себе отчет в своих действиях и становится более импульсивным и восприимчивым по отношению к внешним провокациям и ситуациям.

Согласно традиционной точке зрения, анонимность снижает внимание к себе, вследствие чего снижается самоконтроль. В данном контексте уместно понятие «деиндивидуализация» (deindividuation) — частичная утрата самосознания и боязнь оценки. Это явление часто возникает в групповых ситуациях виртуального общения, которые гарантируют личности анонимность и не концентрируют внимание окружающих на отдельном человеке [Майерс, 2000]. Человек стремится одновременно быть в сообществе, быть причастным к нему, но не выделяться из него.

По проблематике анонимности в виртуальном пространстве существует множество теорий и предположений. С позиции одной из них анонимность общения в Интернете обогащает способы самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет [Жичкина, 2001]. Пользователь стремится разнообразнее презентовать себя сообществу, но не быть собой или быть идеализированной версией себя, ожидая отклика общественности на конструируемый образ [Косивченко, 2012].

С другой позиции, недостаток выразительных средств, характеризующий виртуальную реальность, в сочетании с анонимностью может наделять личность утрированными, очень выразительными атрибутами силы, могущества, красоты и т.п. [Жичкина, 2009; Reid, 1991]. Данная позиция согласуется с мнением С. И. Выгонского, который пишет: «Анонимность участника сетевых интеракций приводит к тому, что все его скрытые психологические комплексы раскрываются и являются окружающим во всей своей первозданной красе» [Выгонский, 2010, с. 108]. Такое поведение, с точки зрения автора, сопряжено с возникающим чувством безнаказанности, чувством собственного величия. Возникает иллюзия полного контроля над реальностью. В крайних случаях последствия долгих контактов с виртуальной реальностью могут привести к возникновению безосновательного чувства собственного бессмертия, величия и совершенства. А. Адлер по этому поводу говорил следующее: «Тот, кто понимает эту цель богоподобия как реальную и личную, воспринимает ее буквально, вскоре будет вынужден в качестве компромисса избегать настоящую жизнь, в лучшем случае в искусстве, но чаще всего... в неврозе или в преступлении» [Адлер, 1995, с. 14].

Существует диаметрально противоположная точка зрения. По мнению А. Е. Жичкиной, анонимность усиливает ориентацию воспринимаемого человека на «усредненного другого», стремление быть понятным с конвенциональной, общей для всех людей точки зрения [Жичкина, 2001]. Понятие «Я» и «Другой» синтезируются в понятии идентичности, в результате чего человек способен включать свое Я в Другого и находить Другого в себе. Данное явление характеризует процесс поиска идентичности человека — он должен погружаться в Другого, примерять чужой образ, маску. Таким образом, в ситу-

ации анонимности человек не теряет контроль над собой, она лишь усиливает стремление человека вести себя в виртуальной бытийности, учитывая социальные нормы, принятые в со-бытии с Другими.

С появлением социальных сетей привычные для пользователей особенности виртуальной анонимности видоизменились, сегодня заинтересованному пользователю соблюсти анонимность становится все труднее. Здесь уместна точка зрения Дж. Сулера, согласно которой никто не может быть полностью анонимным — абсолютно невидимым, без имени, идентичности или межличностного взаимодействия вообще [Suler, 1997].

Мы предполагаем, что происходящие изменения обусловлены спецификой социальной сети, транслирующей максимально реальную личность и выявляющей собственную достоверность в различных аспектах своей online-жизнедеятельности. Это обоюдный процесс: с одной стороны, пользователь принимает условия и политику анонимности социальных сетей и действует в соответствии с ними, с другой стороны, возникающая тенденция стремления человека заявлять в сети о себе достоверном изменяет его поведение в направлении формирования истинной виртуальной идентичности.

В вопросе направленности личности на сохранение анонимности в виртуальном пространстве бытия можно выделить два наиболее распространенных взгляда исследователей. Одни авторы фиксируют феномен деиндивидуализации и ориентации человека на идеализированное, утрированное самопредъявление, позволяющее человеку быть тем, кем он захочет, или не быть собой, присваивая себе утрированные атрибуты сверхчеловека. Другие исследователи убеждены в том, что анонимность обогащает способы самопрезентации человека через приобщение чужого образа, попытку трансляции собственного Я в Другого и поиска отражения себя в Другом. Это в свою очередь выступает одной из сильнейших мотивирующих сил включения личности в виртуальную интеракцию [Косивченко, 2012; Рябикина, Богомолова, 2013].

С появлением социальных сетей тенденция в области анонимности в виртуальном пространстве изменилась, обнаруживая стремление человека заявлять о себе истинном, преобразовав его направленность в области собственной идентичности.

Формирование идентичности в виртуализирующемся мире

По мнению Ж. Липовецки, современное общество переживает «вторую индивидуалистическую революцию» [Липовецки, 2001, с. 17]. Не лишено основания мнение о том, что современное общество характеризуется им как «эра пустоты». Эта пустота одновременно связана с процессом персонализации (фр. *personne* — никто, кто-либо). То есть персонализация характеризуется не только индивидуализацией, но и опустошением.

Сложный, путанный процесс поиска собственной идентичности пронизывает всю индивидуально и социально направленную активность личности. Индивидуализация человека становится ключевым путем его жизни и деятельности во всех ипостасях — в профессии, обучении, увлечениях, творчестве, отношениях с Другими, общении, поиске и утверждении собственного места в жизни. Это обусловлено стремительным движением от так называемой назначенной (социумом, нормами, правилами, семьей) идентичности к самостоятельно сформированной, выбранной. Данный процесс ведет к кризису идентичности, в который, безусловно, включено и виртуальное пространство бытия, как пространство включенности личности во взаимодействие с Другими. По утверждению некоторых ученых, современная личность «рассыпается» на множество идентичностей, образов, масок, скрывающих его истинное лицо. В данном случае применимо утверждение Ж. Бодрийяра о «зыбкости личностных идентичностей», свидетельствующей о стирании инстанции Я, выступающей гарантом самоощущенности личности. «Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатленных во всем — в передачах масс-медиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [Бодрийяр, 2000]. Виртуальная реальность становится источником и посредником создания новых продуктов коммуникации личности — виртуальных образов, online-идентичностей. Возникает реальная опасность зависимости личности от порожденных ею самой цифровых идентичностей, от собственного виртуального Я [Богомолова, 2013].

В результате возникновения несогласованности двух идентичностей и неочевидности физического лица, выступающего за виртуальным образом, были сформулированы такие понятия, как «домены плавающих идентичностей», «плавающие идентификации», «ускользающие идентификации», Анна Висо вводит понятие «электронная идентичность» [Viseu, 1999], Марк Постер говорит о «мобильной идентичности», подразумевая под этим постоянно изменяющуюся идентичность [Poster, 2000]. Человек окружен «зеркалами симулякров, в которых личность (идентичность) теряется в несчетных отражениях, теряется перед отражением своей *полиидентичности*, отражающей чарующий политеизм человека — не столько многобожие, сколько многочеловечие: многие неуловимые, мимолетные лики и отблески того единого (человека), что может быть (если не быть, то притвориться) многим» [Фокин, 1994, с. 226].

Неоспорим факт, что виртуальная реальность дает все возможности человеку, чтобы «притвориться многими» и стать носителем полиидентичности, чему по-прежнему может способствовать сохраняющаяся анонимность. В рамках виртуального сообщества, сфокусированного на фантазийной тематике (вымышленной или основанной на каком-либо произведении, например,

«Звездные войны», «Властелин колец»), существующей по определенным законам выбранного жанра, пользователь, примеряя ту или иную роль, действует от ее имени и буквально ее руками. Множество людей проникают и вживаются в мир фантазий одного человека, примеряя на себя порожденные им *образы*. Так формируется *fantasy-идентичность*, впоследствии способная полноценно интегрировать в реальное бытие личности. В этот момент могут возникнуть проблемы зависимости от *fantasy-идентичности* и *fantasy-бытия*, проблемы достоверности личности, авторства, аутентичности бытия, соотнесенности с Другими. «В запустении, где я потерян, мне безразлично эмпирическое познание моего подобию с другими, ибо сущность *меня* состоит в том, что ничто и никогда не сможет заменить: чувство моей *фундаментальной недостоверности* располагает меня в мире, в котором я остаюсь ему посторонним, абсолютно посторонним» [Фокин, 1994, с. 56].

Самоидентификация не только важна для полноценного самоощущения личности, но и «становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [Бауман, 2005, с. 176]. Со-бытие является интерпретируемым бытием. Идентичность же выступает такой силой, которая способна оказывать воздействие не только на *восприятие* социума, но и на объективные социальные структуры, связи, на сам способ жизни человека в обществе, на достижение аутентичности его бытия. Идентичность составляет смысловое наполнение реальности, повседневности человека. «Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве *реального*» [Бергер, Лукман, 1995, с. 38].

Таким образом, поиск смысла и сути идентичности современного человека, с одной стороны, обогащен, с другой – усложнен динамичным процессом виртуализации бытийного пространства. Предоставляя человеку новые яркие возможности взаимодействия с Другими и разнообразные способы самопредъявления, виртуальная реальность создает все условия для формирования бесчисленных виртуальных образов, идентичностей. Этому способствует и сохраняющаяся анонимность, порождая опасность чрезмерной увлеченности личности ее цифровыми идентификациями и «выпадения» из реального бытийного пространства.

Поиск собственной идентичности — ключевой путь жизнедеятельности человека, что обусловлено движением от «назначенной» кем-то идентичности к самостоятельно созданной личностью. Актуальным является вопрос полиидентичности. В равной степени распространены мнения о естественности состояния множественной идентичности современного человека, включенного одновременно в несколько процессов взаимодействия с Другими, и об опасности чрезмерной увлеченности личности созданием «виртуальных дублеров»,

способных привести к зависимости личности от постоянно изменяющихся цифровых идентификаций.

Изменения взглядов на идентичность на разных этапах виртуализации бытия личности

В конце 1990-х гг. в виртуальном пространстве наблюдалась тенденция множественной идентичности (полиидентичности), конструирования различных форм кибер-идентичности, «зыбкость» и «множественность» Я в виртуальном пространстве общения человека (S. Turkle, A. Balsamo, M. Sinnirella и др.). «Интернет становится важной социальной лабораторией для экспериментов с созданием и реконструкцией Я, что характеризует жизнь в постмодернистском обществе», — писала Шерри Теркл [Turkle, 1996, p. 156]. Формулировка «игры с идентичностью» как нельзя лучше характеризуют активность личности в виртуальной бытийности в тот период [Bechar-Israeli, 1995]. Человек стремился в буквальном смысле примерить на себя различные роли, образы, формы поведения, прощупать возможности, предоставляемые Интернетом того периода развития, насытиться ими.

За последнее десятилетие информационные технологии шагнули далеко вперед. В период с 2004 г. по настоящее время виртуальная реальность, можно сказать, переживает новое рождение, перезагрузку, поскольку именно эти годы характеризуются зарождением и бумом развития виртуальных социальных сетей, изменивших Интернет до неузнаваемости.

Теперь информационное бытие личности используется как пространство для безграничных возможностей самоопределения. Личность в свою очередь оказывает принципиальное воздействие на киберпространство, регулярно поставляя ему новые запросы. Это обоюдный прогрессирующий процесс, взаимовлияющая тенденция. «Не только мы врываемся в виртуальный мир своей идентичностью, но и виртуальный мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего Я» [Viseu, 1999].

Современными исследователями в области кибер-психологии утверждается неразрывность внешнего и внутреннего мира личности пользователя, т.е. мир виртуальных социальных коммуникаций рассматривается как слияние, симбиоз online- и offline-деятельности [Albrechtslund, 2008]. Социальные сети — это пространство для общения между реальными людьми посредством цифровых технологий, пространство их реального со-бытия, вероятно, никогда не выходящего за рамки *виртуального*, но при этом не становящегося менее *реальным*.

Российскими учеными также отмечается тенденция смены самопрезентации личности в Интернете. А. Г. Асмолов и Г. А. Асмолов считают, что с начала XXI в. «Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности» [Асмолов, Асмолов, 2009]. По мнению Г. Р. Шакуровой (Камаловой),

пользователи стали больше обращаться к новым формам самовыражения и ресурсам, которые позволили «найти своё сообщество» [Шакурова (Камалова), 2005, 2006, 2008].

Развитие блогосферы, «живых журналов» и социальных сетей практически исключили анонимность в Интернете, раскрывая истинную личность, презентуя виртуальному сообществу реальную идентичность через формирование содержания своих персональных страниц, круга своего социального (реального и виртуального) взаимодействия. Виртуальная социальная сеть выступает инструментом расширения реального бытийного пространства личности, в рамках которого происходит уравнивание идентичности и проявление истинного Я пользователя. Таким образом, меняются и формы репрезентации, и содержание.

Изменение характера виртуального пространства, связанное в существенной степени с появлением социальных сетей, способствовало изменению направленности личности в области собственной идентичности. Господствующая ранее тенденция экспериментирования с идентичностью и множественной идентичности в сети сменилась «стабилизацией идентичности». Неразрывность внешнего и внутреннего мира личности отражается и в единстве online- и offline-бытия личности, где не только виртуальность влияет на личность и ее идентичность, но и личность преобразует виртуальное бытие вокруг себя.

Тенденции поиска личностной идентификации пользователями социальных сетей в ходе виртуализации бытия

Исследование вопроса предъявления личности в виртуальной реальности показало, что среди некоторых ученых по-прежнему широко распространено убеждение в том, что профили пользователей социальных сетей идеализированы [Manago, Graham, Greenfield, Salimkhan, 2008]. В свете данной позиции была выдвинута гипотеза о том, что эти идеализированные идентичности владельцев профилей вовсе не отражают их реальную личность. Контрастным мнением является убежденность в том, что виртуальные социальные сети предоставляют широкие возможности, позволяющие отобразить свою фактическую, реальную идентичность, что способствовало бы максимально точному межличностному восприятию. Социальные сети транслируют различные и многообразные аспекты личности (ближайшее окружение, внешность, интересы, симпатии и антипатии, образы поведения и т.д.), которые в большей степени предоставляют достоверную информацию о личности. Конечно, эти критерии по-прежнему могут идеализоваться [Back, Stopfer, Vazire, Gaddis, Schmukle, Egloff, Gosling, 2010].

В поддержку данной гипотезы группой исследователей из США и Германии было проведено исследование с целью изучения характеристик про-

филя пользователя социальной сети, которые рассматривались по двум критериям: 1) *ideal-selfratings* (рейтинг идеального-Я) — описание участниками собственного образа, симпатичного им самим; 2) *observerratings* (рейтинг наблюдателей) — восприятие пользователей Другими. Результаты проведенного исследования подтвердили убежденность исследователей в предоставлении личностью своей реальной идентичности в профиле социальной сети [Back, Stopfer, Vazire, Gaddis, Schmukle, Egloff, Gosling, 2010].

Социальные сети выступают эффективным ресурсом для выражения *реальной идентичности*. Именно этот факт особо привлекателен для современного пользователя, ищущего способы и пути идентификации, поиска своего Я и открытого заявления его обществу.

Полученные нами результаты исследований субъектности личности пользователя и взаимосвязи ее виртуальной бытийности с реальным бытием [Рябикина, Богомолова, 2013] обнаруживают более сложную ситуацию, в которой оказывается современный пользователь социальных сетей. Она проявляется в дифференциации позиций, занимаемых личностью — *субъектной* или *асубъектной*.

Субъектная позиция выражается в ориентации на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим, стремлении к аутентичности бытия в реальном поле. Занимая субъектную позицию, человек способен и стремится быть реалистичным и в киберпространстве. Социальные сети могут сочетаться с жизнью в *offline*, создавая дополнительную ресурсность, предлагая информацию, способы и операции, совершенствующие бытие личности, повышающие возможность ее самореализации [Косивченко, 2011, 2012]. «Поиск идентичности является очень важным стремлением, выражающимся в стремлении испытать новый опыт, который невозможно испытать в реальном общении» [Жичкина, 2001].

Асубъектная позиция проявляется в уходе от реальных контактов с Другими, отстранении от людей, в утрате истинной заинтересованности в них. Личность выбирает виртуальную реальность, отгораживаясь от нежелательных контактов, отношений и суждений, формируя ложную идентичность, в результате получая больше подкрепление своей идентичности. Как следствие, возникает опасность «зависания» личности в виртуальном пространстве, когда общение *online* из средства, расширяющего границы реальной жизни личности, превращается в единственно существующую, превалирующую потребность, подчиняющую себе человека [Богомолова, 2013; Рябикина, Богомолова, 2013]. Эта потребность делает его зависимым от гаджетов (компьютеров, ноутбуков, смартфонов, айфонов, мобильного Интернета и т.д.), новых возможностей виртуализирующегося мира, позволяющих личности не привязываться к месту, дающему возможность виртуального контакта здесь и сейчас (мобильных версий сайтов, социальных сетей, площадок, типа Instagram и т.д.). В ре-

зультате этой зависимости формируется ложносубъектная позиция личности, препятствующая достижению аутентичности бытия.

Выявленная в исследовании американских и немецких ученых ориентированность пользователей социальных сетей на трансляцию своего истинного Я в виртуальном пространстве свидетельствует о тенденции пользователей открыто заявлять о себе. Данные проведенного нами исследования обнаруживают более глубокую и сложную дифференциацию, связанную с неоднозначностью позиции, занимаемой пользователями социальных сетей, — субъектной или асубъектной. Первая выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и в виртуальном бытии, вторая — в стремлении избегания реальных контактов, уходе в виртуальное пространство, формировании ложной идентичности.

Заключение

Проблематика виртуальной идентичности личности и конструирования ложных идентичностей в социальных сетях занимает особое место в современной психологической науке в России и за рубежом и характеризуется множеством споров и противоречивых мнений. Взгляды на процесс идентификации в условиях нарастающей виртуализации бытия неоднократно менялись. Характер самопредъявления личности в виртуальном пространстве с момента его зарождения и до сегодняшнего дня нестабилен и находится в постоянном движении, отвечая на новые предложения Интернета, порождая новый спрос. Пользователю в силу его поведения и особенностей активности необходимо учитывать постоянно меняющуюся виртуальную нормативность — нестабильную и непрозрачную. Это ставит человека в сложное положение по отношению к виртуальному сообществу, общепринятым этическим нормам и по отношению к самому себе.

Социальные сети постепенно стали частью повседневной жизнедеятельности многих людей и неизбежно влияют на самоидентификацию личности. Виртуальная идентичность *пользователя* социальных сетей в свою очередь способна влиять как со знаком плюс, так и со знаком минус на образ жизни *реального* человека и общества, на формирование субъектной позиции личности в реальном и виртуальном бытии.

Сегодня среди ученых нет согласия в вопросе о том, что же собой представляет личность пользователя социальных сетей. В ходе работы нам стали очевидны нарастающие тенденции, свидетельствующие о стремлении пользователя транслировать в киберпространстве свою реальную идентичность с учетом сохраняющейся анонимности. При этом личность стремится соблюсти собственную заинтересованность в сохранении неприкосновенности своего частного виртуального (и реального) пространства, выражающую его це-

лостность, защищенность. Эти аспекты накладывают отпечаток на характер личностной идентичности в условиях виртуализации бытия.

Специфика виртуального пространства дает пользователям возможность исследовать многие аспекты собственной личности. Сохраняющаяся анонимность в данном случае создает позитивную независимость от социальных норм, давления со стороны или отвержения личности, отличающейся от своего окружения расой, сексуальной ориентацией, физическими дефектами и т.д.

Выявленная по итогам исследования западных ученых направленность пользователей социальных сетей на трансляцию своего истинного Я в виртуальном пространстве свидетельствует о нарастающем стремлении пользователей открыто заявлять о себе. Данные проведенного нами исследования обнаруживают более глубокую связь позиции, занимаемой пользователем в социальной сети, — *субъектной* или *асубъектной*, с особенностями проявленности личности в виртуальности — *истинной* или *ложной*. Субъектная позиция выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и в виртуальном бытии; асубъектная — в избегании реального взаимодействия, включении в виртуальное пространство с возможностью регламентации нежелательных контактов и реакций с целью формирования ложной идентичности и получения подкрепления этой идентичности.

Социальные сети выступают богатым ресурсом для выражения *реальной идентичности* и самоопределения (например, профессионального и творческого совершенствования и развития), поскольку внешний (offline) и внутренний (online) мир offline- и online-личности едины в современной действительности. Эта плотная связь при определенных обстоятельствах может привести к возникновению зависимости от виртуального Я и отстранению от реального бытия. В то же время социальные сети являются инструментарием для личности, стремящейся к расширению границ offline-взаимодействия посредством online, обогащая свое реальное бытие дополнительной, простой и доступной ресурсностью.

Библиографический список

1. Адлер, А. (1995). *Практика и теория индивидуальной психологии*. Москва: Фонд «За экономическую грамотность».
2. Асмолов, А. Г., Асмолов, Г. А. (2009). От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. *Вопросы психологии*, (3), 3–15.
3. Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
4. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медуим.
5. Богомолова, Е. И. (2013). Конструирование личностной идентичности, проблемы приватности личности, ее анонимности и безопасности в социальной сети.

- В *Психология – наука будущего: матер. V международной конференции молодых ученых* (с. 70–72). Москва: Институт психологии РАН.
6. Бодрийяр, Ж. (2000). *Символический обмен и смерть*. Москва: Центр гуманитарных технологий.
 7. Войскунский, А. Е. (2010). *Психология и Интернет*. Москва: Акрополь.
 8. Выгонский, С. И. (2010). *Обратная сторона Интернета: психология работы с компьютером и сетью*. Ростов-на-Дону: Феникс.
 9. Жичкина, А. Е. (1999). Социально-психологические аспекты виртуальной коммуникации. Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/Gichk_SocPsih.php
 10. Жичкина, А. Е. (2001). *Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста*. (Автореф. дис. ... канд. психол. наук). Москва.
 11. Косивченко, Е. И. (2012). Стратегии самопредъявления и проблематика приватности личности в виртуальном пространстве ее со-бытия. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: матер. Всерос. науч.-практ. конф.* (с. 120–124). Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
 12. Косивченко, Е. И. (2011). Характерологические особенности личности пользователей социальных сетей Интернета. В *Дружининские чтения: матер. X Всерос. науч.-практ. конф.* (с. 140–144). Сочи: СГУТиКД.
 13. Косивченко, Е. И. (2012). Мотивационная регуляция деятельности личности в виртуальном социальном поле бытия (на примере виртуальных социальных сетей). В *V Съезд общероссийской организации «Российское психологическое общество»: матер. участников съезда*. (Т. 3, с. 47–52). Москва: Российское психологическое общество.
 14. Липовецки, Ж. (2001). *Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.
 15. Майерс, Д. (2000). *Изучаем социальную психологию*. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак.
 16. Рябикина, З. И., Богомолова, Е. И. (2013). Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 76–90.
 17. Фокин, С. А. (1994). *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. Санкт-Петербург: Мифрил.
 18. Шакурова (Камалова), Г. Р. (2005). Самопрезентации уфимских ICQ-пользователей в виртуальном пространстве. В *Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VIII Всерос. объединенной конф.* (с. 84–87). Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
 19. Шакурова (Камалова), Г. Р. (2006). Виртуальные коммуникации уфимцев. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, 11 (1), 60–66.
 20. Шакурова (Камалова), Г. Р. (2008). Идентичность в он-лайн пространстве. В *Этнокультурные и этнополитические процессы в XXI веке: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.* (с. 390–397). Уфа: Гилем.
 21. Albrechtslund, A. (2008). Online Social Networking as Participatory Surveillance. Retrieved from <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2142/1949>

22. Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization. *Psychological Science, 21* (3): 372–374 Retrieved from <http://pss.sagepub.com/content/early/2010/01/28/0956797609360756>
23. Balsamo, A. (1995). Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture. In F. Biocca & M. Levy (Eds.) *Communication in the age of virtual reality. LEA's communication series* (pp. 347–368). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
24. Bechar-Israeli, H. (1995). From «Bonehead» to «Clonehead»: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication, 1* (2). Retrieved from <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-101.1995.tb00325.x/full>
25. Boyd, D. M., Ellison, N. B. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication, 13*, 210–230.
26. Boyd, D. M. (2007, June). We Googled You: Should Fred hire Mimi despite her online history? Harvard Business Review. Retrieved from <http://www.danah.org/papers/HBRJune2007.html>
27. Manago, A. M., Graham, M. B., Greenfield, P.M., & Salimkhan, G. (2008). Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology, 29*, 446–458.
28. Poster, M. (2000). CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere. In J. Hartley, R. E. Pearson, (Eds.) *American Cultural Studies: A reader* (pp. 402–413). New York: Oxford University Press.
29. Reid, E. M. (1991). Electropolis: Communication and Community On Internet Relay Chat. Retrieved from <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/electropolis.html>
30. Sinnirella, M. (1998). Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology, 28* (2), 97–113.
31. Suler, J. (1997). The Bad Boys of Cyberspace Deviant Behavior in Online Multimedia Communities and Strategies for Managing it. Retrieved from <http://www1.rider.edu/~suler/psyber/badboys.html>
32. Turkle, Sh. (1996). Parallel lives: working on identity in virtual space. In D. Grodin & T. R. Lindlof (Eds.) *Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction* (pp. 156–175). Thousand Oaks: Sage.
33. Turkle, Sh. (1997). Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. In S. Kiesler (Ed.). *Culture of the Internet* (pp. 143–155). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
34. Valkenburg, P. M. & Peter, J. (2009). Social consequences of the Internet for adolescents: a decade of research. *Current directions in psychological science, 18*, 1–5.
35. Viseu, A. (1999). A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. Retrieved from http://www.yorku.ca/aviseu/eng_id-shaping_content.html
36. Zimbardo, P. G. (1970). The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. *Nebraska symposium on motivation, 17*, 237–307. Статья поступила в редакцию 14.02.2014.

Статья поступила в редакцию 18.02.2014.

PERSONAL IDENTITY AT VIRTUALIZATION OF BEING

E. I. Bogomolova

Ekaterina I. Bogomolova, Kuban State University, Chair for personal and general psychology, post-graduate student. E-mail: bogomolova_kate@bk.ru.

The article presents the results of the analysis of Western and domestic researches, from different theoretical positions considering the problems of societal increasing virtualization impact on a person and his/her being.

The authors agree in their assessment of the fact that the importance of being integrated in the sphere of everyday social interactions of virtual social networks is important. They though keep disagreement in the ways of considering and assess the problem of personal identity at virtualization of being.

One of the most discussed aspect of virtual reality is the orientation of a person to keep anonymous. Two the most accepted views at anonymity in virtual being and the problem of personal authenticity on the net were extracted as a result of the analysis carried out. A part of the authors indicate *deindividuation* phenomenon and personal orientation at idealized, exaggerated self-presentation, the other are sure in the fact that anonymity enriches the ways of personal self-presentation via joining an image of the other, the attempt to translate one's self into an Other's self in searching the one's self in the stranger's self.

With the emergence of social networks the trend in anonymity has changed and is expressed in the move from experimenting with identity to «stabilization of identity» on the net, the problem discussed being personal *polyidentity*. Equally, the opinions about contemporary multiple identity of a person circulate, included simultaneously in several processes of interaction with the Others, as well as about the danger for a person to be keen on creating multiple digital identifications and then «dropping out» from real being.

The orientation of the social network users on translation their real selves in virtual space indicated by Western researchers is the evidence of the fact that the users tend to claim themselves open. The data of the research carried out by us show complex differentiation connected with the ambiguity of the position the users take: *subject* of or *asubject*, the first expressed in the translation by a person one's real identity in real and virtual being, the second — in the aspiration to avoid real contacts and going away into virtual space, forming false identity.

Key words: person, subject, identity, being, co-being, communication, virtual reality, social network, anonymity.

References

1. Adler, A. (1995). *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [The Practice And The Theory Of Individual Psychology]. Moscow: Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'».
2. Albrechtslund, A. (2008). Online Social Networking as Participatory Surveillance. Retrieved from <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2142/1949>
3. Asmolov, A. G. & Asmolov, G. A. (2009). Ot My-media k Ya-media: transformatsii identichnosti v virtual'nom mire [From We-Media To I-Media: Identity Transformations In The Virtual World]. *Voprosy psikhologii* [Psychology questions], (3), 3–15.
4. Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization. *Psychological Science*, 21 (3): 372–374 Retrieved from <http://pss.sagepub.com/content/early/2010/01/28/0956797609360756>

5. Balsamo, A. (1995). Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture. In F. Biocca & M. Levy (Eds.) *Communication in the age of virtual reality. LEA's communication series* (pp. 347–368). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
6. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos.
7. Bechar-Israeli, H. (1995). From «Bonehead» to «Clonehead»: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1 (2). Retrieved from <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-101.1995.tb00325.x/full>
8. Berger, P. & Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Building Of Reality. The Treatise Of Knowledge Sociology]. Moscow: Medium.
9. Bodrillard, G. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy.
10. Bogomolova, E. I. (2013). Konstruirovaniye lichnostnoy identichnosti, problemy privatnosti lichnosti, ee anonimnosti i bezopasnosti v sotsial'noy seti [Building Personal Identity, The Problems Of Personal Privacy, Anonymity And Security On A Social Network]. In *Psikhologiya – nauka budushchego: mater. V mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* [Psychology – the science of the future: the V International Conference of Young Scientists] (pp. 70–72). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.
11. Boyd, D. M, Ellison, N. B. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13, 210–230.
12. Boyd, D. M. (2007, June). We Googled You: Should Fred hire Mimi despite her online history? Harvard Business Review. Retrieved from <http://www.danah.org/papers/HBRJune2007.html>
13. Fokin, S. L. (1994). *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny 20 veka* [Eros Thanatography. Georges Bataille And French Thought Of Mid-20th Century]. St. Petersburg: Mifril.
14. Kosivchenko, E. I. (2011). Kharakterologicheskie osobennosti lichnosti pol'zovateley sotsial'nykh setey Interneta [Personal Characterological Peculiarities Of Social Network Users On Internet]. In *Druzhininskie chteniya: mater. X Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Druzhinin reading: minutes of 10th All-Russia scientific-practical conference] (pp. 140–144). Sochi: SGUTiKD.
15. Kosivchenko, E. I. (2012). Motivatsionnaya regulyatsiya deyatelnosti lichnosti v virtual'nom sotsial'nom pole bytiya (na primere virtual'nykh sotsial'nykh setey) [Motivational Regulation Of Personal Activity In Virtual Social Being Sphere]. In *V S'ezd obshherossijskoj organizatsii «Rossijskoe psikhologicheskoe obshchestvo»: mater. uchastnikov s'ezda* [5th congress of All-Russia organization “Russian psychological society”, the minutes of the participants] (V.3, pp. 47–52). Moscow: Rossiyskoe psikhologicheskoe obshchestvo.
16. Kosivchenko, E. I. (2012). Strategii smopred'yavleniya i problematika privatnosti lichnosti v virtual'nom prostranstve ee so-bytiya [The Strategies Of Self-Presentations And The Problems Of Personal Privacy In Virtual Social Being Sphere]. In Z. I. Ryabikina & V. V. Znakov (Eds.) *Lichnost' i bytie: problemy, zakonomernosti i fenomenologiya so-bytiya*

- jnosti: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Personality and Being: problems, regularities and phenomenology of co-being: minutes of All-Russia scientific-practical conference] (pp. 120–124). Krasnodar: Kuban State University.
17. Lipovetskiy, Zh. (2001). *Era pustoty. Ocherki sovremennogo individualizma* [Emptiness Age]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
 18. Manago, A. M., Graham, M. B., Greenfield, P.M., & Salimkhan, G. (2008). Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29, 446–458.
 19. Mayers, D. (2000). *Izuchaem sotsial'nuyu psikhologiyu* [Let's Study Psychology]. St. Petersburg: Praym-Evroznak.
 20. Poster, M. (2000). CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere. In J. Hartley, R.E. Pearson, (Eds.) *American Cultural Studies: A reader* (pp. 402–413). New York: Oxford University Press.
 21. Reid, E. M. (1991). Electropolis: Communication and Community On Internet Relay Chat. Retrieved from <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/electropolis.html>
 22. Ryabikina, Z. I. & Bogomolova, E. I. (2013). *Vozmozhnye izmeneniya sub"ektnoy pozitsii lichnosti v svyazi s narastayushchey virtualizatsiey ee bytiya* [Possible Changes In A Subject Personal Position In Connection With The Growing Being Virtualization]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 76–90.
 23. Shakurova (Kamalova), G. R. (2008). Identichnost' v onlayn-prostranstve [Identity In Online-Space]. In *Etnokul'turnye i etnopoliticheskie protsessy v 21 veke: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Ethnocultural And Ethnopolitical Processes In 21st Century: Materials of the International scientific and practical conference] (pp. 390–397). Ufa: Gilem.
 24. Shakurova (Kamalova), G. R. (2005). *Samoprezentatsii ufimskikh ICQ-pol'zovateley v virtual'nom prostranstve* [Self Presentations Of Ufa ICQ-Users In Virtual Space]. In *Tekhnologii informatsionnogo obshchestva – Internet i sovremennoe obshchestvo: trudy VIII Vseros. ob"edinennoy konf.* [The Technologies Of Information Society – Internet And Modern Society: works of the VIII All-Russian joint conference] (pp. 84–87). St. Petersburg, SPbSU Faculty for Philology.
 25. Shakurova (Kamalova), G. R. (2006). *Virtual'nye kommunikatsii ufimtsev* [Ufa Inhabitants Virtual Communications]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Minutes of Bashkortostan Acad. Sci.], 11 (1), 60–66.
 26. Sinnirella, M. (1998). Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*, 28 (2), 97–113.
 27. Suler, J. (1997). The Bad Boys of Cyberspace Deviant Behavior in Online Multimedia Communities and Strategies for Managing it. Retrieved from <http://www1.rider.edu/~suler/psycyber/badboys.html>
 28. Turkle, Sh. (1996). Parallel lives: working on identity in virtual space. In D. Grodin & T. R. Lindlof (Eds.) *Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction* (pp. 156–175). Thousand Oaks: Sage.
 29. Turkle, Sh. (1997). Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. In S. Kiesler (Ed.). *Culture of the Internet* (pp. 143–155). New York: Lawrence Erlbaum Associates.

30. Valkenburg, P. M. & Peter, J. (2009). Social consequences of the Internet for adolescents: a decade of research. *Current directions in psychological science*, 18, 1–5.
31. Viseu, A. (1999). A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. Retrieved from http://www.yorku.ca/aviseu/eng_id-shaping_content.html
32. Voyskunskiy, A. E. (2010). *Psikhologiya i Internet* [Psychology And Internet]. Moscow: Akropol'.
33. Vygon'skiy, S. I. (2010). *Obratnaya storona Interneta: psikhologiya raboty s komp'yuterom i set'yu* [The Reverse Of Internet: The Psychology Of Work With A Computer And Net]. Rostov-on-Don: Feniks.
34. Zhichkina, A. E. (1999). *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty virtual'noy kommunikatsii* [Socio-Psychological Aspects Of Virtual Communication]. Retrieved from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/Gichk_SocPsih.php
35. Zhichkina, A. E. (2001). *Vzaimosvyaz' identichnosti i povedeniya v Internete pol'zovateley yunosheskogo vozrasta* [Interrelation Of Teen-Users' Identity And Behavior On Internet]. (Cand. Dissertation Abstract). Moscow.
36. Zimbardo, P. G. (1970). The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. *Nebraska symposium on motivation*, 17, 237–307.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В УСЛОВИЯХ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

.....

Н. В. Ковалева, Э. Жуан-Ламберт¹

В статье рассматривается актуальность субъектности и конкурентоспособности личности. В современном образовании преподаватель самостоятельно формирует содержание учебных дисциплин, разрабатывает формы образовательной деятельности и т.д. На примере реализации проекта Темпус IV «Образовательная программа бакалавриата по направлению «Социальная работа»» сделан анализ совместной деятельности российских и европейских партнеров. В проекте обсуждался опыт европейских коллег, связанный с Болонскими соглашениями, проводилась творческая работа по конструированию учебного плана (созданию модуля или элемента учебного плана и т.д.), утверждались учебно-методические комплексы дисциплин. Методами разработки плана стали коллективные дискуссии, работа творческих групп, моделирование, интерактивные семинары. Участники проекта научились конструировать модульную структуру учебного плана и разрабатывать систему ECTS (кредитов); составлять учебный план с ориентацией на профессиональные компетенции и т.д.

В статье отражены основные характеристики переходного периода, функциональные роли и типология преподавателей на этапе реформирования. Установлено, что преподаватели — участники проекта занимают открытую к инновациям позицию, имеют высокие результаты в рейтинге преподавателей. Сделан вывод, что сформировать субъектные качества личности студента могут только преподаватели, имеющие опыт подобной субъектной образовательной деятельности. Такой уровень профессиональной подготовки преподаватели и студенты могут освоить при обязательном выполнении новых организационно-психологических условий образовательной деятельности. Опыт участия в международных проектах оказал большое влияние на формирование их субъектных компетенций и способности к инновациям, укрепляя субъектные характеристики, формируя конкурентоспособность и устойчивость к меняющейся среде.

Ключевые слова: субъектность, субъектные компетенции, конкурентоспособность, участие в международном проекте, компетенции, методы разработки учебного плана, компетентный подход, трансформации профессиональных ролей, многоуровневое образование.

¹ Ковалева Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Адыгейского государственного университета. Эл. почта: natkov2004@gambler.ru.

Жуан-Ламберт Элен – научный сотрудник по программе ЕС Мари Кюри, Университет Суссекса, Великобритания. Эл. почта: helene.join-lambert@u-paris10.fr.

Субъектность и конкурентоспособность как необходимые компоненты современной образовательной деятельности

Создаваемая многоуровневая система образования России в соответствии с требованиями Болонского процесса должна эффективно реагировать на потребности рынка труда, совершенствовать внутреннюю систему образовательной деятельности, обеспечить интеграцию в европейское образовательное пространство. Главными ее субъектами на данном этапе являются преподаватели, студенты, административные работники всех уровней института образования. Их индивидуальные психологические особенности, различные социально-экономические факторы обуславливают неоднородность текущих индивидуальных и коллективных результатов, поэтому необходима рефлексия происходящих инновационных процессов и социально-психологических механизмов, способствующих эффективности образовательной деятельности.

В. Е. Лепский с позиций субъектно-ориентированного подхода, исследуя угрозы российского общества, подчеркивает, что преодолеть социально-экономический кризис и занять лидирующие позиции на мировом уровне может только стратегический субъект российского развития, который, по его мнению, пока в России отсутствует. Для формирования стратегического субъекта нужны обладающие опытом, энтузиазмом высококвалифицированные специалисты, адекватный административный ресурс и гуманитарная технология обеспечения и поддержки инновационных проектов [Лепский, 2009].

Проецируя этот подход на конкретную образовательную среду вуза, переживающего модернизацию системы своей деятельности, правомерно говорить о том, что для эффективности реализации инновационных образовательных процессов и конкурентоспособности вузу также необходимы специалисты, владеющие компетенциями по созданию новой образовательной системы, адаптации ее к жизни в условиях вуза и поддержании ее на высоком уровне.

Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ, обеспечивая вхождение России в Болонский процесс, обязал высшие учебные заведения кардинально обновить свою образовательную деятельность, создать условия для развития мобильности студента, его самореализации после окончания вуза и востребованности в обществе. Определены ключевые позиции модернизации вузов:

- развитие многоуровневой системы подготовки кадров, в том числе и для учреждений высшего образования;
- использование системы кредитных единиц для установления трудоемкости учебной деятельности, внедрение модульно-рейтинговой системы оценки результатов образовательной деятельности студентов;
- возрастание мобильности студентов и преподавателей;

- создание внутривузовской системы контроля качества образовательной деятельности;
- совершенствование организационной структуры университета с позиций Болонского процесса.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепил предыдущие положения и расширил их в основных направлениях совершенствования образовательной и научной деятельности. В соответствии с ними преподаватели и студенты, помимо общих требований к реализации образовательных программ, должны владеть методами электронного обучения, самостоятельно создавать и использовать печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы. Преподаватели обязаны обеспечить соответствующее научно-методическое и ресурсное сопровождение преподавания дисциплин, вести инновационную деятельность, работать в условиях информационной открытости, повышать квалификацию, интегрировать образовательную и научно-исследовательскую деятельность.

Психологический аспект реформы состоит в том, что новая система образования требует и позволяет каждому преподавателю проявить себя в качестве полноценного субъекта образовательной среды — ему дано право самостоятельно на основе компетенций проектировать и формировать содержание учебной дисциплины, подбирать и разрабатывать соответствующие формы образовательной деятельности. При этом преподаватель должен использовать психолого-педагогическое проектирование в своем профессиональном пространстве с учетом индивидуальных учебных планов студентов; технологических карт дисциплин; деятельности службы академических консультантов, тьюторов; системы зачетных единиц; модульно-рейтинговой системы оценки деятельности студентов в образовательном процессе и т.д.

Указанные требования направлены на развитие субъектной позиции всех участников образовательного процесса, существенно увеличивают их функции и психофизиологическую нагрузку, особенно в переходный период. В целях оптимизации образовательного процесса следует использовать различные социально-психологические механизмы, повышающие адаптивность и инновационный потенциал преподавателей — непосредственных исполнителей реформы. Так, например, отдельным важным направлением в новой системе образования Закон определяет развитие партнерства и международного сотрудничества, обеспечивающего обмен лучшим опытом, без которого выполнение новых образовательных задач будет неэффективно.

Опыт реализации международных проектов

Одна из наиболее распространенных и интересных форм международного сотрудничества — совместная проектная деятельность, организуемая теми или иными международными общественными организациями совместно с

Министерством образования и науки РФ. Она направлена на формирование и совершенствование международных и внутригосударственных механизмов развития образования. В частности совместное межличностное и профессиональное взаимодействие способствует решению задач интеграции российского образования и его субъектов в европейскую систему образования, обмен инновационным опытом по реализации многоуровневого образования на принципах болонских соглашений. Это направление успешно реализуется в образовательной среде стран Евросоюза.

Международное академическое сотрудничество поддерживается Европейским союзом путем реализации многочисленных программ [Agence 2e²f, 2011]. Так, в Университете Нантер-ля-Дефанс имеется большой и интересный опыт по обмену студентами и преподавателями (ERASMUS), сотрудничеству между вузами разных стран в целях выработки совместного мастер-курса, открытого для мировой публики (ERASMUS MUNDUS), научному обмену и повышению квалификации ученого (Marie Curie). В настоящее время разрабатывается европейский научный проект в рамках Horizon 2020. В данных программах участвуют разные партнеры с разными целями [Schultheissetal, 2008].

Программа ERASMUS — самая популярная и известная программа ЕС в сфере высшего образования [Agence 2e²f, 2009], позволяющая студентам проводить один семестр в вузе другой страны с целью языковой практики, ознакомления с чужой системой образования и получения дополнительного опыта, знаний в собственной сфере обучения. Этот семестр частично финансируется Европейским союзом, выплачивающим стипендии. Полученные за рубежом ECTS признаются отечественным вузом как результаты индивидуального обучения студента. Департамент педагогики Университета Нантер-ля-Дефанс ежегодно принимает от пятнадцати до двадцати зарубежных студентов, но только пять своих студентов отправляет учиться в другую страну. Это связано с тем, что студенты часто получают дополнительное образование и имеют уже работу и семью, что значительно снижает их мобильность. Кроме того, пребывание за границей предполагает:

- 1) овладение хотя бы основами знания иностранного языка;
- 2) наличие денежных средств, так как стипендия Евросоюза частично покрывает только затраты на жилье.

В итоге для студентов нижних экономических слоев, которых в университете много, программа ERASMUS остается недоступной. Активно ведется работа над тем, чтобы укрепить языковые навыки студентов и найти дополнительных стипендию, но пока успехи минимальны.

Программа ERASMUS также поддерживает обмен преподавателями, что позволяет студентам ознакомиться с другими подходами, а преподавателям

поддерживать связи с коллегами из других стран, участвовать в совместных научно-исследовательских и учебных проектах.

Университет Нантер-ля-Дефанс с 2013 г. является членом европейского курса ERASMUS MUNDUS по социальной работе ADVANCES, в котором учатся 17 студентов из 17 разных стран мира². Учебная программа предусматривает обучение в течение семестра в Англии, Дании, Португалии, Франции или Польше. ЕС финансирует обучение студентов и выплачивает им стипендии. Такие программы ЕС призваны укрепить научное и образовательное пространство как внутри Европейского союза, так и за его пределами.

С 1990 г. активно в этой роли выступают программы Темпус, финансируемые Европейским союзом и направленные на поддержку модернизационных процессов высшего образования в странах-партнерах из Восточной Европы, Центральной Азии, Западных Балкан и Средиземноморья. Основной формой деятельности Темпус выступают проекты межвузовского сотрудничества. Главная задача программ — расширение сотрудничества в области высшего образования между Европейским союзом и странами-партнерами в контексте реализации лиссабонской стратегии и Болонского процесса, а также укрепление сотрудничества на уровне учебных заведений, установление и развитие межличностных контактов в сфере образования.

Яркой иллюстрацией может служить разработка и реализация в 2009-2011 гг. проекта — победителя программы Еврокомиссии Темпус IV «Образовательная программа бакалавриата по направлению «Социальная работа»» (Project «Bachelor Curriculum for Social Work») [Join-Lambert & Kremneva, 2014]. Проект предоставил возможность активного взаимодействия коллективов российских вузов в пространстве европейского образования и формирования необходимых компетенций для реализации задач предстоящей реформы. В консорциум проекта вошли европейские и российские вузы: Высшая школа Потсдама (Германия), Парижский университет Нантер-ля-Дефанс (Франция), Римский университет Roma Tor Vergata (Италия), Университет Линкольна (Великобритания), Московский государственный областной университет (Россия), Казанская академия социального образования (Россия) и Адыгейский государственный университет (Россия).

Уникальность и ценность данного проекта состоит в том, что российские участники проекта получили практический опыт идеальной пошаговой процедуры всех этапов организации проектной деятельности: разработки проекта, его планирования, реализации, управления и подведения итогов, часто остающийся за пределами внимания исполнителей проектной деятельности.

На этапе разработки творческая группа подробно исследовала реальное состояние социальных проблем российских регионов (Московской области,

² www.socialworkadvances.org

Адыгеи, Татарстана). Состоялись встречи с представителями органов регионального и муниципального управления в сфере социального развития, на которых обсудили специфику и приоритеты содержания социального заказа на подготовку социальных работников в регионах, систему организации практик, а также возможности вузов по обучению бакалавров социальной работы. Следует отметить, что МГОУ и АСО на тот момент уже имели опыт подготовки специалистов — социальных работников, а в АГУ осуществлялось обучение только социальных педагогов и предполагалось, что проект станет фундаментальной основой для обучения социальных работников в Адыгее. В результате определились региональные особенности содержания подготовки бакалавров в рамках будущего совместного учебного плана: АГУ — социально-психолого-педагогическое сопровождение семьи в трудной жизненной ситуации, АСО — медико-социальная работа с инвалидами и их семьями.

С помощью мозговых штурмов, дискуссий, рефлексии, конструирования участниками рабочей группы по созданию проекта были разработаны концептуальная структура проекта, подходы к содержанию, методы разработки учебного плана, составлен бюджет проекта, определен возможный вклад каждого европейского вуза в развитие создаваемого экспериментального учебного плана подготовки бакалавров социальной работы.

В ходе выполнения проекта каждый европейский вуз представил информацию о системе подготовки бакалавров социальной работы в своей стране и в своем вузе в частности. Особое внимание обращалось на аспекты содержания, организации и сопровождения обучения, связанные с Болонскими соглашениями, а именно: модульная структура учебного плана, кредиты, работа с компетенциями, практикоориентированность, интерактивные методы обучения, организация практик, оценка компетенций, контроль качества обучения. Важное значение имел методический компонент — каждый вуз делился своими наиболее интересными методическими разработками, пособиями, учебно-методическими комплексами и т.д.

Университет Roma Tor Vergata выполнял особую функцию в проекте. Этот вуз, будучи одним из ведущих медицинских научно-исследовательских центров в Италии, реализует профессиональную подготовку студентов методом дистанционного обучения, поэтому на него возлагалась задача ознакомить членов консорциума с технологией дистанционного обучения Moodle и обеспечить ее использование в экспериментальном учебном плане и в самом проекте.

Вся работа по разработке учебного плана бакалавров социальной работы проводилась в соответствии с разработанным планом мероприятий в течение года, затем он был апробирован в процессе обучения первого курса бакалавров социальной работы в трех российских вузах. Основными формами реализации проекта стали рабочие встречи-сессии, на которых решались ме-

тодические, организационные, проективные и содержательные задачи создания учебного плана. Сессии проходили в несколько этапов: представление и обсуждение опыта европейских коллег по теме встречи, творческая работа по конструированию структуры учебного плана (созданию модуля или элемента учебного плана и т.д.), подведение итогов встречи, обсуждение следующей встречи и заданий членам консорциума по подготовке к ней. Члены консорциума распределили между собой ответственность за разработку модулей и УМК их дисциплин.

Было проведено более одиннадцати таких встреч. Декан социологического факультета Высшей школы Потсдама, руководитель проекта Петер Кнезель и его коллеги Ютта Ботт и Вали Гайслер подробно представили систему работы факультета социальной работы с бакалаврами в Германии, в частности в Потсдаме, подходы к организации учебной и производственной практик с привлечением тьюторов, ознакомили с формами трехсторонних договоров (университет — учреждение — студент) и т.л.

Руководители и сотрудники научных лабораторий, преподаватели Парижского университета Нантер-ля-Дефанс Элен Жуан-Ламберт, Доминик Фабле, Пьеретте Пайллас, раскрыли специфику высшего образования и особенности уровневой подготовки бакалавров социальной работы во Франции. Университет был основан в 1964 г., в 2008 г. в нем обучалось 30000 чел. К числу старейших относится факультет гуманитарных наук. В период действия проекта на факультете образовательных наук, сотрудники которого были участниками консорциума, работали 20 преподавателей на постоянной основе, около 50 младших преподавателей и получали образование 900 студентов разных уровней обучения: бакалавры, магистранты и докторанты. Работали 9 лабораторий, цель которых — преподавание и исследование социальных, психологических проблем семей и детей, переживающих трудную жизненную ситуацию. Их деятельность организована по принципу команды, в которую входят специалисты разных отраслей науки — педагоги, психологи, социологи и т.д., что позволяет исследовать и решать проблему семьи комплексно.

Во Франции образовательные степени социальным работникам присваиваются не университетом, а профессиональными школами. С 1982 г. факультет заключает соглашения с несколькими профессиональными школами, чтобы студенты могли получить сразу и профессиональную, и университетскую степень (бакалавр или магистр). Поэтому часть студентов факультета одновременно являются студентами школ социальной работы. Учебные планы для таких студентов согласовываются между профессиональными школами и факультетом.

Члены консорциума ознакомились с методами и направлениями деятельности учреждений (школ), обучающих социальных работников-практиков для разных сфер социальной деятельности, с системой компетенций во француз-

ской модели образования, которая идет от социальных учреждений и базируется на коллективных соглашениях. Три выделяемых в ней параметра — знания, практическая работа (умение применять знания на практике) и понимание — были использованы в экспериментальном учебном плане.

Антонио Вольпи, Роберта Парнисари, представители Римского университета Roma Tor Vergata, в работе консорциума использовали свой опыт формирования у бакалавров компетенций работы с больными людьми и их семьями. Алесслио Чеккерелли, Лаура Барбагалло, включили всех участников проекта в работу на платформе Moodle, начав формировать у них компетенции организации, управления и реализации дистанционного обучения. Во всех трех российских вузах были установлены платформы Moodle, бакалавры первого года обучения в экспериментальных группах апробировали учебные дисциплины, а их преподаватели овладели новыми для себя компетенциями. В настоящее время в Адыгейском госуниверситете все факультеты продолжают работать с уже усовершенствованной платформой Moodle-2.

Большой вклад в работу консорциума внесли представители Университета Линкольна Жаннетт Уолкер и Майкл Расселл, познакомившие участников с интересными методами интерактивных и практических методов обучения, с этапами прохождения практики в университете, с системой сертификации и внешнего контроля качества работы университета, связей с учреждениями, заинтересованными в его выпускниках.

Организаторами и координаторами деятельности всех участников по разработке и реализации проекта и его мероприятий выступили представители международной организации ВВJ Петер Эбертц, Александр Выборов и Ирина Олейник. Их опыт управления проектом, финансового распределения и контроля, организации взаимодействия партнеров, подготовки отчетности обеспечил четкость и эффективность выполнения всех мероприятий, целей и задач проекта.

В процессе групповых дискуссий, анализа предлагаемого опыта и Болонских принципов был достигнут важный психологический результат — участники проекта получили осознанные опыт и знания по освоению и реализации *деятельностно-компетентного подхода к построению образовательных систем разного уровня*, психологических позиций субъектов образования, общих для образовательного пространства Европы и России.

А. С. Макарова, проректор АГУ, цель компетентного подхода в образовании определяет как развитие культуры самоопределения, т.е. способность и готовность выпускника вуза самоопределяться, самореализоваться, саморазвиваться в любой проблемной ситуации предстоящей профессиональной деятельности. Компетентность в своей основе содержит не только умение, но и готовность субъекта актуализировать имеющиеся знания и опыт для решения конкретных проблем. Она рассматривается как инструмент измерения каче-

ства профессионального образования, поэтому новые образовательные стандарты должны иметь ясные для студента цели учебного курса, конкретные способы описания учебных результатов, адекватные критерии и инструменты оценивания [Макарова, 2011].

По словам руководителя Офиса программы Темпус в Москве О.Н. Олейниковой, компетенции в новых образовательных стандартах — это динамическое сочетание ряда параметров — знаний и их применения, умений, отношений и ответственности, описывающих результаты освоения программы модуля обучения [Олейникова, 2009]. Она подчеркивает, что в новой образовательной парадигме результаты обучения отличаются от задач обучения тем, что они относятся к достижениям студента, а не к работе преподавателя. Профессионально развиваясь, выпускник (бакалавр и тем более магистр) должен уметь создавать что-то новое в своей профессии, пусть даже в небольших масштабах. Х. Клеве добавляет, что учащийся должен овладеть тремя компонентами компетенции: феноменальным знанием (описательным), каузальным знанием (объяснительным) и акциональным знанием (действенным), нести самостоятельную ответственность за принятое решение и уметь определять цели, исходя из собственных ценностных оснований [Клеве, 2009].

П. Кнэзель отмечает, что в образовательной системе Германии также происходит переход от ориентации на потребление к ориентации на отдачу, итог, поэтому большое значение придается результату обучения, ориентированному на трудоустройство [Кнэзель, 2009]. Д. Фабле сообщает, что в рамках реформы образования во Франции введена система сертификации дипломов всех уровней на основе разработанной сетки практико-ориентированных показателей: уровень мастерства, компетенция, полученное образование [Фабле, Макарова, 2009].

Участники консорциума пришли к выводу, что сформировать субъектные качества личности студента могут только преподаватели, имеющие опыт подобной субъектной образовательной деятельности. Такой уровень профессиональной подготовки преподаватели и студенты способны освоить при обязательном выполнении новых организационно-психологических условий образовательной деятельности.

Условие 1. Использование новых форм организации образовательной деятельности: мобильное и гибкое планирование; установление оптимального соотношения аудиторной и внеаудиторной работы.

Условие 2. Информатизация управления учебным процессом на всех уровнях. Единая информационная система обеспечивает создание и распространение различных информационных документов с разной степенью адаптации (для преподавателей, научных консультантов, студентов и др.), а также нормативно-организационных документов (положений, рекомендаций и др.).

Условие 3. Кредитно-модульная организация учебного процесса, предполагающая возможность оперативного доступа студентов, преподавателей, руководителей и сотрудников подразделений университета к учебно-методическим материалам, связанным со структурой, содержанием, инновационными формами, методами, технологиями обучения.

Используя опыт европейских коллег, собственный опыт и условия российской образовательной среды, творческие группы МГОУ, АГУ и АСО пошагово формировали экспериментальный учебный план и его методическое сопровождение — УМК по каждой дисциплине. Методами разработки учебного плана стали коллективные дискуссии, работа творческих групп, группомыслие, моделирование, знакомство с документами, семинары с преподавателями и студентами, экскурсии и т.д. Большое влияние на успешность проекта оказали системное планирование и распределение нагрузки: все мероприятия были спланированы коллективно, поэтому переносов рабочих сессий, срывов не было. Каждый участник знал свои задачи и функции, круг своих поручений, ответственно подходил к выполнению, с уважением относился к партнерам. Возникающие непредвиденные проблемы решались коллегиально, новая информация доводилась до сведения заинтересованных участников. Каждый разработанный между встречами документ (содержание модулей, УМК, Положение о практиках, формы договоров и т.д.) скрупулезно обсуждался, оценивался, подвергался независимой экспертизе и утверждался. Все встречи были насыщены интересной информацией, творчеством и удивительным состоянием коллективной увлеченности, что способствовало взаимообогащению и личностно-профессиональному развитию всех членов консорциума.

В результате, лично разрабатывая и реализуя основные приоритеты экспериментального учебного плана, участники проектной группы освоили компетенции субъектной (самоорганизующейся, инновационной) образовательной деятельности, проявляющиеся в полученных ими новых знаниях и умениях и готовности их применять:

- конструировать модульную структуру учебного плана;
- понимать принципы и разрабатывать систему ECTS (кредитов);
- составлять учебный план с ориентацией на практические результаты и профессиональные компетенции;
- организовывать и проводить инновационный мониторинг качества образования;
- конструировать и вводить активные формы обучения;
- организовывать участие студентов в планировании и организации учебного процесса;
- овладевать методами развития студенческой мобильности;
- развивать собственную профессиональную мобильность;

- строить партнерские отношения между учреждениями высшего образования и рынком труда;
- овладевать методами развития дистанционного обучения в рамках учебного процесса;
- обеспечивать методическое сопровождение учебного плана разработками европейского уровня.

Исследование влияния опыта реализации международных проектов на формирование субъектных компетенций и конкурентоспособности преподавателей вуза

Организация и вовлечение студентов в новые виды учебной деятельности зависят от профессионализма преподавателей, осуществляющих обучение через личное влияние и взаимодействие со студентами. Следовательно, концептуальные требования компетентностного подхода должны быть применены не только к студентам но и к преподавателям высшей школы, системе их профессиональной деятельности.

Исследование влияния опыта реализации международных проектов на формирование субъектных компетенций и конкурентоспособности преподавателей вуза в условиях многоуровневого образования было проведено коллективом Центра социально-психологических проблем НИИ КП АГУ уже после завершения проекта Темпус в рамках Программы АВЦП мероприятия 1 Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы» по теме «Разработка антикризисных аспектов безопасности вуза в условиях реформирования при переходе на двухуровневое образование в соответствии с требованиями Болонского процесса» (2011 г.) и по теме ЕЗН «Психологическая устойчивость вуза в условиях модернизации образования» (2012-2013 гг.).

В 2010 г. в исследовании приняли участие 60 преподавателей АГУ с опытом работы от 3 до 40 лет. Среди них — 7 участников рабочей группы проекта Темпус. В рамках интерактивных занятий факультета повышения квалификации методом фокус-групп были выявлены основные характеристики переходного периода:

- изменение требований к активности позиций всех субъектов образовательной среды (преподавателей, студентов, административных работников) и разная степень их готовности к реализации новых требований;
- наложение (совмещение) функций и обязанностей уходящей системы образования и вводимых новых видов деятельности, связанных с новой системой;
- увеличение объема профессиональной деятельности;
- противоречивость и размытость управленческих требований и решений;

- неопределенность, отсутствие четких указаний и регулирования новых видов деятельности.

Были выделены характерные и актуальные для переходного периода вуза функциональные роли преподавателей, которые распределились на две категории: традиционные и инновационные. К традиционным были отнесены такие роли, как преподаватель, методист, лектор, исследователь, воспитатель, организатор, научный руководитель, администратор, психолог, библиограф.

К инновационным, связанным с реформированием деятельности вуза, были отнесены: имиджмейкер, пользователь ПК, редактор, наборщик авторских текстов, человек, аналитик, менеджер, юрист, разработчик проектов, супервизор, эксперт, субъект рыночных отношений.

Далее респонденты оценили степень новизны для себя в традиционных и в инновационных ролях, что позволило определить самооценку уровня требуемых изменений в своем профессиональном ролевом пространстве. В среднем для группы этот показатель составил 70%. В группе участников проекта этот показатель составил 45%. Следовательно, они опережают коллег в освоении инновационных видов деятельности.

Для выявления отношения преподавателей к трансформации своих профессиональных ролей по критериям самооценки (могу), потребности (хочу) и ценности (надо) респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале, насколько они испытывают потребность в изменениях в каждой из обозначенных ролей, могут или считают необходимым их реализовать. В результате преподаватели распределились на три группы:

Группа 1 — занимающие закрытую к инновационным изменениям позицию, т.е. переживают отстраненность, отчуждение от инновационных изменений, не принимают их (7 чел., или 12%);

Группа 2 — занимающие смешанную позицию, сочетающую частичную личную отстраненность и индивидуально определяемую степень причастности к отдельным направлениям реформирования (38 чел., или 63%);

Группа 3 — занимающие открытую к инновациям позицию, т.е. чувствующие личную причастность к новой деятельности, личную заинтересованность в ней (15 чел., или 25%).

Следует отметить, что из числа респондентов — участников проекта 5 чел. вошли в группу с открытой позицией к инновациям и только двое имеют смешанную позицию.

В 2012-2013 гг. Центр социально-психологических проблем НИИ КП АГУ продолжил исследование психологических трудностей субъектов образовательной среды и психологической устойчивости вуза в условиях реформы. В нем приняли участие 50 преподавателей. В результате групповой рефлексии, работы фокус-групп анализа документов был выявлен один из распространен-

ных психологических барьеров, создающих препятствия, — инерционность преподавателей, связанная со стереотипами уходящей образовательной системы. Как уже отмечалось, уходящая традиционная образовательная парадигма была основана на объектной позиции участников процесса обучения: все ключевые организационные и содержательные параметры государственных стандартов определяло Министерство образования и науки РФ. Новая система требует стратегической позиции и субъектного поведения участников образовательного процесса, следовательно, стратегических компетенций. Анализ документов, сопровождающих реформу вуза (Закон об образовании РФ, указы, распоряжения, положения о рейтингах), работа фокус-групп, групповая рефлексия и интерактивные занятия групп ФПК позволили сформулировать инновационные субъектные компетенции преподавателей, позволяющие им быть конкурентоспособными в реформируемой образовательной среде.

Компетенция 1. Определяет личные цели и задачи модернизации своей профессиональной деятельности в условиях перехода вуза на двухуровневое образование.

Компетенция 2. Владеет методическими технологиями разработки практико-ориентированных, интерактивных занятий со студентами.

Компетенция 3. Понимает принципы и владеет технологиями информационного и дистанционного обучения.

Компетенция 4. Умеет разрабатывать индивидуальную систему контроля качества обучения студентов в рамках своих дисциплин.

Компетенция 5. Способен стратегически мыслить, разрабатывать экономически перспективные научно-исследовательские и образовательные проекты.

Компетенция 6. Владеет теоретическими и практическими методами обработки и оформления информации, обеспечивающими мобильность и публикационную активность.

Компетенция 7. Способен к саморазвитию, владеет методами супервизии и методами профилактики профессионального утомления и эмоционального выгорания.

Эти компетенции составляют основу рейтинга преподавателей АГУ, который проводится ежегодно по итогам календарного года. Анализ показателей рейтинга среди доцентов АГУ за период 2009-2012 гг. показывает, что рейтинговые места участников, имеющих опыт реализации международных проектов, располагаются в первой трети списка:

- в 2009 г. диапазон составил от 3-го до 53-го места из 353;
- в 2010 г. диапазон от 6-го до 114-го места из 329;
- в 2011 г. диапазон от 8-го до 93-го места из 305;

- в 2012 г. диапазон от 4-го до 85-го места из 319.

Три преподавателя помимо проекта Темпус имеют опыт проектной деятельности международного уровня еще в двух проектах: проекте ЕС и РФ «Дети и молодежь групп риска» (2005-2006 гг.) и проекте АВРР «Каждому ребенку нужна семья» (2008-2010 гг.). Их рейтинговые показатели еще выше: от 4-го до 11-го места в 2009 г., от 6-го до 18-го места в 2010 г., от 8-го до 22-го в 2011 г., от 16-го до 33-го в 2012 г.

Кроме того, в 2011-2013 гг. группа преподавателей, участвовавших в международном проекте Темпус, выиграла проект ЕЗН МО РФ «Психологическая устойчивость вуза в условиях модернизации». Два социальных проекта, разработанных с их участием, стали победителями конкурса грантов Президента РФ для НКО в 2013 г.

Приведенные факты говорят о том, что опыт участия в реализации международных проектов оказывает большое развивающее влияние на формирование субъектных компетенций личности и способности их реализовывать в сфере реформируемой инновационной деятельности, проявляя и укрепляя субъектные характеристики личности в образовательной системе, формируя ее конкурентоспособность и устойчивость.

Библиографический список

1. Клеве, Х. (2009). Теория компетенций в социальной работе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*, (3), 75–79.
2. Кнёзель, П. (2009). Учебный план курса «Социальная работа». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*, (3), 56–74.
3. Лепский, В. Е. (2009). *Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию*. Москва: Когито-центр.
4. Макарова, Л. С. (2011). *Информационные материалы для преподавателей по основам Болонской модели высшего профессионального образования*. Майкоп: АГУ.
5. О высшем и послевузовском профессиональном образовании: Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ. (1996, Август 29). *Российская газета*. с. 8–9.
6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. (2012, Декабрь 31). *Российская газета*. с. 7–8.
7. Олейникова, О. Н. (2009). Болонский процесс и сопоставимость программ, дипломов и квалификаций высшего образования. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*, (3), 13–25.
8. Фабле, Д., Макарова, Л. С. (2009). Актуальные проблемы реформирования социальной работы и подготовка социальных работников во Франции. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*, (3), 79–86.

9. Agence 2e2f. (2009). Etude d'impact : les nouvelles mobilités du programme ERASMUS en France. Retrieved from www.2e2f.fr/docs/20130419_etude-imer.pdf
10. Agence 2e2f. (2011). Les programmes européens au cœur des stratégies internationales des établissements d'enseignement supérieur. Retrieved from www.2e2f.fr/docs/20111006_soleoscope-2.pdf
11. Join-Lambert, H. & Kremneva, T. (2014). Trying to Implement the Bologna Process in Russia: Limits and Outcomes of the Transformation Process. In A. Mikhailov & O. Breskaya (Eds.) *Reforming Social Sciences, Humanities and Higher Education in Eastern Europe and CIS after 1991*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
12. Schultheis, F., Roca I Escoda, M., & Cousin, P-F. (Eds.). (2008). *Le cauchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen*. Paris: Raisons d'agir.

Статья поступила в редакцию 12.02.2014.

.....

THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL PROJECTS AS A FACTOR OF FORMING SUBJECT COMPETENCES AND COMPETITIVENESS OF THE TEACHERS OF SCHOOLS OF HIGHER LEARNING IN THE CIRCUMSTANCES OF MULTILEVEL EDUCATION

N. V. Kovaleva, H. Join-Lambert

Assist. Prof. Natalya V. Kovaleva, Cand. Sci. (Psychology), Adyghee State University, Chair for Psychology e-mail: natkov2004@rambler.ru.

Helen Join-Lambert, University of Sussex, Great Britain, Marie Curie UE program researcher, e-mail: helene.join-lambert@u-paris10.fr.

The article considers the actuality of personal subjectness and competitiveness. In the modern education a teacher by him/herself develops the content of a discipline, the forms of training activity, etc. On the example of Tempus IV «Bachelor Curriculum for Social Work» the analysis is done of joint work of European and Russian partners. In the project the experience of the European colleagues was discussed connected with the Bologna agreements, a creative work was done on building of a curriculum (development of a module or an element of the curriculum, etc.), academic complexes of disciplines were approved. The methods of the curriculum development creative group work, collective discussions, modeling, interactive seminars have become. The participants of the project knew how to design a module structure of a curriculum and build ESTC; compile a curriculum with the orientation at professional competences, etc.

The article reflects the basic characteristics of transitional period, the functional roles and the typology of teachers at the stage of reforming. The project participant teachers are determined to have the position open to innovations, and high results in the ranking of teachers. The conclusion is made that only a teacher with the experience of such subject educational activity can build subject qualities of a student's person. Such a level of professional training the teachers and the students can master only by performing new organizational-psychological conditions of educational activity. The experience in participation in international projects highly influenced the building of their subject competences and innovation capabilities, strengthening subject characteristics, building competitiveness and stability to a changing environment.

Key words: subjectness, subject competences, competitiveness, participation in an international project, competences, methods of developing a curriculum, competence approach, transformation of professional roles, multilevel education.

References

1. Agence 2e2f. (2009). Etude d'impact : les nouvelles mobilités du programme ERASMUS en France. Retrieved from www.2e2f.fr/docs/20130419_etude-imera.pdf
2. Agence 2e2f. (2011). Les programmes européens au cœur des stratégies internationales des établissements d'enseignement supérieur. Retrieved from www.2e2f.fr/docs/20111006_soleoscope-2.pdf
3. Clevet, H. (2009). Teoriya kompetentsiy v sotsial'noy rabote [The theory of competences in Social work]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psihologicheskie nauki»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Psychological sciences series], (3), 75–79.
4. Fablet, D. & Makarova, L. S. (2009). Aktual'nye problemy reformirovaniya sotsial'noy raboty i podgotovka sotsial'nykh rabotnikov vo Frantsii [Actual problems of reforming social work and training social workers in France]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psihologicheskie nauki»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Psychological sciences series], (3), 79–86.
5. Join-Lambert, H. & Kremneva, T. (2014). Trying to Implement the Bologna Process in Russia: Limits and Outcomes of the Transformation Process. In A. Mikhailov & O. Breskaya (Eds.) *Reforming Social Sciences, Humanities and Higher Education in Eastern Europe and CIS after 1991*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
6. Knezel', P. (2009). Uchebnyy plan kursa "Sotsial'naya rabota" [Social work course curriculum]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psihologicheskie nauki»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Psychological sciences series], (3), 56–74.
7. Lepskiy, V. E. (2009). *Sub"ektno-orientirovanny podkhod k innovatsionnomu razvitiyu* [Subject-oriented approach to innovational development]. Moscow: Kogito-tsentr.
8. Makarova, L. S. (2011). *Informatsionnye materialy dlya prepodavateley po osnovam Bolonskoy modeli vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Information materials for teachers of the basics of the Bologna model of higher professional education]. Maykop: ASU.
9. O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii: Federal'nyj zakon ot 22.08.1996 № 125-FZ [On higher and post-graduate professional education: Federal law of 22.08.1996 № 125-FZ] (1996, August 29). *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. pp. 8–9.
10. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ [On education in the Russian Federation: Federal law of 29.12.2012 № 273-FZ]. (2012, December 31). *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. pp. 7–8.
11. Oleynikova, O. N. (2009). Bolonskiy protsess i sopostavimost' programm, diplomov i kvalifikatsiy vysshego obrazovaniya [The Bologna process and the comparativeness of programs, diplomas and qualification of higher education]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psihologicheskie nauki»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Psychological sciences series], (3), 13–25.
12. Schultheis, F., Roca I Escoda, M., & Cousin, P-F. (Eds.). (2008). *Le cauchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen*. Paris: Raisons d'agir.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).
Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, *затем*: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, *затем*: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабadoш, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasjukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatelnosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskyyi podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi:10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet* (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

.....

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

В случае принятия статьи к печати и включения её в план издания с автором(-ми) заключается договор об оказании услуг по подготовке статьи к публикации.

REVIEWING THE ARTICLES

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.

In case the article is admitted and included in a publication plan, the editor's board contracts with the author/s on preparation of the article for publishing.